

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н. Ангерман, д-р наук, проф. (Гамбургский университет, Германия)

Д. Бэжман, д-р наук (Хельсинкский университет, Финляндия)

С. Г. Веригин, д-р ист. наук, доцент (декан Петрозаводского государственного университета)

Н. А. Копанев, канд. ист. наук (зав. Центром изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера» РНБ)

Н. Кент, д-р наук, проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

М. Клементи, д-р наук (исследователь Восточной Европы департамента социальных и политических наук университета Калабрии, Италия)

А. В. Лихоманов, канд. ист. наук, доцент (ген. директор РНБ)

Д. Ливен, д-р наук, проф. (Кембриджский университет, Великобритания)

Д. Мэтлок, д-р наук, проф. (Принстонский и Колумбийский университеты, США).

М. Ниендорф, д-р наук, проф. (Исторический институт, Грайфсвальд, Германия)

Г. Оселиус, д-р наук (Шведский национальный военный колледж)

М. Рио-Сарсе, д-р наук, проф. (университет Париж VIII, Франция)

В. В. Рогинский, д-р ист. наук (Институт всеобщей истории РАН)

В. В. Сергеев, д-р ист. наук, проф. (зав. кафедрой Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта)

Э. Чапевский, д-р ист. наук, проф. (Вроцлавский университет, Польша)

А. Г. Шкваров, канд. ист. наук (Хельсинкский университет, Финляндия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В. Н. Барышников (председ.), д-р ист. наук, проф.

В. А. Ушаков, д-р ист. наук, проф.

В. Е. Возгрин, д-р ист. наук, проф.

А. А. Петрова, канд. ист. наук, доцент

Н. П. Евдокимова, канд. ист. наук, доцент

В. Н. Борисенко, канд. ист. наук, доцент

Т. Н. Гончарова (отв. ред.), канд. ист. наук, ст. преп.

Л. В. Сидоренко (дизайн), канд. ист. наук, асс.

Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории Нового и новейшего времени

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ**

St-Petersburg State University
Faculty of History
The Chair of Modern and Contemporary History

**PROCEEDINGS OF THE CHAIR
OF MODERN AND CONTEMPORARY
HISTORY**

10

2013

ББК 63.3(0)

Т78

Редколлегия выпуска: д-р ист. наук, проф. *В. Н. Барышников* (председ.); канд. ист. наук, ст. преп. *Т. Н. Гончарова* (отв. ред.); канд. ист. наук, асс. *Л. В. Сидоренко*.

Рецензенты: д-р философ. наук, проф. *А. Л. Вассович* (РИСИ)
д-р ист. наук, проф. *А. В. Смолин* (СПбГУ)

Т 78 Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 10 /
Сост. Т. Н. Гончарова. – Санкт-Петербург, 2013. – 206 с.

ISSN 2227-3824

В журнале представлены материалы научных исследований, подготовленные на кафедре истории Нового и новейшего времени Исторического факультета СПбГУ. Среди них научные статьи, доклады, историографические обзоры, публикации источников, рецензии, хроника и т.д. Журнал адресован специалистам и всем, кто интересуется западноевропейской и американской историей.

The periodical contains research materials prepared by the Chair of Modern and Contemporary History of the Faculty of History of St. Petersburg State University. It includes scientific articles, reports, historiography, source publications, reviews of books, chronicles etc. The periodical is addressed both to experts and anyone interested in the West-European and American history.

ББК 63.3(0)

ISSN 2227-3824

© Авторы статей, 2013

© Исторический факультет СПбГУ, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
--------------------------	----

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Борисенко В. Н., Сидоренко Л. В.</i> Роль фактора завоевания в оценке Славной революции 1688–1689 гг.	14
<i>Возгрин В. Е.</i> Крымские татары в Отечественной войне 1812 г.	25
<i>Плат Т.</i> Рига 1812 г. – события и последствия: пожар в московском предместье Риги	35
<i>Чихорацки П., Домбровски Д.</i> События 1938–1939 гг. в Подкарпатской Руси и последняя польская попытка осуществления идеи «Междуморья»	44

II. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Шкваров А. Г.</i> Части Финляндского корпуса и финские национальные войска в 1812 году	59
<i>Пленков О. Ю.</i> Французская кампания Вермахта и ее стратегические последствия	66
<i>Клименко О. О.</i> Влияние доктрины Трумэна и плана Маршалла на изменение политики США в Китае в 1947 – начале 1948 г.	72
<i>Гончарова Т. Н.</i> Русские события парижской зимы 2012–2013 гг.: сотрудничество России и Франции в сферах культуры, науки и образования	78

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Шершинева С. В.</i> Роман Дж. Ф. Купера «Шпион, или повесть о нейтральной территории» как первый американский исторический роман	96
<i>Барышников В. Н.</i> Историческое значение документального фильма автора-режиссера Ю. Райзмана «К вопросу о перемирии с Финляндией» (1944 г.).	108

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

Записки генерала В. И. Левенштерна (фрагменты). Подготовка текста, вступительная статья и комментарии О. В. Соколова.	121
---	-----

V. РЕЦЕНЗИИ

<i>Кротов П. А.</i> Рецензия на книгу: Шкваров А. Г. Казачество эпохи Петра Великого. Конец «вольностям» казачьим. СПб.: Алетейя, 2012. – XVI, 416 с.	153
<i>Щеголев С. И.</i> Рецензия на антологию: Наполеон Бонапарт: Pro et Contra. Личность и деяния Бонапарта в оценках российских исследователей / Сост., вступ. статья, комментарии О. В. Соколова. СПб.: РХГА, 2012. – 1038 с. (Серия «Русский Путь»).	156

VI. ХРОНИКА

Научные конференции, проведенные кафедрой истории Нового и новейшего времени (октябрь 2012 – март 2013 г.).	163
<i>Гончарова Т. Н.</i> Встреча с экс-президентом Франции Валери Жискар д'Эстеном	179
Наши юбиляры (А. В. Смолин, Н. П. Евдокимова)	188

Материалы, опубликованные в «Трудах кафедры Истории Нового и новейшего времени» № 6-10 (2011–2013 гг.)	192
РЕФЕРАТЫ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ	199
ABSTRACTS OF SCIENTIFIC PAPERS	205
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	210

CONTENTS

PREFACE	12
----------------------	----

I. SCIENTIFIC ARTICLES

<i>Borisenko V. N., Sidorenko L. V.</i> Role of the Factor of Conquest in estimation of the Glorious Revolution of 1688–1689	14
<i>Vozgrin V. E.</i> The Crimean Tatars in the Patriotic war of 1812	25
<i>Plat T.</i> Riga 1812 – Incident and significance: The fire of Moscow suburb	35
<i>Chihoratski P., Dombrovski D.</i> The events of 1938–1939 in Carpathian Ruthenia and the last attempt to implement the idea of «Intermarum»	44

II. SCIENTIFIC REPORTS

<i>Shkvarov A. G.</i> The units of the Finland corps and the Finnish national troops in 1812	59
<i>Plenkov O. Y.</i> The French campaign of Wehrmacht and its strategic consequences	66
<i>Klimenko O. O.</i> The influence of the Truman Doctrine and the Marshall Plan for U. S. policy change in China in 1947 – early 1948	72
<i>Goncharova T. N.</i> Latest news from Paris: French-Russian Cooperation in the fields of culture, science and education	78

III. CRITICAL STUDY OF SOURCES AND HISTORIOGRAPHY

<i>Shershneva S. V.</i> A Novel of J. F. Cooper «The Spy: A Tale of the Neutral Ground» as the First American Historical Novel	96
--	----

<i>Baryshnikov V. N.</i> The historical significance of the documentary film of the writer and stage-director Y. Raizman “On the question of the Armistice with Finland” (1944)	108
---	-----

IV. HISTORICAL ANTHOLOGY

Diary of General W. Löwenstern (fragments). Texte preparation, prolusion and comments by O. V. Sokolov	121
--	-----

V. REVIEWS

<i>Krotov P. A.</i> Review on the book: Shkvarov A. G. Cossacks at the time of Peter the Great. The end of Cossack liberties. Saint-Petersburg, 2012. – XVI, 416 c.	153
<i>Schegolev S. I.</i> Review on the anthology: Napoleon Bonaparte: Pro et Contra. The personality and deeds of Bonaparte in estimates of Russian researchers / author and compiler O. V. Sokolov. Saint-Petersburg, 2012. – 1038 c.	156

VI. CHRONICLE

Conferences organized by the Chair of Modern and Contemporary history (October 2012 – March 2013)	163
<i>Goncharova T. N.</i> The meeting with former President of France Valery Giscard d’Estaing	179
Our Greetings (A. V. Smolin, N. P. Evdokimova)	188
Materials published in “Proceedings of the Chair of Modern and Contemporary history” № 6–10 (2011–2013)	192

ABSTRACTS OF SCIENTIFIC PAPERS	205
---	-----

PERSONAL DATA OF AUTHORS	210
---	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Десятый выпуск «Трудов» по традиции содержит наиболее значимые и интересные исследования сотрудников и аспирантов кафедры, а также других ученых из России и зарубежья по актуальным проблемам истории Западной Европы и Америки от Великих географических открытий до настоящего времени.

Тема Отечественной войны 1812 г. или Русской кампании Наполеона, как принято называть ее в западной историографии, широко представлена в данном выпуске. И не случайно. Юбилейные мероприятия вновь привлекли внимание к ее проблематике. Помещенные в издании статьи освещают вклад национальных окраин Российской империи в общую победу. Действия крымских кавалерийских частей, финских войск, рижского гарнизона стали предметом изучения проф. В. Е. Возгрина, канд. ист. наук А. Г. Шкварова и д-ра наук Т. Плата из Грайфсвальда. К тому же в обзоре культурных и научных мероприятий, прошедших в Париже прошлой зимой и имевших непосредственное отношение к России, канд. ист. наук Т. Н. Гончарова представила анализ французских публикаций 2012 г. на тему гибели Великой армии Наполеона в Русской кампании.

В «Трудах» широко представлены также и другие темы, как «Славная революция» 1688–1689 гг., польский проект блока государств между Балтийским, Черным и Адриатическим морями, Французская кампания Вермахта 1940 г., политика США в Китае после Второй мировой войны.

Кроме того, выпуск содержит два источниковедческих исследования, одно из которых посвящено историческому роману Дж. Ф. Купера «Шпион, или повесть о нейтральной территории», а второе – документальному фильму Ю. Райзмана о наступлении советских войск на Карельском перешейке (июнь 1944 г.). Их авторы, доцент С. В. Шершнева и проф. В. Н. Барышников соответственно, подчеркивают научный интерес исторического романа и кинохроники для изучения американ-

ской Войны за независимость и участия Финляндии во Второй мировой войне.

Осуществленная доцентом О. В. Соколовым комментированная публикация фрагментов записок генерала В. И. Левенштерна (оригинал – на французском языке) вновь возвращает нас в Наполеоновскую эпоху. Это ценный источник сведений об организации работы наполеоновского штаба, в котором русский офицер служил волонтером в период союза России и Франции. Большое количество подобных свидетельств были представлены О. В. Соколовым в антологии «Наполеон: Pro et Contra» (СПб., 2012), рецензия на которую представлена в настоящем выпуске. Еще одна рецензия посвящена исследованию по истории казачества в эпоху Петра Великого, автором которого является канд. ист. наук А. Г. Шкваров (СПб., 2012).

Завершается выпуск обзором наиболее значимых кафедральных событий за период с октября 2012 г. по март 2013 г., отчетом о декабрьской встрече студентов и преподавателей кафедры с экс-президентом Франции Валери Жискар д'Эстеном и поздравлениями с юбилеем нашим уважаемым коллегам, доценту Н. П. Евдокимовой и проф. А. В. Смолину. Представлен перечень материалов, опубликованных в пяти последних выпусках Трудов (№ 6–10, 2011 – 2013 гг.).

Н. В. С материалами предыдущих выпусков «Трудов кафедры истории Нового и новейшего времени» можно бесплатно ознакомиться на нашем Интернет-сайте: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

PREFACE

One will find in this 10th number of our Proceedings some of the most important and interesting researches conducted in our Department as well as a few contributions by some scholars from Russia or from abroad, dealing with various problems of European and American history, both modern and contemporary.

The subject of the Patriotic war of 1812 – or Napoleon’s Russian campaign, as it is often named in Western historiography, – is well represented in this issue. And not by accident. Various commemorations have focused attention once more on this ominous event. Here, several articles underline the contribution of different border nationalities of the Russian Empire to the common victory. The actions of Crimean cavalry units, Finnish forces, or the Riga garrison are brought to light by Pr. V. Vozgrin, Dr. A. Shkvarov, and Dr. T. Plat from Greifswald. In addition, in her review of cultural and scientific Parisian events linked with Russia, T. Goncharova comments recent French publications on the Napoleon’s invasion.

This volume includes also papers on a wide range of other topics, such as the “Glorious Revolution” of 1688–1689, the Polish project to create a block of countries between the Baltic, Black and Adriatic Seas, the French campaign of the Wehrmacht in 1940, or the U. S. policy in China after the Second World War.

Moreover, this issue contains two source-studies, one dedicated to the historical novel by J. F. Cooper “The Spy: a Tale of the Neutral Ground”, the other to the documentary film by J. Raizman about Soviet offensive on the Karelian Isthmus (June 1944). Their respective authors, Docent S. Shershneva and Pr. V. Baryshnikov, emphasize the scientific interest of the historical novel and the newsreel for the study of the American War of Independence as well as Finland’s participation in the Second World War.

The publication by Docent O. Sokolov of notes written in French by General W. Löwenstern, brings us back to the Napoleonic period. It is a valuable source of information for the organization of the Napoleonic Staff, where this Russian officer served as a volunteer at the time of the alliance between Russia and France. O. Sokolov publishes more documents of the sort in his anthology “Napoleon: Pro et Contra” (Saint-Petersburg, 2012), which is reviewed in this issue. Another review is dedicated to the study by Dr. A. Shkvarov on the history of Cossacks in the era of Peter the Great (Saint-Petersburg, 2012).

The present volume closes with an overview of the most important Chair’s events from October 2012 to March 2013, a report on the meeting, last December, of the students and staff of the Chair with former French president Valéry Giscard d’Estaing and the congratulations presented on their jubilees to our colleagues, Docent N. Evdokimova and Professor A. Smolin. Last but not least, it brings a table of materials published in the latest five numbers (6–10, 2011–2013), which should be helpful to our readers.

N. B. All papers and documents published in the former issues of our Proceedings are now available free of charge on our Internet site: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

В. Н. Борисенко, Л. В. Сидоренко

РОЛЬ ФАКТОРА ЗАВОЕВАНИЯ В ОЦЕНКЕ СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1688–1689 ГГ.

Такие значимые для английской конституционной и политической истории события как Славная революция 1688–1689 гг. не могут трактоваться в рамках лишь одной парадигмы, а неизбежно по-разному объясняются как современниками, так и историками. Сразу после революционных событий для интерпретации свершившейся в 1688 г. смены королевской власти английской публицистикой было предложено семь основных концепций, в том или ином виде сохранившихся и в современной историографии. Одни авторы считали, что своими действиями король отрёкся от престола, что привело к смене власти; другие же полагали, что монарх всего лишь прекратил исполнение своих обязанностей (буквально дезертировал), что было достаточно для призыва нового суверена. Консервативная часть публицистов настаивала, что Яков был принужден покинуть трон вследствие успешного восстания, поэтому сама революция была незаконной, а старая присяга осталась в силе. Некоторые озвучили мысль, что Яков в своё правление сознательно нарушил основные конституционные законы страны и в итоге предпочёл ретироваться перед гневом парламента. Передовые мыслители настаивали на том, что король нарушил общественный договор и посему должен был автоматически покинуть престол (не важно как). Религиозная точка зрения объясняла события правосудием Провидения за неправоё правление Якова II. Последней же являлась идея Славной революции как акта завоевания Англии Вильгельмом Оранским. Несмотря на то, что многие современные историки пренебрегают или смотрят свысока на последнюю трак-

товку событий конца XVII века, де-факто она сыграла большую роль в примирении англичан с новым режимом¹. Целью предлагаемой статьи является ответ на вопрос, правомерно ли считать Славную революцию актом завоевания, как с технической и терминологической точки зрения, так и с позиции смыслового наполнения произошедших в 1688–1689 гг. событий, а также анализ применения этой концепции современниками и историками.

Для корректного ответа на поставленные вопросы необходимо подойти к объяснению событий 1688–1689 гг. как минимум с двух позиций: с точки зрения Вильгельма Оранского и со стороны населения и политической элиты Англии. При этом первый подход потребует абстрагирования от связи действий Вильгельма Оранского с внутривластной ситуацией в английском королевстве. Потому что именно в этом свете Вильгельм III предстанет отнюдь не конституционным королём, принявшим приглашение своих английских «друзей» помочь им в воссоздании «свободного парламента». Напротив, в этом случае его экспедиция и итоговое воцарение на английском троне представляются результатом планов, вынашивавшихся им в течение многих лет. Судя по всему, эти замыслы окончательно сформировались в 1677 г. после женитьбы на дочери брата правящего короля и наследника престола Якова Стюарта – Марии, что позволило голландскому статхаудеру претендовать на английскую корону. При этом анализ политической ситуации в Англии того периода только укрепил его стремление к этому². Оставалось лишь дожидаться благоприятных обстоятельств. Долгое время сдерживающим фактором для Вильгельма являлось отсутствие у Якова II законных наследников мужского пола, но с рождением в июне 1688 г. мальчика, а также с ростом недовольства правящим монархом в Англии и Европейских странах Вильгельм решает действовать.

Но стоит отметить, что значимую роль в событиях 1688–1689 гг. играли не только личные амбиции и желания Вильгельма. Его эффективное появление в Англии не смогло бы успешно состояться без согласия и поддержки со стороны органов власти Республики Соединённых провинций, а также финансовой олигархии города Амстердама, имевших свою заинтересованность в смене власти в Англии. Хотя сам Вильгельм являлся богатым человеком, его личных ресурсов просто физически не могло хватить на все потребности задуманного мероприятия. В силу этого, прежде чем покинуть страну и отправиться через пролив, голландский статхаудер получил одобрение Генеральных штатов и состоятельных кругов

своей страны. Экспедиция оказалась дорогостоящей – в общей сложности голландцы вынуждены были раскошелиться на 6 млн. гульденов. Ситуация усложнялась и высокой степенью риска, который вытекал из опыта недавно завершившихся крайне тяжёлых для республики англо-голландских войн³.

Позаботился Вильгельм Оранский и о дипломатическом обеспечении мероприятия, воспользовавшись благоприятной международной конъюнктурой (выражавшейся в почти всеобщем недоверии европейских дворов к политике французского монарха), что позволило статхаудеру заручиться и иностранной поддержкой. В силу близких контактов Якова II с Людовиком XIV, неприязнь к последнему в Европе распространилась и на английского монарха, чей возможный союз с Королём-солнцем был крайне нежелательным. Благодаря этому статхаудер Республики Соединённых провинций смог договориться практически со всеми противниками французского короля, подписав с ними договора о нейтралитете либо о союзе и взаимопомощи. Парадоксальным образом недоброжелателем католического короля Туманного Альбиона оказался и папа римский Иннокентий XI, у которого не клеились отношения с Людовиком XIV. В Мадриде тоже решили поддержать Вильгельма Оранского. К высадке Вильгельма на английские берега Европа оказалась подготовленной, даже ожидая этой акции с явным нетерпением⁴ в сложившейся международной обстановке.

В силу указанных выше обстоятельств задуманная Вильгельмом операция принимала международный размах, как в дипломатическом, так и финансово-организационном плане. Наиболее крупными «акционерами» этого предприятия выступили Амстердамская биржа, обеспечившая три млн. гульденов, еврейский банкир Лопес Суазо, выделивший два млн., и римский папа Иннокентий XI (специальной буллой разрешивший испанцам-католикам принять участие в свержении католика-англичанина и потратившего в сумме два млн.). Организованные на эти деньги силы вторжения включали: около 21000 чел., 5000 лошадей, 21 24-фунтовых пушек, 76 флейтов, 120 транспортов для лошадей, 70 вспомогательных судов, 60 траулеров, 39 линкоров, 16 фрегатов, 28 галиотов, 9 брандеров. Эта внушительная армия «по восстановлению конституционного порядка в Англии» оказалась также многонациональной, где кроме голландцев числились шотландские и английские полки, пруссаки Фридриха III Бранденбургского, несколько испанских батальонов. Для выполнения поставленной задачи проводились мероприятия по усилению голланд-

ского флота. При этом Оранский видел успех в молниеносности операции, пока Яков не смог опомниться и подготовиться к отражению агрессии⁵. В данной ситуации можно сделать вывод, что Славная революция готовилась всей Европой и в значительной степени являлась результатом международной политики 80-х гг. XVII в.⁶, связанной с общеевропейской оппозицией политике Людовика XIV. Таким образом, если первая английская революция происходила на почве чисто местных, национальных отношений, вторая была произведена с иностранной помощью, пришедшей из Голландии⁷.

Ключевым аспектом в оценке войск Вильгельма являлся не факт их этнической пестроты, а осознание того, что это была иностранная для Англии военная сила, распорядитель которой мог смотреть на себя как на господина положения⁸. Однако хотя подготовка столь мощной армии не могла остаться незамеченной, Вильгельм Оранский был очень благоразумным человеком, стремясь во время своих приготовлений в 1688 г. не разглашать своих целей, что ему удалось. Поэтому, хотя в исторической ретроспективе его намерения казались очевидными всем заинтересованным сторонам, Людовик XIV и Яков II не смогли адекватно среагировать на угрозу. Предложение Короля-солнце использовать французский флот против возможного вторжения не было принято Яковым, а в преддверии высадки в 1688 г. французская армия начала боевые действия в Пфальце, фактически оставив голландское направление без войск. С военной точки зрения это развязало руки Вильгельму Оранскому, получившему возможность не опасаться удара Людовика XIV в период высадки⁹.

Впрочем, несмотря на столь тщательную подготовку и обеспечение операции, во многих отношениях предприятие Вильгельма Оранского было авантюрой, исход которой зависел от многих случайных факторов: решения Людовика XIV начать войну с Голландией, морских ветров, реакции английской армии и флота. На руку Вильгельму сыграло и безволие Якова II, страдавшего согласно распространённому мнению последствиями носового кровотечения¹⁰. Однако после победы Вильгельма Оранского новому режиму потребовалось скрыть первоначальную неуверенность в конечном успехе, что привело к появлению новой, революционной интерпретации фактов. В этом смысле самым известным и характерным примером стало рождение легенды о т.н. протестантском ветре, по воле бога доставившего Вильгельма Оранского к английским берегам. Очевидно, что ещё до отплытия Вильгельм принял решение высаживаться на западе, если ветер будет восточным или северо-восточ-

ным, и именно ветер определил намерения Вильгельма по конечной точке высадки¹¹. Таким образом, хотя задуманное Вильгельмом мероприятие можно считать планом дерзкого завоевания, оно оказывалось крайне уязвимо перед случайностями, что дополнительно потребовало от голландского статхаудера перестраховки посредством проведения специальных пропагандистских и политических акций, рассчитанных на понимание находившегося в сложном положении английского общества.

А как виделось организованное Вильгельмом Оранским мероприятие населению и политикам Англии? Отвечая на этот вопрос, приходится признать, что и для английских современников (а особенно для короля Якова II), всё задуманное голландским статхаудером представлялось актом вторжения в чужую страну. Так в своей исторической реконструкции событий 1688 г. Нарцисс Латрелл неоднократно останавливался на мерах официальных властей, которые предпринимались и могли предприниматься только в случае вражеской агрессии. Современникам бросались в глаза такие шаги как усиление наблюдения за морем; увод в местах потенциальной высадки противника скота и лошадей вглубь острова на 20 миль; созыв чрезвычайного королевского (фактически военного) совета для выработки более эффективных мер оборонного характера¹². Властями были отданы и соответствующие распоряжения военно-морскому флоту страны (где авторитет Якова II был достаточно высоким): август, сентябрь и октябрь прошли в мобилизационных мероприятиях. А когда 26 сентября угроза вторжения была признана неотвратимой, всем судам на Темзе были посланы инструкции немедленно чиниться для скорейшего выхода в море. Адмиралы же разрабатывали план морских операций¹³. Тогда же в сентябре 1688 г. когда Яков осознал скорую возможность голландского вторжения, он также приказал мобилизовать хотя бы часть милиционных сил, особенно конных. Но к несчастью для монарха, английское ополчение находилось в плохом состоянии, во многом по вине самого Якова: годы пренебрежения сделали его дезорганизованной и нелегальной силой¹⁴.

Весьма много о подготовительной активности властей говорилось и в письмах современников¹⁵. А в дневнике сторонника предприятия голландского статхаудера Джона Эвелина можно прочесть прямые и радостные аналогии ожидавшейся высадки Вильгельма Оранского с вторжением шестисотлетней давности, что видно по записи 14 октября: «День рождение короля, ни одна пушка не палит в Тауэре, как обычно. Солнце затмилось на восходе. Это дневной сигнал для победы Вильгельма заво-

евателя над Гарольдом... Ветер, который был до этого западным, стал восточным на весь день. Замечательное ожидание голландского флота. В церквях было приказано читать общие молитвы против вторжения»¹⁶. Подобные настроения продолжали фиксироваться и после высадки армии Вильгельма, когда современник описывал фактически прифронтовую обстановку, указывая на то, что дороги были заполнены солдатами и наблюдателями, везде установлены посты охраны, а в западном направлении никто не путешествовал. Торговля, коммерция и денежный оборот замерли¹⁷. Вступление принца в Лондон также навевало ассоциации с завоеванием: жители столицы в первую очередь отмечали для себя появление в Лондоне и в окрестностях голландских войск. Английские же стражники и солдаты получили приказ удалиться из столицы на расстояние не менее 20 миль¹⁸. Принц также отдал приказ офицерам королевской армии держать солдат в местах их квартирования и подчиняться его дальнейшим приказам¹⁹. Конец ноября и начало декабря в Лондоне выдались очень тревожными – постоянно ползли слухи об агрессивных действиях католиков, учинённой французами резне, заговорах вооружённых папистов. Это было связано как с естественным нервным напряжением и традиционными страхами, так и активной пропагандой Вильгельма, например его третьей декларацией, где он предостерегал англичан о засевших в Лондоне вооружённых католиках с самыми коварными замыслами²⁰. Подобная атмосфера только усиливала эффект присутствия иностранных войск, необходимых для защиты элементарного порядка.

Стоит обратить внимание на то, что ощущение современниками свершившегося акта завоевания было особенно острым в ранние послереволюционные годы. В течение 1688–1693 гг. идеи завоевания занимали важное место в развернувшейся тогда конституционной полемике. Так аргументы завоевания часто использовались сторонниками революции в защиту режима Вильгельма и Марии, который, как полагали в стране, был необходим для защиты традиционных свобод англичан. В условиях, когда отстранение Якова II от власти многим казалось конституционно неправомерным, сторонники концепции желали показать, что завоевание, свершившееся при божественной помощи и являвшееся результатом честной войны, давало завоевателям моральное право править, хотя не всё было так однозначно²¹. Даже в трудах сторонников справедливого завоевания, например у Эдмунда Бохана, эта тема размывается событиями внутрианглийского кризиса, вынудившего Вильгельма Оранского действовать. Тот же Бохан вопрошает, можно ли говорить о неправомоч-

ности силы только на том основании, что она была применена? Автор считал, что «...Вильгельм III являлся суверенным правителем, когда он прибывал в Англию, и по законам наций он имел право отстаивать его и его супруги ущемленные права, и получить мечом то, чего он не смог получить по справедливому договору»²². А один из известнейших сторонников Вильгельма в Англии Гилберт Бернет весьма изящно увернулся от концепции завоевания, указав на то, что раз Яков II сбежал добровольно, соответственно и акта завоевания не было²³. Основным же вопросом в памфлетной и публицистической литературе того периода, особенно в 1689 г., стал вопрос о правомочности присяги новому правителю²⁴.

Однако, как справедливо заметил один историк: «По настоящему важный вопрос заключается не в том, какие могли быть амбиции у Вильгельма, а почему Англия оказалась готовой принять его и его амбиции»²⁵. В самом деле, традиционное понятие завоевания подразумевает подавление прав и свобод у покорённого населения, чего в Англии не наблюдалось, скорее наоборот. Даже Бохан признавал, что «Если бы Вильгельм обращался с нами как с завоёванным народом, мы бы были первыми, кто жаловались, но кто сейчас жалуется. У Вильгельма есть два права – право завоевателя и право законного наследника тоже, хотя и более отдалённое чем у супруги», а поэтому, полагал автор, ему лучше пользоваться вторым²⁶. В целом же в это время в стране появлялись многочисленные хвалебные отзывы и панегирики Вильгельму, как раз благодарившие его за то, что он не оказался подобием средневекового завоевателя: «Он пришёл не как древние римляне и саксы, чтобы завоевать, и после этого в триумфе возглавить наши религию, законы, наши жизни и права; но чтобы защитить, сохранить и обезопасить нас и них всех. С этой целью он предпринял эту опасную и дорогостоящую экспедицию, которая уже доказала свою пользу для нас, как и окажет для его прочной репутации...»²⁷. Однако для многих наблюдателей прибытие голландского флота и армии, мелкие стычки, выставление вооружённого эскорта для Якова II и замена в Сити английских войск голландцами могли казаться завоеванием. Различного рода приглашения и ассоциации в поддержку Вильгельма лишь модифицировали завоевание²⁸. Но это не главное. К 1688 г. в стране созрели все условия для внутреннего вооружённого конфликта, в котором Вильгельм Оранский со своими силами неизбежно оказался бы на одной из сторон, однако память о гражданской войне сорокалетней давности помогла сдержать общество²⁹. Хотя впоследствии отмечались непривлекательные черты Вильгельма Оранского,

в 1688 г. он показал себя отменным дипломатом и тактичным политиком, уловившим запросы английского общества. Он предложил англичанам вещи, важные для их политического существования. Во-первых, приверженность протестантизму, гарантировавшую свободу от римского католицизма раз и навсегда, и, во-вторых, военную лояльность, которая защитит англичан от католиков-французов³⁰. При этом сам голландский статхаудер демонстративно подчёркивал, что его действия не могут попасть под категорию завоевания, что звучало как до, так и после высадки³¹. Вильгельм надеялся сразу привлечь англичан на свою сторону, но его декларации не имели никакого немедленного видимого эффекта и заставили действовать немногих. Сторонники короля тоже затаились по домам. Все предпочитали выжидать. Многих страшила перспектива повторения ужасов гражданской войны 1640-х гг. Яков не ожидал такой пассивности от своих подданных, многие из которых поспешили покинуть монарха в непростой момент, например Черчилль и Графтон³². В своё время видный историк Тревельян назвал бескровную или Славную революцию 1688 г. «новым типом революции» из-за отсутствия типичного для революций насилия. Но в этой связи современный исследователь Дж. Фарр напоминает: «Я спешу добавить, однако, что её слаvnость и бескровный характер стали возможны благодаря очень неславной и кровавой революции 1640 гг.»³³. Англичане были не готовы давать вооружённый отпор Вильгельму Оранскому, да и не хотели этого делать, благо голландский статхаудер сделал бы за них всё грязную работу по смене непопулярной власти.

Подводя итоги статьи, необходимо сказать следующее. Славная революция не стала однозначно определяемым событием в понятиях конституционной или политической теории. Современники должны были мыслить в прецедентной терминологии чтобы бороться с беспрецедентными проблемами. На практике Вильгельм Оранский отстранил Якова II силой оружия, но большинство подданных свергнутого монарха с неохотой принимало факт того, что формально это было сделано актом завоевания. Конвент поэтому должен был примирить властные амбиции Вильгельма с английской приверженностью древней конституции³⁴. Таким образом, признавая технический характер смены власти в Англии в качестве подобия завоевания, невозможно по историческим и конституционным последствиям признать Славную революцию в Англии итогом насильственных действий иностранного правителя: общество было готово к переменам, но не готово к гражданской войне, поэтому допускало воз-

возможность технического акта завоевания, при условии выполнения базовых политических требований. Вильгельм пошёл на этот компромисс и стал в общественной мифологии освободителем нации, а не поработителем. С определёнными оговорками выиграли все – и англичане, ставшие на путь конституционной монархии, и Вильгельм, обеспечивший включение Англии в свою военную стратегию на континенте.

¹*Thompson M. P.* The Idea of Conquest in Controversies over the 1688 Revolution // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 38. № 1 (Jan. – Mar., 1977). P. 33, 35-36.

²*Ивонина Л. И.* Международные отношения в Европе конца XVII в. и Славная революция в Англии 1688-89 гг. Смоленск, 2001. С. 17.

³*Haley K. H. P.* The Dutch, the Invasion, and the Alliance of 1689 // *The Revolution of 1688-1689: Changing perspectives* / Ed. by Lois G. Schwoerer. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 2003. P. 21.

⁴*Ивонина Л. И.* Международные отношения... С. 36-37.

⁵*Махов С. П.* Захватить Англию! Забытые тайны непотопляемого Альбиона. М., 2012. С. 18-20.

⁶*Ивонина Л. И.* Международные отношения... С. 39.

⁷*Кареев Н. И.* Две английские революции XVII века. М., 2002. С. 136.

⁸Там же. С. 142.

⁹*Mobley V. A.* The Consolidation of the First British Empire. A dissertation submitted to the Graduate School of the University of Wisconsin-Madison in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. University of Wisconsin-Madison, 1999. P. 18.

¹⁰*Блэк Д.* История Британских островов. СПб., 2008. С. 233.

¹¹*Anderson J. L.* Combined Operations and the Protestant Wind: Some Maritime Aspects of the Glorious Revolution of 1688 // *The Great Circle*. Vol. 9. № 2 (October). 1987. P. 104.

¹²*Luttrell N.* A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. In Six Volumes. Vol. I. Oxford, 1857. P. 465, 470.

¹³*Tanner J. R.* Naval Preparations of James II in 1688 // *The English Historical Review*. Vol. 8. № 30 (Apr.). 1893. P. 275.

¹⁴*Miller J.* The Militia and the Army in the Reign of James II. // *The Historical Journal*. Vol. 16. № 4 (Dec.). 1973. P. 667.

¹⁵См.: *The Ellis Correspondence*. Letters Written during the Years 1686, 1687, 1688, and Addressed to John Ellis, esq. / Ed. from the originals with notes and a preface by the Hon. George Agar Ellis. In Two Volumes. Vol. II. London: Henry Colburn, 1829. P. 233-234; CXCVIII. London, October 2nd, 1688; CXCI. London, September 25th, 1688 // *Ibid.* P. 216.

¹⁶14th October, 1688 // *The Diary of John Evelyn* / Ed. by William Bray. In Two Volumes. Vol. II. 1665-1706. New York; London, 1901. P. 270.

¹⁷*Luttrell N.* A Brief Historical Relation... Vol. I. P. 476.

¹⁸*Mackintosh J.* History of the Revolution in England in 1688 Comprising a View of the Reign of James II. From His Accession to the Enterprise of the Prince of Orange. Vol. II. Paris, 1834. P. 267.

¹⁹*Luttrell N.* A Brief Historical Relation... Vol. I. P. 488.

²⁰*Miller J.* The Militia and the Army... P. 675.

²¹*Thompson M. P.* The Idea of Conquest... P. 45.

²²[Bohun Edmund] The Doctrine of Non-Resistance or Passive Obedience. No Way Concerned in the Controversies Now Depending between the Williamites and the Jacobites / By a Lay Gentleman, of the Communion of the Church of England, by Law Established. London, 1689. P. 6, 26.

²³A Pastoral Letter Writ by the Right Reverend Father in God Gilbert, Lord Bishop of Sarum, to the Clergy of His Diocess, Concerning the Oaths of Allegiance and Supremacy to K. William and Q. Mary. London, 1689. P. 21-22.

²⁴См.: A Letter Out of the Country, to a Member of this Present Parliament: Occasioned by a Late Letter to a Member of the House of Commons, Concerning the Bishops Lately in the Tower, and Now under Suspension. London, 1689; A Pastoral Letter Writ by the Right Reverend Father in God Gilbert, Lord Bishop of Sarum, to the Clergy of His Diocess, Concerning the Oaths of Allegiance and Supremacy to K. William and Q. Mary. London, 1689; Considerations Humbly Offered for Taking the Oath of Allegiance to King William and Queen Mary. London, 1689; Reflections upon a Late Book, Entitled the Case of Allegiance Consider'd: Wherein is Shewn, that the Church of England's Doctrine of Non-Resistance and Passive Obedience is not Inconsistent with Taking the New Oaths to Their Present Majesties. London, 1689; The Present Case Stated: or the Oaths of Allegiance and Supremacy no Badges of Slavery. London, 1689.

²⁵*Prall S. E.* The Bloodless Revolution: England, 1688. Madison, 1985. P. XV.

²⁶[Bohun Edmund] The Doctrine of Non-Resistance... P. 9-10.

²⁷Reflections upon Our Late and Present Proceedings in England. Edinburgh, 1689. P. 2.

²⁸*Thompson M. P.* The Idea of Conquest... P. 36-37.

²⁹*Dolan Jr. R. L.* Buttressing a Monarchy: Literary Representations of William III and the Glorious Revolution. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Georgia State University, 2005. P. 19.

³⁰*Ibid.* P. 26.

³¹«Хотя мы привели как хороший флот, так и хорошую армию, чтобы счастливо помочь этому королевству... мы более полагаемся на великодушие Господа и справедливость нашего дела, а затем на человеческие силы и власть» – информировал англичан Вильгельм в своей экстерской декларации от 15 ноября. The Speech of the Prince of Orange, to Some Principle Gentlemen of Somersetshire and Dorsetshire, on Their Coming to Join his Highness at Exter the 15th of Nov. 1688 // A Fourth Collection of Papers Relating to the Present Juncture of Affairs in England. London, 1688. P. 18. В период до высадки Вильгельм раскрыл свои намерения в своей знаменитой декларации для подданных Англии: The Declaration of His Highnes William Henry, by the Grace of God Prince of Orange, &c. Of the Reasons Inducing Him to Appear in Arms in the Kingdom of England. // The Declaration of His Highnes William Henry, by the Grace of God Prince of Orange, &c. Of the Reasons Inducing Him to Appear in Arms in the Kingdom of England,

for Preserving of the Protestant Religion, and for Restoring the Laws and Liberties of England, Scotland and Ireland. Hague, 1688. P. 1-9.

³²*Hoppit J.* A Land of Liberty? England 1689-1727. Oxford – New York, 2002. P. 17.

³³*Farr J.* Historical Concepts in Political Science: The Case of “Revolution” // *American Journal of Political Science*. Vol. 26. № 4 (Nov., 1982). P. 697.

³⁴*Miller J.* The Glorious Revolution: “Contract” and “Abdication” Reconsidered // *The Historical Journal*. Vol. 25. № 3 (Sep., 1982). P. 554.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 Г.

Большую часть XIX – начала XX вв. крымскотатарские кавалерийские части были известны под именем Крымского Конного полка. Начало его истории относится к 1780-м гг., когда Екатерина II указала создать по просьбе самих крымчан¹ дивизионы из местного, крымскотатарского населения. Президент военной коллегии князь Г. А. Потёмкин получил 01. 03. 1784 г. указ «о составлении войска из подданных в Таврической области обитающих в составе пяти дивизионов»². На первых порах было создано три дивизиона по 200 человек личного состава. Из них два находились на действительной службе, тогда как третий оставался в запасе. Но в мае 1787 г., в дни достопамятного посещения Екатериной II Крыма, в седле оказались все три части, к которым присоединились ещё какие-то добровольные участники этого действия.

Современник, не вполне знакомый с историей крымскотатарских дивизионов, так записал ход события: «Только что составлена гвардия из 800 человек татар, богато одетых и вооружённых саблями, копьём и стрелами; они должны эскортировать императрицу и служить ей почётными телохранителями. Будет существовать постоянно и составлять регулярное войско, командуемое мирзами, возведёнными в чин полковников. 200 человек отсюда назначены в Петербург и они будут находиться на одном положении с гвардейцами»³. По сути, это был гвардейский полк, состоявший из эскадронов — *бешле*, куда набирали добровольцев, так как не только крымскотатарское, но и вообще коренное население ново-завоёванных областей на воинскую службу было обещано не брать, что и подтверждалось вполне официальными документами⁴.

Для эскадронов были закуплены кони крымской степной породы, сохранялось и традиционное вооружение крымского всадника, а также седло восточного типа. Обмундирование несколько раз менялось, тем не менее каждый раз в нём сохранялись основные черты крымскотатарской

мужской одежды. Первый приказ, который полк выполнил – сопровождение и охрана Екатерины II на протяжении её поездки в Крым. Находившийся в числе гостей принц Шарль Нассау-Зиген заметил: «полк очень эффектен, я не видел ничего красивее»⁵. Позднее крымскотатарский полк был разбит на два отдельных дивизиона (по два эскадрона в каждом). В 1790 г. к нему добавили ещё 4 дивизиона и отправили к польской границе, где он оставался 2 года. В войнах с Польшей (1792, 1794–1795) и её разделах крымским конникам, к счастью, участвовать не привелось. Затем в полку снова осталось только 2 дивизиона, а в 1796 г. его вообще расформировали⁶.

Нетрудно представить себе разочарование крымских командиров и рядовых конников столь неожиданным завершением их службы и связанным с ней блестящим статусом – по сравнению с положением остального, в основном крестьянского населения полуострова. Но вот начинается война с Францией (1806–1807), в которой крымцы вновь оказались востребованными. Однако вновь собрать полки на основе воинской повинности было невозможно – сохраняло свою силу официальное освобождение крымскотатарского народа от рекрутских наборов. Впрочем, выход подсказали сами татары. В первые военные месяцы по инициативе муфтия Крыма Муртазы Челеби таврический гражданский губернатор Д. Б. Мертваго собрал крымских мурз и беев и обсудил с ними, пока ещё не имея на это полномочий, возможность участия их в войне во главе добровольцев, собранных в иррегулярные, то есть не входящие в состав российской армии, а приравненные к казачьим части. При этом крымскотатарские мурзы предлагали большую часть расходов на сбор и вооружение нового войска оплатить, облегчив тем самым казённые расходы. От этого проекта, полагали губернатор и крымские дворяне, будет польза и России и мурзам, которые получают офицерские чины (последнее соображение, пожалуй, было доминирующим). Добровольцев же легко привлечь, стоит сообщить им о том, что они «...могут набогатиться и ввести в Крым сокровища Немецкой земли, подобно как на Дону у всякого есть вещи Польские и Турецкие, и... всякий Татарин, служа в войске, может получить офицерский чин и вознестись в звание мурзинское»⁷.

После того, как с мурзами и беями было достигнуто взаимопонимание, Д. Б. Мертваго и имперское Министерство внутренних дел подготовили некий *Приговор дворянский*, то есть составленный крымскими татарами документ, подтверждающий изъявление их воли участвовать в войне на Западе⁸. То есть, опытный губернатор обратился со своим про-

ектом не в военное ведомство, как можно было бы ожидать, а в совсем иное, чему были свои причины. Они проявляются из содержания сопроводительного письма Д. Б. Мертваго, в котором он подсказывал главе Министерства внутренних дел, что «...сие дело полезно быть может как для армии, так и для спокойствия в Крыму; ибо дети именитых мурз и татар, находясь в отдалении, будут служить аманатами, ...имея в предмете, что войны жаждущие обыватели опасны в крае, где от волнения народного находится сумнение»⁹.

Губернатор бил наверняка. Глава ведомства внутренних дел, конечно, хуже знавший обстановку в Крыму, чем высший тамошний чиновник, не мог не полагаться на его веское мнение и тут же поддержал такую полезную инициативу. Тем более, что брать в аманаты или заложники было для империи не только привычным делом, но и давно проверенным, безотказным средством держать немирные племена в повиновении. Военное министерство также начало было соглашаться с проектом, но при условии, что в крымскотатарских частях офицерами будут русские. На это Д. Б. Мертваго резонно возразил, что, во-первых, такие командиры, не знающие языка подчинённых, не смогут ими управлять в бою, а, во-вторых, они никогда не заменят мурз-офицеров, которые пользуются непререкаемым авторитетом среди простых конников как опытные лидеры, «всегда над татарами властвовавшие», а это, помимо всего прочего, становится особенно важным в виду ожидаемого вторжения в Крым турецких войск¹⁰.

О том же писал Новороссийскому военному губернатору герцогу Арману де Ришельё князь М. С. Воронцов, правда в совсем ином ключе. Будущий Новороссийский губернатор, всегда с теплотой относившийся к крымским татарам, полагал, что этот правительственный проект нецелесообразен, так как рассчитан на решение совсем иных, невоенных задач, а именно: «...скорее вывести из Крыма лучших людей и получить в лице их аманатов (т. е. заложников – *В. В.*) в залог преданности России»¹¹, против чего он возражал. Герцог же, буквально используя слова князя, придал его мысли совершенно противоположное направление. В своих рапортах от 8 августа 1807 г. и 31 августа 1807 г. министру военных сухопутных сил Феншту он совершенно соглашался с основными положениями проекта:

«При сем устроении, по обстоятельствам тогдашнего времени, предлежало (sic) иметь в виду расположение Татар, чтобы скорее, выведя из Крыма лучших людей, получить в лице их аманатов в залог преданности

России. Их чего самого по себе следует, что иначе нельзя было успеть в намерении, как допустить сформирование полков Татарских, сообразно природной склонности их и желанию, по примеру Казацких. ...Те же побуждения, что выше объявлены, и желания Татар, людьми из себя и лошадьми жертвующими, требовали согласиться и в том, чтобы из их же именитейших фамилий назначены были в полки сии офицеры»¹².

Именно такого мнения от главного военного начальника Тавриды ожидал официальный Петербург; теперь ничто не мешало осуществлению задуманного. Полки были набраны и обеспечены всем необходимым, вплоть до обмундирования нового образца. По своему статусу они соответствовали казачьим формированиям, и единственное различие между этими армейскими группами одного, по сути, рода войск состояло в неодинаковом именовании крымскотатарских и казачьих чинов, да в обмундировании¹³.

В том же 1807 г. Военная Экспедиция имперского Сената признала, что следует, «пользуясь расположением татар и применяясь к природной их склонности, согласиться, чтобы полки их сформированы были по примеру казачьих». Понятно, что большой роли в укреплении имперской армии несколько сотен всадников играть никак не могли. Очевидно, эта затея, потребовавшая, как любое новое дело, решения массы больших и малых проблем, была вызвана не столько военно-мобилизационными, сколько политическими соображениями. Поскольку в этом году обстановка на западных рубежах России снова обострилась, то одновременно с принятием указанного решения был подготовлен приказ о немедленном отправлении двух крымскотатарских полков «в замену донским [казачьим частям] на прусскую границу для содержания кордона между сими последними, сменяя их другими двумя, в Крыму остающимися поочерёдно»¹⁴. Однако военная обстановка разрядилась, и до выступления в поход дело дойти не успело, хотя мысль о поочерёдной службе крымских полков на границе и на родине, как будет видно ниже, была всё же превращена в жизнь.

В мае 1807 г. полки были полностью собраны. Они представляли собой, как и ранее, иррегулярные части, организованные по казачьему образцу во всём, включая обмундирование (собственно, кавказское, но принятое в казачьих частях — чёрный бешмет, дополненный чёрным же плоским крымскотатарским мерлушковым *кьялтаком* с красным верхом). Все расходы по полковым сборам оплатили крымскотатарские общины, казна взяла на себя только стоимость коней, фуража и довольствия. В

каждом полку насчитывалось 200 человек личного состава. Всего их было четыре: Симферопольский конно-татарский (командир — майор Кая-бей Балатуков), Перекопский (командир — майор Ахмет-бей Хункалов), Феодосийский (командир — поручик Али-мурза Ширинский), Евпаторийский (командир — капитан Абдулла-агъа Мамайский)¹⁵.

В июне 1807 г. полки пошли на Вильно, но вскоре, по причине прекращения военных действий, возвратились домой. На будущий год, когда вновь возникла военная угроза, Симферопольский полк весной выступил в вильненском направлении и был затем расквартирован на прусской границе. Перекопский полк стал в Гродно. В мае 1809 г. Перекопский и Феодосийский полки были дислоцированы в Киевской губернии, где оставались до самого 1812 года.

В промежутке между этими передвижениями в Петербурге были разработаны и уточнены военно-правовые положения для крымско-татарских частей. В январе 1808 г. Александр I своим указом № 22 772 повелел узаконить полки, составленные «из Крымских Татар, добровольно пожелавших служить», и что в мирное время «сии полки находятся в домах своих, состоя в готовности по востребованию на службу». То есть, их существование действительно основывалось «на точном праве Донских казаков», тем более, что и приказывалось «два полка из них в замену Донских отрядить на Прусскую границу для содержания кордо-ну между сими последними»¹⁶. На границу ушли Симферопольский полк под командой майора Кая-бея Балатукова и Перекопский, командиром которого стал Ахмед-бей Хункалов. Каждый из этих полков насчитывал 500 человек личного состава и по 1 000 верховых коней¹⁷.

Ещё в упоминавшемся походе 1808 г. «Татарские полки показали... довольно расположения своего к службе, люди и лошади были лучше» обычного уровня, отчего герцог Ришельё после прекращения военных действий с Францией в 1808 г. «признав ненадобным забывать их и далее, приказал возвратиться им в Крым». На самом деле всем, кроме Феодосийского и Перекопского полков, остававшихся близ Киева. При этом герцог считал необходимым поощрить крымцев к поддержке такого рода службы татарской молодёжи, как это было среди казаков: «Употребляя татар на службу и делая из них народ, к военной службе принадлежащий, действительно надобно снять с них повинность в поставке топлива, возможно платёж за земли, соразмерный той сумме, которая бы равнялась издержке, на удовлетворение войск могущей быть употребляемою»¹⁸. То есть, Ришельё предлагал заменить подушную и иные подати развёрстан-

ной среди татарской части населения Крыма платой за содержание крымских конных полков, справедливо полагая, что такое целевое использование податных сумм (то есть, *на своих же*) будет воспринято народом с большим удовлетворением, чем это было ранее.

Когда началась Отечественная война 1812 г., то Симферопольский и Перекопский полки были приданы знаменитому казачьему корпусу атамана М.И. Платова, в составе которого участвовали во многих больших и малых сражениях, в том числе Бородинском. При Бородине отличился крымскотатарский ополченский эскадрон под командованием Ахмедбека Кунгаровича и полковника Бегильдеева¹⁹. Крымские конники прикрывали отступление русских войск в первой фазе войны, а также совершили дерзкий рейд по тылам французской армии зимой 1812–1813 гг. Они отличились в битвах при Тарутине, Городне, Гжатске, Царёвом Займище, Духовщине, Дорогобуже, взятии Смоленска и форсировании Немана. Затем последовали славные победы под Тильзитом, Рогнидой, Пройсиш-Эйлау. А за осаду и взятие Данцига полковник К. Балатуков был 07. 12. 1813 г. произведён в генерал-майоры²⁰. Кроме того крымские полки участвовали в знаменитой «битве народов» под Лейпцигом и во взятии Намюра, они одними из первых вошли в столицу поверженного врага, в Париж²¹.

Евпаторийский же полк был включён в состав Второй западной армии, участвовал в изгнании неприятеля из Брест-Литовска, в битве под Кобрицом, брал Белосток и другие города и крепости. В 1813 г., уже на германской территории, евпаторийские конники громили врага при Люцене и под Кульмом. Затем они несколько месяцев несли гарнизонную службу и вернулись на родину только в 1814 г. Феодосийский полк в военных действиях не участвовал по единственной причине — российская интендантская служба не озаботилась его перевооружением в соответствии с требованиями военного времени. Он нёс пограничную службу вдоль бугских рубежей и вернулся домой ещё позднее, в мае 1815 г. А через два года, когда окончательно исчезла военная угроза с Запада, все крымскотатарские полки были распущены с повышением личного состава в званиях и предоставлением пожизненного права на ношение мундира.

Подвиги крымскотатарских воинов вспоминали в Крыму и за его пределами в столетнюю годовщину Отечественной войны 1812 года. Председатель Таврической учёной архивной комиссии А. И. Маркевич на одном из торжественных юбилейных заседаний сказал, что «Крым и его татарское население всегда должны гордиться тем, что в Отечественную

войну три крымские конно-татарские полка принимали участие и отличились во многих сражениях с армией Наполеона, в частности в великом Бородинском сражении и в преследовании неприятеля до Парижа включительно... Плохо одетые и вооруженные, незнакомые с военной службой, не знавшие русского языка, среди чуждых условий жизни, крымские татары честно исполнили свой долг, и за их верную службу потомки их 26 августа 1912 года, вместе с представителями таврического дворянства и земства, представляли Тавриду на Бородинском поле перед лицом Государя и всей России»²².

В ходе кровопролитных боевых действий многие татарские конники были убиты или ранены, из Крыма регулярно шли пополнения. Но личное мужество крымцев было по достоинству оценено, они постоянно включались в наградные списки империи. Двадцать два «нижних чина» даже стали российскими дворянами, буквально на поле брани, заслужив ордена. Все остальные рядовые и унтер-офицеры были награждены медалями, с правом ношения их на голубой ленте. Пятеро простых конников стали при этом кадровыми офицерами. Не поскупился царь и на награды для командования крымских полков. Так, кн. К. Балатуков был награжден орденами Св. Георгия 4 класса, Св. Анны 3 класса и Св. Владимира 3 и 4 классов; Амет-бей Хункалов заслужил чин полковника, личное золотое оружие, ордена Св. Владимира 4 класса, Св. Анны 2 класса т.д.²³.

Так исполнили крымские татары отведённую им правительством Российской империи «роль аманатов-заложников». Пройдёт всего 40 лет и подвиги их будут прочно забыты. В начале Крымской войны российское правительство, охваченное болезненной подозрительностью по отношению к крымскому населению, примет решение о его высылке из прибрежных районов в горы, бесплодную степь, а многих – вообще далеко за пределы полуострова. При этом предполагалось конфисковать у изгнанников весь скот – рабочий, мясной, молочный. Нетрудно догадаться, что в местах ссылки эти потомственные садоводы, виноградари, табакководы и рыбаки, не имевшие ни навыков хлебопашества, ни нужного сельскохозяйственного инвентаря, ни материальных средств для заведения нового хозяйства были обречены на голодную смерть – что и имело место во множестве случаев.

То, что готовившаяся акция была не только жестокой по отношению к мирному населению, но и пагубной для обороны Крыма, было ясно даже простым офицерам, там служившим – но не официальному Петербургу. Хотя сюда приходили письма вроде следующего: «Нельзя не опасать-

ся, что переселение в глубокую осень на голые степи и неправосудное отобрание рабочего скота... приведет их (т. е. крымских татар – В. В.) в отчаяние и превратит в злейших и даже опасных врагов нам, особливо при неблагоприятной перемене военных обстоятельств»²⁴. Тем не менее, осенью 1854 г. была проведена депортация, стоившая огромных жертв коренному народу, а последствия её не сгладились и через много лет после окончания Крымской войны: «...в губерниях орловской, курской, полтавской, екатеринославской и херсонской [оказалось] множество несчастных татар, преимущественно вполне невинных... заброшенных вдали от своих семейств и родных в положении, которому едва ли позавидует и ссыльный в Сибири»²⁵.

Тогда же, сразу после окончания войны беды, обрушившиеся на татар принудили их к так называемому Второму великому исходу, когда родину была вынуждена покинуть треть коренного населения Крыма, за ним последовал Третий (1870-е гг.), не менее катастрофичный...

Поэтому и не выгладит слишком суровой оценка «крымской» политики менявшихся российских правительств, вынесенная одним из наших современников. Он полагает, что верность и мужество крымских воинов на службе империи не принесли никакой пользы народу — ни в Отечественную войну 1812 г., ни в последующие времена: «Чего мы добились своей лояльностью и верной службой царю-батюшке, а затем стране Советов? Да, воевали в рядах русской армии... Были мы в Аустерлице, Бородино, Париже, Порт-Артуре, Перекопе, Сталинграде, Берлине и т. д. Ну и что взамен? Унижения, гонения, высылки, одним словом — геноцид»²⁶.

¹Первопричина этой инициативы неизвестна. Однако можно предположить с большой долей вероятности, что таким образом члены старых крымскотатарских родов, где традиционным было именно военное служение верховному правителю страны, пытались найти альтернативную форму такой службы в новых, изменившихся с аннексией Крымского ханства условиях.

²Полное собрание законов Российской империи. Первое издание. Т. XXII. № 15 945. (Далее – ПСЗ).

³*Граф де Людольф*. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Март. Т. 2. С. 163.

⁴Согласно Объявлению от 16 октября 1783 г. за подписью Г. Потёмкина, обращённому ко «всему народу крымскому», имелось «точное Ея Императорского Величества соизволение, чтобы никого из народа крымского в службу воинскую, без собственной его воли и желания, не брать и не принуждать» (Письма Екатери-

нославского губернатора Василия Васильевича Коховского состоящему при делах Ея Величества Екатерины II, тайному советнику В. С. Попову для доклада князю Платону Александровичу Зубову (с 20 января 1782 по 24 июня 1789 года) // Записки Одесского общества истории и древностей. (Далее – ЗООИД). Т. XII. 1881. С. 287). Позже, согласно императорскому рескрипту от 18 октября 1796 г., адресованному Екатеринославскому, Вознесенскому и Таврическому губернатору князю П. А. Зубову, подтверждалось полное освобождение крымскотатарского населения от воинской обязанности и даже постоя.

⁵Цит. по: *Маркиз д'Арагон*. Рыцарь XVIII века, принц Шарль Нассау-Зиген. Корреспонденция 1784–1789 // Крымский Вестник. 1895. № 137.

⁶*Муфтизаде И.* Очерк службы крымских татар в 1783 по 1889 гг. По архивным материалам // Известия Таврической учёной архивной комиссии. № 30. Симферополь, 1899. С. 4–6. Далее – *Муфтизаде*, 1899.

⁷Записки Дмитрия Борисовича Мертваго (1760–1824 гг.). М., 1867. Приложение к «Русскому архиву». 1867. Вып. 8/9. С. 199.

⁸Там же. С. 201.

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹Цит. по: *Авалиани С. Л.* Граф М. С. Воронцов и крестьянский вопрос // ЗООИД. Одесса. Т. XXXI. 1913. С. 55.

¹²ПСЗ. Т. XXII. С. 33–34.

¹³Российский Государственный Исторический архив. Ф. 134. Оп. 9. Д. 2144. Л. 19–21. Далее – РГИА.

¹⁴РГИА. Ф. 134. Оп. 9. Д. 2144. Л. 19 об. – 21 об.

¹⁵Современники сообщают некоторые подробности этого первого сбора: «По первому к ним воззванию, на собственном иждивении крымские татары выслали через три дня 4 000 конных ратников и предложили всех своих молодых людей на службу. Пожертвование было столь значительно, что Государь, отблагодарив их за усердие, принял едва ли четвертую часть оногo» (*Броневский В. Д.* Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 г. Тула, 1822. С. 113). Что же касается денежных сумм, необходимых для сбора полков, то только пожертвований (в них приняли активное участие и караимские купцы), то есть денег, собранных *до обложения* населения соответствующей податью, оказалось больше, чем требовалось (там же).

¹⁶ПСЗ. Т. XXII. № 22 772. В этой связи стоит заметить, что крымскотатарские конные полки (затем – эскадроны) являлись единственным аналогом казачьих частей, когда-либо существовавших в Крыму, то есть набранных из местного населения, а не квартировавших здесь временно. Некоторые авторы истории русского казачества даже выделяют крымскотатарским конникам специальные главы, считая крымские полки разновидностью казачьих.

¹⁷РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 209. Л. 1, 5.

¹⁸ПСЗ. Т. XXII, 52.

¹⁹*Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М., 1995. С. 90.

²⁰*Муфтизаде*, 1899. С. 11.

²¹Подробнее см. в: *Полтаржицкий А.* Крымское войско // *Qrim tatarlari – Крымские татары*. Минск, 1994. С. 40.

²²*Маркевич А. И.* Таврическая губерния во время Крымской войны: По архивным материалам. Симферополь, 1905. С. 55, 59.

²³*Габаев Г.* Крымские татары под русскими знамёнами // Журнал Военно-исторического общества. Санкт-Петербург, 1913. № 3. С. 134; *Муфтизаде*, 1899. С. 13.

²⁴РГИА. Ф. 1286. Оп. 15. Д. 15. Л. 16.

²⁵*Левицкий Г. П.* Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. Кн. X. 1882. С. 606.

²⁶*Шерфединов Р.* Мы вечные ученики жизни... // Биз – кырымлырыз! Мы – крымцы! Акъмесджит, 2006. С. 251.

РИГА 1812 – СОБЫТИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ: ПОЖАР В МОСКОВСКОМ ПРЕДМЕСТЬЕ РИГИ

Важным событием 1812 г. которое часто упоминается в исторической, научно-популярной, а также художественной литературе, является знаменитый пожар в Москве в 1812 г. Он стал символом поражения Наполеона от Александра I, так как драматическим образом знаменует вершину русской кампании «Великой армии». Менее известен тот факт, что в том же году, но двумя месяцами ранее, в Риге также сгорело так называемое Московское предместье. Этот пожар также является вершиной кампании французских войск на этом участке фронта. Однако значение и последствия пожара в Риге существенно отличаются от московского.

Дело в том, когда Наполеон 12/24 июня с 650 000 солдатами пересек Неман, то он направил наступление своих войск не на столицу русской империи, Санкт-Петербург, а в сердце России – Москву. Он сам сказал по этому поводу: «Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму её за голову; заняв Москву, я поражу её в сердце»¹. Русская армия вначале отступала. На четвертый день войны Наполеон достиг уже Вильнюса². Для защиты левого фланга, а также для наступления в Прибалтике определялась меньшая часть французских войск. Это был 10-й корпус под командованием Этьен-Жак-Жозеф-Александра Макдональда, который происходил из шотландского дворянского рода. Его войска состояли в основном из прусских и других немецких, а также некоторых польских частей, в общей сложности около 32 500 солдат³. Им противостояли русские войска под командованием генерал-губернатора Иоганна Магнуса Эссена. Их было только 18 500 солдат, и они прикрывали прибалтийское направление от Риги до Даугавпилса⁴. Облегчала оборону полноводная река Даугава, которую нелегко было сходу форсировать, а также укрепления в самой Риге, в Динаминде (Усть-Двины), где находились английские корабли,

которые также участвовали в обороне города. Сильными также считались и укрепления Даугавпилса, где была сооружена большая крепость в преддверии начала войны в 1810 г. Тем не менее, после 17 дней противостояния, оборона русской армии тут была французами прорвана. Это произошло 17/29 июля⁵.

Однако, поскольку, как уже отмечалось, основной целью наступления Наполеона являлась Москва, стратегическая важность Риги имела второстепенное значение⁶. И хотя прикрытие петербургского направления и угроза левому флангу французских войск было немаловажным делом, русская армия здесь отступала. На подступах же к Риге ситуация для русского военного руководства еще более обострилась, когда в окрестностях деревни Экау (Иесава), находящейся между Бауске (Баускас) и Митаве (Елгава) произошло 7/19 июля столкновение с французскими войсками. Русские под руководством генерала Федора Федоровича Левиз-оф-Менара так и не смогли задержать французскую армию. В результате дорога на Ригу для общего французского наступления с этого момента была открыта⁷.

Тем не менее, Рига являлась важным российским портом на Балтике. Это значение проявилось еще перед началом войны. Известно, что континентальная блокада Наполеона и нарушение ее русской стороной стало одной из главных причин начала войны⁸. В этом контексте Рига вместе с Санкт-Петербургом играла очень важную роль. Рост экспорта в XVIII веке в Риге был не таким интенсивным, как в Санкт-Петербурге, но город занимал бесспорное второе место по морской торговле среди городов России⁹. После разделов Польши значение города в качестве экспортного порта для товаров из Российской империи стремительно возросло.

Благодаря успехам в торговле наблюдалось и значительное развитие города¹⁰. В 1799 г. объем экспорта российских товаров через Ригу равнялся 11 251 409 рублей, т. е. составлял 16 процентов от общего объема всего экспорта России¹¹. Население города также выросло от 5 тыс. жителей в 1710 г. до более чем 30 тыс. к моменту начала войны¹². Причем использование рижского порта в нарушении континентальной блокады Англии выражалось в развитии контрабанды или торговли с помощью кораблей, плавающих под американским флагом, или рижских купцов, которые объективно даже были заинтересованы в войне с Францией¹³. Значение порта и его тесные связи с Англией выразились еще и в том, что англичане, чтобы защитить город, направили туда свои военные корабли. Они, несомненно, внесли значительный вклад в то, чтобы французские войска

в решающей фазе наступления не смогли быстро форсировать Даугаву у Риги. Для связи английских кораблей и руководства обороны города была даже установлена специальная система сигналов, передача которых происходила с использованием высотной доминанты Старой Риги – здания кафедрального собора¹⁴.

Поскольку левый берег Даугавы в районе Риги был не укреплен, то отсюда возникала возможность форсирования реки французскими войсками, что вызывало очень большое беспокойство у генерал-губернатора Игоанна Магнуса Эссена. Нервозность и волнения по этому поводу ощущались и у самих защитников Риги. Поэтому, после того, как прусские подразделения французской армии через день после поражения русских в сражении при Экау (Иесав), взяли Митаве (Елгава) и Олай (Олайне), И. М. Эссен приказал сжечь т. н. митауское предместье Риги на левом берегу Даугавы. Это делалось для того, чтобы открыть для обстрела батарей рижского гарнизона данное пространство, в результате чего войска противника на противоположном берегу реки становились полностью незащищенными¹⁵. Это являлось обычной военной мерой, связанной с улучшением возможностей обороны города, и у русского военного командования подобные планы защиты Риги существовали задолго до появления тут французской армии¹⁶.

Генерал-губернатор Риги И. М. Эссен также направил в лагерь противника разведчиков, которых возглавил перешедший на русскую службу прусский офицер Тидеманн. Лазутчики должны были изучить положение французских войск и, в частности, выяснить, форсировали ли они Двину. Тидеманн должен был снабжать Эссена информацией с фронта с помощью трех карт: «красной», «зеленой» и «черной». «Красная» карточка должна означать, что угрожает непосредственная опасность, «зеленая», что враг приближается, и «черная» карта, что и южные, и западные предместья Риги (московское и Санкт-Петербургское) должны быть сожжены немедленно. Хотя Тидеманн не обнаружил со своей разведгруппой войска противника, он отослал «черную» карту. В столь сложной ситуации, в результате, Эссен отдал приказ немедленно сжечь московский и Санкт-Петербургский пригороды Риги.

Однако, с полной уверенностью сказать, что данный эпизод реально соответствует действительности в наши дни невозможно¹⁷. Его же результатом стало то, что Эссену пришлось уйти в отставку уже в октябре 1812 г., и его место занял маркиз Филипп Осипович Паулуччи¹⁸. Ровно через год после пожара Эссен даже покончил с собой, что иногда рассматривается

как признание им собственной вины¹⁹. Самое интересное и трагическое в этой ситуации заключается в том, что Эссену стало ясно, что не следовало разрушать пригороды Риги только тогда, когда опасность их захвата уже не существовала. Поэтому, собственно, поджог пригорода был признан бессмысленным. В результате, как и в «большой кампании» 1812 г., изменения в верховном командовании произошли и на фронте и в управлении Ригой. Но разница заключается в том, что М. И. Кутузов командовал войсками еще до большого пожара, чтобы спасти положение, а в Ригу Паулуччи прибыл только тогда, когда опасность миновала и защитные мероприятия Эссена оказались преждевременными.

Ущерб от этих действий был, во всяком случае, значительным. Около четверти населения Риги потеряло свое имущество, было уничтожено около 800 зданий, в том числе 4 церкви. Полный ущерб от пожаров составил **16 821 543 рублей, что, очевидно, было больше стоимости годового экспорта Рижского порта**²⁰. До сих пор этот пожар является видимым поворотным моментом в истории градостроительного развития Риги. Это видно, в частности, на примере Верманского парка, где по сей день стоит памятник, посвященный его основателю, генерал-губернатору Паулуччи²¹.

Тем не менее, пожар в предместьях Риги стал самой важной причиной для отставки Эссена в октябре. Это было особенно трагично для этого человека, поскольку в момент пожара и некоторое время после него опасность наступления французских войск на город была еще вполне реальной. Примечательно, что в Риге русская армия по сравнению с «большой кампанией» довольно рано достигла военных успехов, а именно в деле обороны Риги. Но в тоже время надо признать, что сразу отогнать французские войска от города русской армии тоже не удалось. Фронт находился в состоянии стагнации в течение нескольких месяцев и только тогда, когда Великая армия почти достигла границы с Россией, корпус Макдональда также бежал из Курляндии, и угрозы Риге более не существовало²².

«Мы русские! Все мы русские! Никем другим мы не хотим быть!» («Wir sind Russen! Alle sind wir Russen! Sonst nichts wollen wir sein!»), – сказал балтийский немец Гарлиб Меркель летом 1812 г. Далее он продолжил: «Любой, кто с враждебными планами нарушает наши границы [границы России – *ред.*], попадает в логово льва. И здесь ему останется только позорное бегство, как единственное для него спасение. Мы русские, как дома, так и на поле боя, готовы на любые жертвы, готовы к любым уси-

лиям, даже на смерть, за любимого Монарха, и спасение Отечества»²³. С этими словами знаменитый философ эпохи Просвещения Гарлиб Меркель 9/21 июля 1812 г. пытался укреплять боевой дух защитников Риги против армии Наполеона на пике опасности, возникшей для этого города²⁴.

В этой фразе, однако, особенно примечательно стало понимание русской нации. В немецкой историографии наполеоновских войн тема «освобождения» имеет особое значение, поскольку она позволяет понять историю начала немецкого национального подъема²⁵. Но и в других частях Европы, особенно в России, Отечественная война, как уже видно из самого названия войны, означала переломный момент для национального подъема в XIX веке. На этом фоне события в Риге заслуживают особого внимания, поскольку, как показывает цитата Меркеля, здесь в то время наблюдался микрокосмос ряда частично противоречивых тенденций. То, что это так, не в последнюю очередь указывает факт, что сама эта война была между Россией и Францией лишь в формальном смысле. Однако, на самом деле, на Рижском фронте сражались различные народы Европы, но не все они представляли французов или русских. Во «французской» армии здесь в войсках, которыми командовал генерал с шотландскими корнями, были солдаты, в первую очередь, из Пруссии и Польши²⁶. На «русской» стороне войсками руководил сначала выходец из Пруссии, а позже итальянец. Многие солдаты также были из Пруссии, но еще среди них было много немецких прибалтов²⁷. Нельзя забывать и о местных латвийских вспомогательных войсках²⁸.

Если попытаться организовать эти различные этнические структуры, то здесь есть три аспекта, которые заслуживают особого внимания в этой связи: *первый*, прусско-немецкий контекст; *второй*, российско-имперский контекст; *третий*, латвийский контекст.

Пруско-немецкий контекст напрямую связан с центральной ролью, которую сыграли наполеоновские войны за освобождение в развитии немецкого национального движения. Особая роль борьбы в Риге состоит в том, что пруссы воевали на обеих сторонах. Офицеры прусского происхождения на русской стороне, под руководством Карла фон Клаузевица и Ханс-Карла фон Дибич Сабалски, заключили с прусскими частями Макдональда во главе с Людвигом Йорком Таурогенскую конвенцию 18/30 декабря о взаимном нейтралитете в последние дни Отечественной войны 1812 г. Эта конвенция, фактически, заложила основу для последующих изменений фронтов Пруссии и, таким образом, сыграла центральную роль в становлении национального движения в Германии²⁹.

Российско-имперский контекст рассматривается в обращении Г. Меркеля и показывает, каким многоэтничным в это время был российский империализм, хотя в то же время Отечественная война стала толчком к развитию этнического русского национализма с М. И. Кутузовым в качестве национального лидера. Многоэтничная сторона консервативного российского патриотизма хорошо видна в большей степени на примере отношения балтийских немцев, которые, по-прежнему, как показано в цитате Меркеля, поддерживали российский имперский патриотизм³⁰. Меркель занял центральную роль в российской пропаганде, которая начала влиять даже на прусские части, сражающиеся на французской стороне, и, таким образом, тогда была важным элементом в развитии немецкого национализма³¹. Недаром же Паулулчи сказал: «Меркель дал мне более чем 20 000 солдат»³². К этому явлению относятся и офицеры Левис-оф-Менар³³ и Людвиг Адольф Петер фон Витгенштейн и, конечно, вышеупомянутые генерал-губернаторы Иоганн Магнус Эссен³⁴ и Филип Осипович Паулулчи, которые придавали многонациональный характер традиционной российской имперской идее. В этот список на межрегиональном уровне следует включить, не в последнюю очередь, конечно же, Михаила Богдановича Барклай-де-Толли, который имел родственные корни в Прибалтике³⁵.

В дополнение к этим важным, особенно на межрегиональном уровне, явлениям зарождения националистических движений, нельзя забывать *латышский аспект*, как региональную особенность данной территории. В качестве отдельной политической силы латвийское национальное движение в то время еще не появилось³⁶. Но было справедливо отмечено, что в результате пожара в Риге в первую очередь было затронуто латвийское население, жившее в основном в пригородах³⁷. В связи с сильным влиянием эпохи Просвещения, как уже отмечалось, самым важным покровителем латвийского национального движения стал Гарлиб Меркел. В результате, 1812 г. явился как бы изначальным толчком для латвийского национального движения, **поскольку уже вскоре в остзейской губернии было отменено крепостное право**³⁸. По крайней мере, основатели латвийского национального движения позднее часто ссылались именно на это событие³⁹. Интересной также является латышская оценка событий 1812 г. в Риге, которая в советские времена был весьма положительной⁴⁰. Но сегодня чаще всего доминирует все же критическое отношение к этим событиям, поскольку здесь рассматривают население Латвии исключительно в качестве пассивной жертвы событий 1812 г., а не как лояльных поддан-

ных русского царя. Даже термин «Отечественная война» в Латвии более не используется⁴¹. Это одно из свидетельств того, что не только Вторая мировая война является примером русско-латышского конфликта в истории.

В целом, события, связанные с пожаром в московском предместье Риги в 1812 г., как кульминация военных действий Наполеона на северном участке фронта, примечательны в трех аспектах:

Во-первых, важно, что в то время как основной удар был направлен Наполеоном на Москву, оставались и другие важные стратегические цели войны, в частности, рижский порт. *Во-вторых*, личная трагическая судьба генерал-губернатора Иоганна Магнуса Эссена. Его ошибочные решения имели негативные последствия как для города, так и, не в последнюю очередь, для него самого. Локальное историческое значение этого пожара на сегодняшний день представляет собой важный поворотный момент для региональной городской истории Риги. И, *в-третьих*, потому, что т. н. прибалтийские провинции и особенно их столица, Рига, интересны с точки зрения зарождения национальных движений в Центральной и Восточной Европе, так как здесь старые концепции полиэтнической империи пересекаются с новыми представлениями о моноэтническом национализме, и последний получает свое развитие. Наконец, следует отметить, что 2016 г., мы надеемся, на Двине будет мирным, поскольку последние 300 лет, со времен Великой Северной войны, каждые 102 года Рига оказывалась вовлеченной в войны. В 1710 г. была Великая Северная война, затем Отечественная война 1812 г. и, наконец, с 1914 г. в течение нескольких месяцев у Риги проходила линия фронта во время Первой мировой войны. В 2016 г., мы надеемся, что будет мир.

⁴¹Цит. по: Дюпюи Р. Э., Дюпюи Т. Н. Всемирная история войн. Книга 3. 1800–1925 годы. СПб., 2000, С. 125.

²*Dundulis B.* Napoleon et la Lituanie en 1812. Paris, 1940. P. 101.

³*Ibid.* P. 113.

⁴*Radovics A.* Napoleona karaspēks Latvijā. Rīga, 2008. L. 11.

⁵*Barkovska G., Šteimanis J.* Daugavpils vēstures lappuses. Rēzekne, 2005. L. 18.

⁶*Михайловский Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 154.

⁷*Рудакова Л.* Курляндия в 1812 году // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. IX. СПб., 2010. С. 95-104, 99.

⁸См.: *Злотников М. Ф.* Континентальная Блокада и Россия. М.; Л., 1966. С. 356; *Saalfeld D.* Die Kontinentalsperre // Die Auswirkungen von Zöllen und anderen Handelshemmnissen auf die Wirtschaft und Gesellschaft vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1987. S. 121-139, 125.

⁹О развитии торговли в Риге в XVIII веке см.: *Handrack U.* Der Handel der Stadt Riga im 18. Jahrhundert, Jena 1932.

¹⁰*Ibid.* S. 83.

¹¹*Kahan A.* The plow, the hammer and the knout. An economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985. P. 165.

¹²*Zeids T.* Feodālā Rīga. Rīga, 1978. L. 253, 328; *Mettig C.* Geschichte der Stadt Riga. Riga, 1897. S. 377.

¹³*Zeids T.* Feodālā Rīga... L. 321.

¹⁴*Mettig C.* Geschichte der Stadt Riga... S. 431; *Radovics A.* Napoleona karaspēks Latvijā... L. 9.

¹⁵*Михайловский Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году... С. 157.

¹⁶*Čerpinska A.* Als die Rigaer Vorstädte brannten. Ein Rekonstruktionsversuch // Forschungen zur baltischen Geschichte. Band 5, 2010. S. 124-142, 125-131.

¹⁷См.: *Жамов В. Е.* Отечественная война 1812 г. Операции в направлении Тильзит – Митава – Рига. Рига, 1912. С. 60; *Čerpinska A.* Als die Rigaer Vorstädte brannten... S. 134-136.

¹⁸*Zeids T.* Feodālā Rīga... L. 324.

¹⁹*Čerpinska A.* Als die Rigaer Vorstädte brannten... S. 136.

²⁰1812 Baltische Erinnerungsblätter. Riga, 1912. S. 283.

²¹*Ibid.*, S. 299; *Mettig C.* Geschichte der Stadt Riga... S. 439.

²²*Zeids T.* Feodālā Rīga... L. 326.

²³*Garlieb M.* Aufruf „An die Bewohner der Ostseeprovinzen Rußlands“ (09.07.1812) // *Bienemann. F.*, 1912. S. 13.

²⁴*Heeg J.* Die letzte Bastion politischer Publizistik im Kampf gegen Napoleon: die Zeitschriften des Journalisten Garlieb Merkel aus Livland // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. Band 45, Heft 2. 1996. S. 159-191.

²⁵*Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1998. S. 84f.

²⁶*Radovics A.* Napoleona karaspēks Latvijā... L. 15.

²⁷См.: *Ильяшевича В. Н.* Прибалтийцы в Отечественной войне 1812. Таллин, 2011.

²⁸*Zeids T.* Feodālā Rīga... L. 324-325.

²⁹См.: *York and Paulucci.* Aktenstücke und Beiträge zur Geschichte der Convention von Tauroggen. Leipzig, 1865.

³⁰*Ильяшевича В. Н.* Прибалтийцы в Отечественной войне 1812... С. 7. В этой связи необходимо отметить также Эрнста Морица Арндта.

³¹*Рудакова Л.* Курляндия в 1812 году... С. 102.

³²Цит. по: *Radovics A.* Napoleona karaspēks Latvijā... L. 40.

³³См.: *Ильяшевича В. Н.* Прибалтийцы в Отечественной войне 1812... С. 399-402.

³⁴Там же. С. 544-546.

³⁵*von Weytarn F. W.* Barclay de Tolly und der Vaterländische Krieg 1812. Reval, 1914.

³⁶*Bleiere D.* Latvijas Vēsture, 20. Gadsimts. Rīga, 2005. L. 23.

³⁷*Zeids T.* Feodālā Rīga... L. C. 324.

³⁸*Heeg J.* Garlieb Merkel als Kritiker der livländischen Ständegesellschaft. Zur politischen Publizistik der napoleonischen Zeit in den Ostseeprovinzen Rußlands. Frankfurt am Main, 1996. S. 111-135.

³⁹*Radovics A.* Napoleona karaspēks Latvijā... L. 137.

⁴⁰*Dorošenko V.* Latviešu tauta 1812. gada Tēvijas kara laikā, Latvijas PSR vēsture. Rīga, 1986. L. 122-123.

⁴¹См.: *Radovics A.* Napoleona karaspēks Latvijā... L. C. 6.

СОБЫТИЯ 1938–1939 ГГ. В ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ И ПОСЛЕДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ ПОПЫТКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИДЕИ „МЕЖДУМОРЬЯ”

Включение Подкарпатской Руси в состав созданного в 1918 г. чехословацкого государства было отрицательно воспринято в польских правящих кругах, которые предпочли бы включение этого региона в состав Венгрии. На такую позицию Польши влияло несколько факторов. Главным из них было опасение перед возможным согласием чешской стороны на присоединение Руси к независимой Украине или России. При этом вспоминалось, что занятие чехами Заользья в 1919 г. произошло в момент, когда Польская Республика была вовлечена в бои в Восточной Галиции. Подобным образом воспринималось в Польше интернирование войск Западно-Украинской Народной Республики и прибытие широкой волны русской и украинской эмиграции в Чехословакию. Помнилось также о популярных на Влтаве панславистских идеях. Следствием этого стало доминирование среди польских политиков убеждения, что Закарпатье является для чехов лишь «депозитом», который будет в соответствующий момент отдан русским или украинцам. С течением времени и с ростом значения Организации украинских националистов росли опасения, что Русь превратится в центр враждебной Польше украинской ирреденты.

Негативное отношение к Чехословакии было одной из причин сближения Польши с Венгрией. Урезанная территориально после Первой мировой войны Венгрия потеряла в пользу Праги кроме Подкарпатской Руси также и Словакию. Венгры не признавали новых границ и стремились к возврату положения, которое существовало до 1918 г. Как на Висле, так и на Дунае с беспокойством смотрели на восток. Угроза со стороны Советов была существенным фактором, объединявшим интересы обоих государств. С этим была связана пропагандировавшаяся в 30-х годах мини-

стром Юзефом Беком идея «Междуморья», основывавшаяся на проекте создания блока государств, находившихся между Балтийским, Чёрным и Адриатическим морями. Планировавшийся союз, в котором ведущая роль отводилась Польше, должен был защищать своих участников от угрозы со стороны Москвы и Берлина. В планах главы польской дипломатии Чехословакия не принималась во внимание, а Подкарпатская Русь оказалась бы в составе Венгрии. Таким образом, оба государства соединила бы общая государственная граница¹.

Интерес к Подкарпатской Руси имел своим следствием создание в её главном городе Ужгороде польского консульства (первоначально как вице-консульства). Его открытие произошло 1 июля 1928 г.² С 1931 г. сфера деятельности консульства расширилась на часть восточной Словакии. Во главе его находились по очереди: Зигмунт Завадовский (до конца сентября 1930 г.), Михал Съвежбиньский (до конца января 1934 г.) и Мечислав Халупчиньский (до осени 1938 г.). В ноябре 1938 г., после венского арбитража, Ужгород оказался в границах Венгрии. Консульство стало представительством на венгерской территории (Унгвар). Некоторое время им руководил консул Халупчиньский, который в 1939 г. занял должность поверенного в делах в Братиславе. На должности консула его сменил Ежи Щенёвский. Закрытие польского консульства в Унгваре произошло лишь в июле 1940 г.

Открытие консульства облегчило оказание влияния на деятельность негативно настроенных по отношению к Праге русинских группировок. Одной из них была созданная в 1935 г. Русская национально-автономная партия (РНАП). Во главе неё стоял Степан Фенцик, всесторонне образованный греко-католический священник, просветитель и публицист³. РНАП подчёркивала свой русский характер, требуя обеспечения преобладающих позиций русской культуры в провинции.

Конкуренцию РНАП составлял Автономный земледельческий союз (АЗС), который возглавлял Андрей Бродий. Обе группировки не скрывали своей неприязни к властям в Праге. Отличало их в то же время отношение к Будапешту. Бродий и его партия не скрывали своих симпатий к венгерским властям, которые предоставляли партии поддержку не только политическую, но и финансовую. Степан Фенцик искал и находил помощь среди польских дипломатов ещё до того как основал собственную партию. Первые контакты были им установлены, видимо, на рубеже 1930/31 г.⁴ В 1932 г. он получил финансовую поддержку на издание собственной газеты. Свои тексты в ней анонимно размещал консул Михал

Съвежбицкий. Это закончилось протестом властей в Праге и отзывом его из консульства в Ужгороде⁵.

Чрезмерные амбиции Фенцика и Бродия вели к частым столкновениям по линии АЗС – РНАП. Взаимная антипатия вызывала беспокойство, как поляков, так и венгров. В Варшаве и Будапеште справедливо опасались, что конфликт влиял на ослабление поддержки для обеих группировок. В эту проблему пытался вмешаться консул Халупчиньский. Его беседы с Фенциком осенью 1937 г. не дали результатов⁶. В местных выборах весной 1938 г. РНАП и АЗС потерпели поражение. Следствием неудачи в выборах Фенцика было решение польского посольства в Праге о прекращении сотрудничества с ним и «передаче» его венграм⁷.

Благоприятной для венгров была ситуация, в которой оказалась Чехословакия осенью 1938 г. В конце сентября правительство в Праге было вынуждено принять решения Мюнхенской конференции. Следуя за III Рейхом, Будапешт также потребовал возвращения своих бывших земель. 9 октября 1938 г. начались чехословацко-венгерские переговоры в Комарно. В переговорах, в частности, принимали участие представители Подкарпатской Руси⁸. Венгерские требования чехословацкими участниками переговоров были признаны невыполнимыми. Ввиду такой позиции венгры в одностороннем порядке приостановили переговоры⁹. Проблема пересмотра границ была урегулирована в ноябре 1938 г. во время арбитражной конференции в Вене.

Подкарпатская Русь была лишена своей самой богатой, низинной части вместе с самыми крупными городами – Ужгородом и Мукачево. Столица края была перенесена в городок Хуст. Там же начало работать созданное ещё в октябре 1938 г. правительство Руси. Его возглавил представлявший украинское течение греко-католический священник Августин Волошин. 22 ноября 1938 г. Русь получила автономию. Это был важный шаг на пути к независимости. В декабре было изменено официальное название края на Карпатскую Украину¹⁰. В этот период преобладающее влияние здесь получили националистические и пронемецкие круги, в которых существенную роль играли члены Организации украинских националистов. Главным представителем этого течения был министр Юлиан Реваи. Он принадлежал к сторонникам как можно более быстрого провозглашения независимости Карпатской Украины и сближения её с III Рейхом. В декабре 1938 г. он подписал в Берлине соглашение, в силу которого Германия получала исключительные права на проведение разведки полезных ископаемых в крае. Соглашение открывало дорогу экономической экспансии

Рейха в Закарпатье и де факто позволяло проникать в край немецким спецслужбам¹¹.

После изменения границ Подкарпатской Руси польское консульство стало представительством на венгерской территории. Интерес Польши к этому региону требовал создать новое представительство. Новое консульство было открыто в Севлюше, расположенном недалеко от Хуста. Консулом был назначен Пётр Курницкий¹². Главной задачей представительства было наблюдение за ситуацией в регионе. Речь шла в основном о передвижении войск, деятельности украинских кругов, в том числе Организации украинских националистов и полувоенной Карпатской Сичи¹³ и её контактов с пребывавшими там представителями властей и разведки III Рейха, а также немецкими военными инструкторами. Тем самым, это были задачи разведывательного характера. Успешному выполнению вышеназванных задач посредством создания соответствующей агентурной сети должна была способствовать размещённая в консульстве в марте 1939 г. ячейка польской разведки под шифром LVG. Во главе неё был капитан Юзеф Робак, ранее, в частности, руководитель Чешского подреферата при Восточном реферате II отдела Главного штаба¹⁴.

С точки зрения общих польско-венгерских интересов результаты первого венского арбитража были неудовлетворительными, поскольку не было получено общей границы между двумя государствами. Несмотря на это польские дипломаты сохраняли умеренный оптимизм относительно создания общей границы в Карпатах. Леон Орловский, посол Польши в Будапеште в своём отчёте в Министерство иностранных дел констатировал, что, принимая во внимание позицию Венгрии до настоящего времени, следует признать результаты венских решений успешными. Польский дипломат полагал, что путь к присоединению всей территории Руси к Венгрии не закрыт¹⁵. Это мнение разделяло также руководство польской дипломатии¹⁶. Результаты арбитража были в то же время дипломатическим успехом Германии, которая укрепила свои позиции в этой части Европы и показала, что без её согласия изменения в регионе невозможны.

Венгерское правительство решительно высказывалось за пересмотр границ в как можно большем объёме, но было не в состоянии, однако, в ультимативном тоне представить свои претензии Праге, как это сделала Польша в случае Заользя. Ослабленная в геополитическом и военном плане после Первой мировой войны Венгрия не могла угрожать своим соседям без поддержки третьих стран. Попытками получить эту поддержку, в

частности, являлись визиты в Берлин и Варшаву в июне 1938 г. полковника Режё Андорки, шефа II отдела Венгерского королевского генерального штаба. В столице Польши он встретился среди прочих с шефом польского Главного штаба Войска польского генералом Вацлавом Стахевичем и находившимся во главе II отдела Главного штаба (или разведки) полковником Тадеушем Пелчиньским. Полковник Андорка старался узнать у них, может ли Венгрия в случае нападения Германии на Чехословакию рассчитывать на польское вооружённое выступление против последней¹⁷, и что могло бы быть целью возможного нападения. Несмотря на то, что венгерский гость не получил ясного ответа относительно польской военной акции против Чехословакии, он вынес из встреч в Варшаве убеждение о готовности Польши к сотрудничеству с Будапештом в этой сфере¹⁸.

Венгерский полковник вновь прибыл в столицу Польши в середине сентября 1938 г. После этого визита Андорка уже менее оптимистично сообщал, что польская сторона решительно высказалась за общую границу с Венгрией, но исключила своё участие в военном конфликте против Чехословакии¹⁹. В то же время поляки уговаривали венгерскую сторону напасть на Чехословакию в Закарпатье. В случае, если бы дело дошло до военных решений, то Польша могла бы заключить с Будапештом военный договор²⁰.

Ещё до начала переговоров в Комарно Венгрия приступила к реализации своих планов военных диверсионных действий на территории Подкарпатской Руси. В Будапеште рассчитывали, что эта акция усилит позиции венгерской стороны в переговорах с чехами и будет представлять собой дополнение к дипломатическим действиям, которые предпринимались при поддержке III Рейха. Рассчитывая на скорое и выгодное для себя завершение переговоров, Венгрия приняла решение не информировать польскую сторону о начале акции. В Будапеште рассчитывали, что поляки приступят к действиям после начала венгерской диверсионной операции²¹. Они не оставляли надежду на открытую интервенцию польских войск. Ещё 5 октября 1938 г. венгерские дипломаты обращались по этому поводу к министру Юзефу Беку²². Это, конечно, было пожелание, которое невозможно было исполнить, поскольку согласие означало бы формальное вступление Польши в войну против Чехословакии. Тем не менее, на сообщение о начале венграми диверсионных действий 7 октября 1938 г. полковник Ян Цястонь, заместитель шефа II отдела Главного штаба, издал приказ о начале Польшей диверсионных действий в Подкарпатской Руси. В приказе подчёркивалась их необычайная важность

и безусловность исполнения²³. Польским действиям было дано кодовое название «Лом»²⁴. Они должны были заключаться в уничтожении объектов коммуникации (дороги, мосты, виадуки), а также общественных зданий. Посредством распространения информации, что якобы за диверсионными актами стоят местные русины, предпринимались попытки вызвать враждебные по отношению к властям в Праге выступления местного населения и убедить его относительно необходимости присоединения территории его проживания к Венгрии. Необычная спешка в принятии решения об организации диверсионных действий в Подкарпатской Руси в очередной раз доказывает отсутствие соответствующей координации действий с венгерской стороной. Внезапное начало Польшей акции свидетельствовало об опасении Варшавы того, что общая граница будет достигнута на условиях, определённых III Рейхом. Следует помнить, что решение было принято после прекращения переговоров в Комарно и ещё до объявления об арбитраже в Вене. Быстрое занятие венграми Закарпатья без согласия Гитлера могло стать основой силы будущего блока, связанного с концепцией «Междуморья», так активно пропагандировавшегося польской дипломатией. Возможное присоединение Руси на принципах, которые определил Адольф Гитлер, имело бы своим следствием поражение идеи сотрудничества государств Центральной Европы под руководством Польши, поскольку означало усиление германского влияния в этом регионе.

Начало диверсионных действий вытекало из необходимости оправдания военного характера сотрудничества с Венгрией. В связи с этим в Будапешт была направлена миссия связи, состоявшая из офицеров польской разведки. Во главе её был подполковник генштаба Юзеф Скушдлевский²⁵. Венгерская сторона, однако, до середины октября 1938 г. затягивала начало серьёзных военных действий. Венгрия по-прежнему рассчитывала на то, что благодаря Германии и Италии, она займёт Подкарпатскую Русь без использования армии²⁶. Когда в конце октября диверсии усилились, они вследствие плохой подготовки были неудачными и были легко отражены чехословацкими вооружёнными силами²⁷. Лишь в связи с этим венгерские власти решили использовать дополнительные части регулярной армии. Возражение III Рейха не позволило реализовать этот план²⁸. В конце концов, вследствие протеста Берлина, венгры были вынуждены приостановить военные действия в Закарпатье. 23 ноября 1938 г. польской разведке было передано сообщение из Будапешта о прекращении венгерской диверсионной операции²⁹. В связи с этим в

соответствии с приказом генерала Стахевица от 28 ноября 1938 г. было начато свёртывание польских диверсионных действий в Подкарпатской Руси³⁰. Для их подготовки и участия было привлечено около 1000 человек, военных и добровольцев. Несмотря на то, что польские акции были более успешными, чем венгерские, они не принесли ожидаемых результатов. В них погибло шесть чехословацких граждан (таможенников, жандармов, лесников). Более десяти поляков погибло или пропало. Польские данные говорили об уничтожении или повреждении нескольких десятков автомобильных и железнодорожных мостов, водной дамбы, здания почты, повреждении железнодорожных путей и линии электропередач высокого напряжения³¹.

Операция «Лом» не принесла её организаторам планируемого результата, каким было бы появление общей границы с Венгрией. Цель не была достигнута преимущественно из-за отказа венгров продолжать диверсионные акции. В Варшаве по-прежнему лелеяли надежду на независимое от Германии польско-венгерское сотрудничество и достижение общей границы без дипломатической поддержки Берлина. Эта цель, в представлении польской дипломатии, могла быть достигнута на практике только если бы удалось убедить Будапешт в необходимости продолжения общих диверсионных действий в Карпатах. Сторонником такого выбора был, в частности, Казимеж Папе, посол Польши в Праге и консул Михал Халупчиньский.

Несмотря на то, что на рубеже 1938/39 гг. польско-венгерские отношения оказались в тупике, а польские дипломаты отдавали себе отчёт в подчинении Венгрии политике Германии, в Будапешт направлялись из Варшавы заверения в неизменной доброжелательности и желании продолжать сотрудничество³². В связи с этим уже 5 января 1939 г. был подготовлен в посольстве Польши в Праге проект возобновления действий политико-диверсионного характера³³. Их целью было присоединение к Венгрии не только Карпатской Украины, но также восточной Словакии. Возможное расширение деятельности в словацком направлении свидетельствовало о решительности польских властей. Целью Польши было недопущение подчинения венгерской политики в этом регионе германским интересам. 24 февраля 1939 г. польский военный атташе в Будапеште подполковник Эмисарский сообщал, что Венгрия негативно отнеслась к польским предложениям и планам продолжить диверсионные акции в отношении Подкарпатской Руси. Свой отказ Венгрия объясняла позицией Германии и Италии³⁴.

Представляется, что пессимистическая информация, поступающая из Будапешта, не отбила до конца желание польской стороны продолжать усилия по убеждению венгров в правильности своих планов. О весомости проблемы свидетельствует направление около 10 марта 1939 г. майора Харашкевича из II отдела Главного штаба в столицу Венгрии³⁵. Его визит не принёс результатов. 15 марта 1939 г., в день провозглашения независимости Карпатской Украины, Берлин выразил согласие на занятие Венгрией украинского малого государства. Польские дипломаты в Венгрии отдавали себе отчёт в уступчивости их будапештских союзников Германии. В связи с этим Ежи Щенёвский, новый консул Польши в Ужгороде в письме проинформировал посла Орловского, что с 1 мая была начата организация информационной сети на территории Подкарпатской Руси. Её задачей было наблюдение и сбор материалов на тему германско-украинского сотрудничества и его воздействия на территорию Польши, деятельности коммунистов, а также исследование настроений местного населения³⁶. Людвик Орловский поддерживал деятельность Щенёвского. В переданном донесении для Восточного отдела МВД он высказался за предоставление финансовой поддержки для организованной сети³⁷.

Ещё в том самом месяце польский консул в Ужгороде сообщал, что итог двухмесячного венгерского правления в Подкарпатской Руси оказался решительно отрицательным. Главной причиной такого положения вещей была неудачная политика Будапешта по отношению ко всем местным политическим группам. В связи с этим у венгров не было серьёзных сторонников на местах, что использовала всё более усиливавшая своё влияние Германия. Как далее замечал Щенёвский, венгерские власти совершали ошибки в деятельности по отношению к украинцам. Большинство мелких деятелей (чиновников, учителей) склонялись к сотрудничеству с новыми властями. Несмотря на это, они преследовались венграми, которые одновременно занимали мягкую позицию в отношении лидеров украинских кругов. Такое положение имело своим следствием рост пронемецких и антивенгерских тенденций. Украинцы, которым не давали покоя венгерские службы, всё чаще обращались с просьбами о помощи в германское консульство. Ситуацию осложняло катастрофическое положение экономики, которое ухудшилось со времени падения Чехословакии³⁸. Переданные Щенёвским сведения подтверждались сообщениями сотрудничающих с польским консульством русинов. Они указывали на репрессивный характер политики новых властей, массовые расстрелы и аресты на основании часто ложных подозрений и доносов. Часть украин-

цев, над которыми нависла угроза, обращалась в германское консульство в Хусте, где получала финансовую поддержку или разрешение на выезд в Германию³⁹.

В такой ситуации в обществе Подкарпатской Руси росла тоска по правлению Праги. В ужгородское консульство Польши начали обращаться русины, заявлявшие о своём желании вступить в формировавшийся в Польше генералом Львом Прхалой Легион чехов и словаков, формирование эмигрантов из Чехословакии, которые заявили о желании бороться против Германии вместе с польской армией⁴⁰. Консул Щенёвский был вынужден отрицать организацию и существование такого рода вооружённых формирований. В своём отчёте он сообщал, что такая информация вызывает нежелательные с точки зрения взаимных польско-венгерских отношений настроения среди венгров. В связи с этим консул просил своих вышестоящих руководителей сообщить венгерской стороне, что деятельность генерала Прхалы не имеет ничего общего со слухами о стремлении отделить Подкарпатскую Русь от Венгрии и что у самого чешского военачальника нет намерения заниматься возможными русинскими эмигрантами⁴¹.

Во второй половине июля 1939 г. дело дошло до встречи консула Польши с венгерским комиссаром Руси Жигмондом Переньи, который выразил надежду, что общая граница станет фактором, сближающим два народа. Он добавил, что венгерская политика в Подкарпатской Руси близка польской политике, и поэтому приложит все усилия, чтобы на территории, которой он управляет, не зародилась ни одна антипольская акция. В связи с этим комиссар просил об обмене информацией, касающейся деятельности украинцев и пропаганды со стороны Протектората Чехии и Моравии, а также Словакии⁴². Переньи не скрывал перед польским дипломатом катастрофического состояния экономики края. Поэтому, «во имя укрепления общей границы», он просил о закупке Польшей большого количества винограда, яблок и вина. Увеличение польского импорта улучшило бы положение местных более богатых крестьян, которые не имели возможности сбыта своих товаров в Венгрии. Таким способом в Будапеште пытались приблизить к себе часть местного населения⁴³. Консул Щенёвский согласился информировать об имеющихся местах политических настроениях в регионе. Он сообщил, что польская сторона не ведёт в Руси никакой политической кампании и проводить не собирается, прежние свои контакты работники консульства Польши

прервали. Экономические предложения, касающиеся скупки продукции сельского хозяйства и вина, будут переданы Варшаве⁴⁴.

По отчётам польских дипломатов в августе 1939 г. ситуация в Подкарпатской Руси ещё больше ухудшилась. Уровень жизни населения в сравнении с чехословацким периодом значительно снизился. Возросли цены и безработица, сократилась заработная плата. Вице-консул Урбанец критиковал Будапешт за политику в отношении новоприсоединённого региона. Он открыто утверждал, что Венгрия трактует русин как население низшего сорта⁴⁵. Он точно представил ситуацию в крае, которую следует привести: «(...) Антивенгерские настроения усиливаются действиями украинско-немецкой и коммунистической пропаганды. Со стороны венгерских деятелей можно наблюдать целый ряд не столько несоответствующих, сколько неосмысленных шагов, которые отталкивают местное население. По-прежнему русины не допускаются на должности, а ранее принятых увольняют, украинцев же поддерживают. Зато так называемые «мадяроны» при поддержке правительственных деятелей ведут себя по отношению к населению довольно провокационно. Терпимость к украинской и коммунистической деятельности создаёт у местного населения убеждение о слабости Венгрии. В Русь направлено относительно большое количество чиновников венгров из Венгрии в границах после Первой мировой войны. Этим чиновникам плохо платят, из-за чего они озлоблены, и своё недовольство вымещают на местном населении. Не зная языка русин, они вынуждают население использовать венгерский язык, что воспринимается как слишком быстрая мадьяризация Руси. С населением они обходятся слишком грубо. Венгерские чиновники, жандармы и железнодорожники не отличаются ни культурой, ни интеллигентностью. Русины, достаточно политически воспитанные в период чешской демократии, считают себя с культурной точки зрения стоящими выше. Сравнивая нынешние условия быта, с точки зрения экономической и политической с прошлым, русины утверждают, что во времена чехов, и даже правления Волошина, было лучше (...) На фоне таких условий и настроений всё больше растёт полонофильство, опирающееся на панславистские понятия. Часто слышатся слова: “Ничто нас с венграми не связывает, а всё разделяет, лишь Польша, как Славянское Государство может за нас заступиться и дать нам соответствующие условия развития. Лучше нам даже полностью полонизироваться, чем жить под венгерским кнутом”. Все слухи о создании русских легионов (также и венгерских) воспринимаются тут со вниманием и энтузиазмом. В Консульство обращается всё

больше введённых в заблуждение добровольцев в легионеры, а когда они узнают, что никакие иностранные легионы в Польше не созданы, объявляют о желании вступить в войско польское»⁴⁶.

Из отчёта Яна Урбана следует, что Венгрия непосредственно перед началом войны подчинилась германскому давлению относительно территории Подкарпатской Руси. К работе начали возвращать украинцев, привлечённых к созданию властных структур Карпатской Украины и стремящихся к тесному сотрудничеству с III Рейхом. Положение в Карпатской Руси, несмотря на её включение в Венгрию и создание общей с Польшей границы, стало невыгодным для Польши. В Варшаве отдавали себе отчёт в растущем влиянии Германии в этой части страны. Ещё до недавнего времени венгерская Русь должна была спланировать ось Центральной Европы и укрепить безопасность Польши. В августе 1939 г. стало ясно, что получилось по-другому. Подкарпатская Русь снова становилась небезопасным коридором, через который в результате вооружённого конфликта на территорию Польши могла проникнуть германская армия при поддержке украинских кругов. Действия польской дипломатии, несмотря на то, что были достигнуты поставленные цели, не исключили угроз, каких опасались весь межвоенный период. Если III Рейх (который оказывал сильное давление по этому вопросу на Будапешт) напал бы на Польшу с территории Венгрии, его войска пересекли бы польскую границу в Подкарпатской Руси. Тем самым, польской стороне не удалось минимизировать угрозы, которые усматривались по ту сторону Карпат. Оказалось, что ликвидация Чехословакии не исключает их, поскольку не Прага, а Берлин оказывал влияние на враждебные Польше украинские круги, действующие, в частности, на территории Подкарпатской Руси. Падение чехословацкого государства лишь увеличило угрозы, поскольку оно стало геополитическим триумфом III Рейха. Все государства непосредственно заинтересованные краем в Карпатах стали зависимыми от Берлина. Некоторые вопреки своей воле, как Чехия и Польша, некоторые из-за политической необходимости, как Венгрия, Словакия и Румыния.

Непосредственно перед началом Второй мировой войны в Варшаве опасались возможности пересечения германской армией границы в Карпатах. В связи с этим польская дипломатия оказывала давление на венгров, чтобы те предоставили декларацию, касающуюся запрета перемещения войск III Рейха через их территорию. Такие заверения предоставил послу Орловскому министр Чаки, в частности, 27 августа 1939 г.⁴⁷

Всю ситуацию сделала ясной и спасла позиция регента, питавшего тёплые чувства по отношению к соседу. В последний день перед началом войны Миклош Хорти вызвал к себе посла Орловского. Регент выразил своё восхищение позицией Польши и возмущение по поводу германской политики и имевшей место до сих пор трактовки Венгрии Германией. Он сообщил, что написал личное письмо Гитлеру, в котором известил, что его страна ни при каких обстоятельствах не выступит против Польши⁴⁸.

Таким образом, достижение общей границы с Венгрией трудно отнести к успехам польской политики. Ведь оказалось, что новый сосед принадлежит к блоку государств сотрудничающих с III Рейхом, и его поддержка во время приближающегося конфликта с Германией становилась невозможной. Тем самым, провалилась так активно пропагандировавшаяся польским МИД и министром Юзефом Бекон концепция «Междуморья», а вместе с ней значительно были ослаблены оборонные возможности Польши в юго-восточном направлении. Вовлечённость Польши в дела Подкарпатской Руси, которая стоила Варшаве больших затрат, не только не принесла планируемых результатов, но оказалась ошибочной.

¹*Kornat M.* Realny projekt czy wizja ex post? koncepcja „Trzeciej Europy” (1937-1938) // *Polityka równowagi 1934-1939. Polska między wschodem a Zachodem.* Kraków, 2007. S. 307-352; *Okulewicz P.* koncepcja „międzymorza” w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918-1926. Poznań, 2001.; *Tomaszewski J.* Polska w Europie Środkowej w XX stuleciu // „Sprawy Międzynarodowe”. 2008. Nr 1. S. 13-20.

²*Bestry J.* Służba konsularna II Rzeczypospolitej w Czechosłowacji. Wrocław, 2005. S. 93.

³Подробнее: *Bruski J.J., Pisuliński J.* Stiepan Fencik i Rosyjska Partia Narodowo-Autonomiczna. Karta z działań polskiej dyplomacji na Rusi Podkarpackiej // „Od poznania do zrozumienia. Polacy, Czesi, Słowacy w XX wieku” / Red. E. Orlof. Rzeszów, 1999; *Jarnecki M.* Portret oportunisty. Polityczne wybory i meandry posła Stefana Fencika. Karta z dziejów Rusi Zakarpackiej w okresie międzywojennym // „Studia Historica Slavico-Germanica” (Poznań). T. XXV. 2003 (2004).

⁴*Bruski J.J., Pisuliński J.* Op. cit. S. 140.

⁵*Koźmiński M.* Polska i Węgry przed drugą wojną światową (październik 1938 – wrzesień 1939). Z dziejów dyplomacji i irredenty. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. S. 91; *Jarnecki M.* Op. cit. S. 136.

⁶Archiwum Akt Nowych (далее – AAN), Ministerstwo Spraw Zagranicznych, Wydział Wschodni, sygn. 5459. Sprawozdanie konsula Chałupezyńskiego do Poselstwa RP w Pradze, 7 XII 1937.

⁷AAN, Konsulat RP Užhorod, sygn. 11. Mieczysław Chalupczyński do Pana Dr. Kazimierza Papée Posła R.P. 13 VII 1938.

⁸Подробнее по теме чехословацко-венгерских переговоров см., в частности: *Hoensch J. K.* Der ungarische Revisionismus und die zerschlagung der Tschechoslowakei. Tübingen, 1967; *Adamová M.* Mnichovská krize a Maďarsko: rozpad versilleské smlouvy ve střední Evropě „Střední Evropa“ (Praha), /I. Část/, č. 92, 1999, /II. závěrečná část/, č. 94/95, 1999; *Romportlová M.* Mnichov – Komárno – Vídeň. Maďarský revizionismus a Československo od Mnichova k první vídeňské arbitráži // „Z dějin visehradského prostoru. Richardu Pražákovi k pětasedmdesátinám“ / V. Gonč, R. Vlček (ed.). Brno, 2006. S. 225 -232.

⁹Vyhlasenie maďarskej vládnej delegácie o jednostrannom ukončení rokovani s česko-slovenskou vládou delegáciou v Komárne, 13 X 1938 // Viedenská arbitráž – 2. november 1938. Dokumenty I. (10. september – 2. november 1938), (zost. L. Deák). Martin, 2002. S. 129.

¹⁰Подробнее: *Morávek J.* Zákon o autonomii Podkarpatské Rusi z listopadu 1938 – jeho příprava, projednávání a realizace // „Východočeské listy historické“ (Hradec Králove), 2001, č. 17-18.

¹¹Ibidem. S. 237; *Suško L.* Nemecká polityka voči Slovensku a Zakarpatskej Ukrajině v období od septembrovej krízy 1938 do rozbitia Československa v marci 1939 // „Československý časopis historický“, r. XXI, 1973, č. 2, s. 187.

¹²*Bestry J.* (Op. cit. S. 102) сообщает неверные сведения, что консулом был назначен Анджей Валигурский, который как сотрудник консульства в Ужгороде был привлечён к организации нового представительства. С февраля или марта 1939 г. он должен был получить должность референта посольства Польши в Берлине. На самом деле он был сотрудником польской разведки. Неверны также сведения, сообщаемые Бестри о якобы невозможности формулировки оценок на тему представительства в Севлюше из-за ничтожного объёма материала по теме. Подробнее по теме консульства Польши в Севлюше: *Dąbrowski D.* Rzeczpospolita Polska wobec kwestii Rusi Zakarpackiej (Podkarpackiej) 1938-1938. Toruń, 2007. S. 280-287.

¹³Для украинских националистов она должна была стать зародышем украинской армии. В её составе находилось много украинцев, бежавших с территории Польши.

¹⁴Ibidem. S. 293-295; *Kotakowski P.* Między Warszawą a Pragą. Polsko-czechosłowackie stosunki wojskowo-polityczne 1918-1939. Warszawa, 2006. S. 588-592.

¹⁵Instytut Józefa Piłsudskiego w Nowym Jorku, Archiwum Leona Orłowskiego, zesp. 78, t. 16, Poseł Orłowski do MSZ, 3 XI 1938.

¹⁶IJP, Archiwum Leona Orłowskiego, zesp. 78, t. 16, Szembek do Poselstwa RP w Budapeszcie, 5 XI 1938.

¹⁷*Koźmiński M.* Op. cit. S. 105; Hlasenie vedúceho VI/2 odd. Maďarského Ministerstva obrany šéfovi generálneho štábu, 27 VI 1938 // Československá otázka v diplomatických spisoch horthyovského Maďarska, „Historický časopis“ (Bratislava), R. XV, č 1, 2, 1967, s. 100-101.

¹⁸Bericht des Leiters der Abteilung 2 im Generalstab, Generalstabsoberst Andorka, an den Generalstabschef Keresztes-Fischer, 27.6.1938 // Allianz Hitler-Horthy-Mussolini. Dokumente zur Ungarns Aussenpolitik (1933-1944) / Red. M. Ádám, G. Juchász, L. Kerekes. Budapest, 1966. S. 177-183.

¹⁹Hlasení vedúceho VI/2 odd. Maďarského Ministerstva obrany Andorku šefovi generálneho štábu, 12 IX 1938 // Československá otázka... S. 112-113.

²⁰Sifrovaný telegram varšavského maďarského vyslanca Horyho ministrovi zahraničia Kányovi, 16 IX 1938 // Československá otázka... S. 116-117.

²¹Chiffretelegramm des ungarischen Militärattachés in Warschau an den Generalstabschef, 10 X 1938 // Allianz Hitler-Horthy-Mussolini... S. 197-198.

²²Misja hr. Csakiego w Warszawie 5-6 paźdz. 1938 // Węgry i Polska w okresie kryzysu czechosłowackiego (niepublikowane dokumenty) / Red. J. Jurkiewicz, „Sprawy Międzynarodowe”, R. XI, zes. 7-8 (76-77), 1958. S. 72; *Orłowski L.* Spawa wspólnej granicy z Węgrami, „Niepodległość” (Nowy Jork – Londyn). T. XX. 1979. S. 180.

²³Referat o działaniach dywersyjnych na Rusi Karpackiej // Zbiór dokumentów ppłk. Edmunda Charaszkiwicza / Red. A. Grzywacz, M. Kwiecień, G. Mazur. Kraków, 2000. S. 106-108.

²⁴Подробнее на тему акции см.: *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* „Powstanie” na Zaolziu 1938. Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa, 1997; *Kolakowski P.* Op. cit. S. 544-572; *Dąbrowski D.* Op. cit. S. 148-234.

²⁵AAN, Instytucje Wojskowe, Oddział II Sztabu Głównego (dalej: Instytucje Wojskowe, O II SG), sygn. 196 II/28, Pismo szefa Ekspozytury 2 Oddz. II Szt. Gł. Mjr Charaszkiwicza do dyr. Departamentu Konsularnego Ministerstwa Spraw Zagranicznych (W.T. Drymmera), październik 1938 r.

²⁶*Orłowski L.* Op. cit. S. 69.

²⁷AAN, Instytucje Wojskowe - O II SG, sygn. 196 II/28, Raport kierownika ekipy na Węgrzech ppłk. dypl. J. Skrzydlewskiego do Szefa Oddziału II Sztabu Głównego, Vasaros Nemeny (Vásárosnamény) 30 X 1938.

²⁸IJP, Archiwum Leona Orłowskiego, zesp. 78, t. 16, Posel Orłowski do MSZ, 9 XI 1938.

²⁹Radiotelegram szyfrowy Józefa Skrzydlewskiego do Tadeusza Pelczyńskiego o posunięciach Węgrów w sprawie Rusi Zakarpackiej, 23 XI 1938 // *Samuś P., Badziak K., Matwiejew G.* Akcja „Łom”. Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej... S. 236.

³⁰Referat o działaniach dywersyjnych na Rusi Karpackiej // Zbiór dokumentów ppłk. Charaszkiwicza. S. 129.

³¹*Dąbrowski D.* Op. cit. S. 220-226.

³²Diariusz i teki Jana Szembeka (1935-1945), (oprac. J. Zarański). T. IV. Londyn, 1972., Rozmowa z dyr. Kobyłańskim, 4 I 1939. S. 459, ibidem, rozmowa z pos. Orłowskim. S. 461.

³³Centralne Archiwum Wojskowe (Далее – CAW), Ekspozytura 2 Oddziału II Sztabu Głównego (dalej: Ekspozytura 2 O II SG), sygn. I 303.4.5756. Wydział Wschodni Departamentu Politycznego Ministerstwa Spraw Zagranicznych do Szefa Oddziału II SG, 12 I 1939 r.

³⁴*Stolarczyk J.* Próby polskich działań dywersyjnych na Rusi Zakarpackiej (listopad 1938 – marzec 1939), „Rocznik Wschodni” (Rzeszów). Nr 7. 2001. S. 171.

³⁵Referat o działaniach dywersyjnych na Rusi Karpackiej // Zbiór dokumentów ppłk. Charaszkiwicza. S. 112-113.

³⁶AAN, Wydział Wschodni, sygn. 5324, Konsulat RP w Užhorodzie do Pana Posła RP w Budapeszcie, 4 V 1939.

³⁷Ibidem.

³⁸Ibidem.

³⁹AAN, Wydział Wschodni, sygn. 6577, Raport Konsulatu RP w Užhorodzie do Pana Posła RP w Budapeszcie. 12 VII 1939.

⁴⁰Подробнее по теме формирования и деятельности Легиона чехов и словаков см.: *Kupliński J.* Polsko-czechosłowackie kontakty wojskowe od wiosny 1938 do jesieni 1939 roku. Gdańsk, 1977. S. 252-289; *Zgórnjak M.* Europa w przededniu..., op. cit. S. 444-446; *Kozeński J.* Uchodźcy czechosłowaccy w Polsce w 1939 r. „Przegląd Zachodni”. 1963. Nr 2; *Kopecký R.* Československý odboj v Polsku v r. 1939. „Historie a vojenství”. 1964. Nr 6; *Wandycz P.* Emigracja czechosłowacka w Polsce. „Kultura”. 1960. Nr 4; *Friedl J.* Na jedné frontě. Vztahy československé a polské armády za druhé světové války. Praha, 2005.

⁴¹AAN, Wydział Wschodni, sygn. 6577, Raport Konsulatu RP w Užhorodzie do Pana Posła RP w Budapeszcie. 11/W/37/39, 7 VII 1939.

⁴²AAN, Wydział Wschodni, sygn. 6577, Raport Konsulatu RP w Užhorodzie do Pana Posła RP w Budapeszcie. 11/w/44, 22 VII 1939.

⁴³Ibidem.

⁴⁴Ibidem.

⁴⁵AAN, Wydział Wschodni, sygn. 6577, Raport Konsulatu RP w Užhorodzie do Pana Posła RP w Budapeszcie na temat nastrojów politycznych na Rusi Podkarpackiej, 19 VIII 1938.

⁴⁶AAN, Wydział Wschodni, sygn. 6577, Raport Konsulatu RP w Užhorodzie do dyr. Kobyłańskiego (Ministerstwo Spraw Zagranicznych) 11/W/44, 24 VII 1939.

⁴⁷Radiotelegram szyfrowy posła w Budapeszcie o rozmowie z ministrem spraw zagranicznych Węgier (AAN, MSZ, sygn. 6572), 11 V 1939, [w:] Polskie Dokumenty Dyplomatyczne... S. 817.

⁴⁸Radiotelegram szyfrowy posła w Budapeszcie o rozmowie z regentem Węgier (AAN, MSZ, sygn. 6572), 31 VII 1939, [w:] Polskie Dokumenty Dyplomatyczne... S. 847-848.

II. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

А. Г. Шкваров

ЧАСТИ ФИНЛЯНДСКОГО КОРПУСА И ФИНСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЙСКА В 1812 ГОДУ*

На момент окончания последней войны со Швецией численность русской армии в Финляндии составляла от 50 тыс. человек в январе 1809 г. до 39 тыс. человек в апреле того же года¹. К началу 1812 г. численность войск была сокращена до 30 тыс. Эти войска находились под общим командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгеля, который являлся одновременно генерал-губернатором Финляндии. Он был командующим войсками Финляндского корпуса и начальником 6-й пехотной дивизии². Их всего было 32 батальона, 8 эскадронов, 3 казачьих полка и 102 орудия. Практически все части, входившие в состав Финляндского корпуса, являлись обстрелянными, опытными в боевом отношении полками, за исключением Литовского и Подольского. Три морских полка 25-й дивизии, которая была, фактически, прообразом современной морской пехоты, также участвовали в боях с французами в период кампании 1806 г. на острове Корфу и в последней войне со Швецией.

Следует обратить внимание на вновь образованный Литовский пехотный полк. Он был сформирован 22 октября 1809 г. из 2-го батальона Фридрихсгамского гарнизонного полка и Вильманstrandского гарнизонного батальона, под названием Свеаборгского гарнизонного полка, в составе четырёх батальонов. 11 января 1811 г. из 12 рот Свеаборгского гарнизонного полка был образован трёх-батальонный Литовский мушкетёрский полк, названный 22 февраля 1811 г. пехотным.

*Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 8177 от 26 июля 2012 “Проблемы идентичности в истории стран Европы и Америки в эпоху Нового и новейшего времени”.

Что из себя представлял личный состав гарнизонных полков? К нему обычно относились те, которые не годились в строевые части, т.е. были неспособны нести полевую службу. Например, в нижних чинах состояли беззубые, увечные, без пальцев на руках или ногах, близорукие, глухие, хромые, преклонного возраста, так как в рекруты забирали от 19 до 60 лет. Помимо этого, в гарнизонные полки или батальоны могли списывать полевые части собственных больных и слабых солдат и набирать взамен оттуда лучших. Туда же отправлялись служить и те, кого называли «порочными», т.е. склонными ко всякого рода преступлениям, от которых избавлялись помещики вместо ссылки в Сибирь и отдавали в рекруты³.

Помимо этого, сама по себе гарнизонная служба была более похожа на полицейскую, включая и охрану заключенных, причем часовые находились в постоянном общении с арестантами, так как им полагалось нести охрану внутри помещений, где содержались последние, что отнюдь не способствовало улучшению моральных качеств солдат. Их подкупали, уговаривали пронести в камеры водку, спаивали, склоняли помочь в побеге.

Формирование нового полка в начале 1811 г. осуществлялось во исполнение Высочайшего Указа, по которому надлежало из 53-х гарнизонных полков и батальонов империи сформировать 13 полевых полков, а оставшихся людей использовать на создание 39 гарнизонных полубатальонов внутренней стражи. Таким образом, из 4-х батальонов Свеаборгского крепостного полка было набрано лучших людей на три батальона, остальные распределены в Нижегородский, Ярославский, Владимирский и Костромской полубатальоны. Однако, судя по всему, отправка людей затягивалась. Так, например, в метрической книге церкви Иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость» при Гельсингфорском военном госпитале отмечено миропомазание 23 февраля 1812 г. «швецкой вольной девки Евдокии», где восприемником числился «Костромского полубатальона унтер-офицер Осип Сачковский»⁴.

Не лучшим образом обстояло дело и с офицерским составом. Новым штатом было предусмотрено 60 офицеров, однако из старого гарнизонного полка было отобрано всего 34 человека, 20 штаб- и обер-офицеров направлены были в указанные выше полубатальоны, прочие отставлены от службы. Позднее, из числа отобранных офицеров еще четверо было «за болезнью» переведено в гарнизонные части, трое уволены «за болезнью» со службы, двое – «по дурной аттестации» и еще двое – «за пьянство»⁵.

Еще раз, возвращаясь к морально-нравственной стороне, можно отметить два момента: во-первых, в крепости Свеаборг за 1810–1811 гг. «от вольной продажи вина... внесено в казну откупщиками 30 447 руб.»⁶. Учитывая продажную стоимость ведра вина (т.е. водки) 4 рубля, можно легко сосчитать, что гарнизон крепости выпил за два года не менее 7600 ведер водки, или около 93 тыс. литров, это не считая казенной порции – 4 чарки (1 чарка = 1/100 ведра, т.е. 123 г.) в неделю. Последствия – т.н. водянка или асцит, т.е. цирроз печени, от которого только в 1812 г. в Гельсингфорском военном госпитале скончалось более 100 человек⁷.

Помимо смертельной опасности, пьянство действовало явно отрицательно и на несение службы. Так унтер-офицер Захаров, конвоируя команду арестантов из Свеаборга в Гельсингфорс, позволил им зайти по пути в кабак, совместно выпить, что явилось причиной побега троих из них, при следовании по льду залива. Виновный был бессрочно разжалован в рядовые⁸.

Кроме пьянства, были весьма распространены венерические болезни. В 1812 г. от сифилиса скончалось 51 человек, в т.ч. 12 из Литовского пехотного полка, что составило 7% от всех умерших⁹.

Тем не менее, полк постепенно превращался в настоящую боевую часть. Недокомплект командного состава был восполнен переводом нескольких опытных офицеров из старых полевых полков – Невского, Петровского и других, а также за счет воспитанников 1-го и 2-го кадетского корпусов.

Однако, проблемы оставались. Поскольку Литовский полк продолжал квартировать в крепости Свеаборг, то от гарнизонной службы его никто не освобождал. Основное направление обучения – строевая выправка и здесь полк преуспел, что было отмечено самим императором Александром I во время его встречи с наследным шведским принцем Карлом Йоганном Бернадотом в Або в августе 1812 г., когда все войска Финляндского корпуса были стянуты к столице Великого Княжества для Высочайшего смотра. Со стрелковой подготовкой дела обстояли хуже. Но здесь причины одинаковые для всей русской армии: солдату отпускалось в год для учебных стрельб 6 боевых и 40 холостых патронов.

Учитывая союзнические отношения Швеции и России в предстоящей борьбе с Наполеоном, в неизбежности которой сомнений ни у кого не было, первоначальным планом предусматривалась отправка 25-тысячного Финляндского корпуса в Швецию для совместных действий, как на севере, против Норвегии, так и на юге – против Дании, с высадкой

части войск на острове Зеландия, а затем и в Померании. Однако, переход Наполеоном в июне 1812 г. Немана резко поменял планы. Отступающие русские армии нуждались в поддержке. На встрече с Бернадотом в августе 1812 г. было решено, что Финляндский корпус незамедлительно отправляется в Лифляндию на помощь армии П. Х. Витгенштейна, прикрывающей Петербург. К 1 октября планировалось вернуться в Финляндию и приступить к выполнению прежних планов, чему не было суждено свершиться¹⁰.

К переброске в Ригу были отобраны все полки 6-й дивизии, 21-я дивизия полностью, Финляндский драгунский полк, донской казачий Лощина полк, а также две артиллерийские роты – 21-я батарейная и 11-я легкая, всего около 17 тыс. человек. Большая часть войск переправлялась посредством торговых судов из Гельсингфорса, 2-й и 44-й егерский полки с Аландских островов, Подольский пехотный полк – из Або. Еще до посадки на суда выяснилось, что по погодным условиям место высадки переносилось вместо Риги к Ревелю, откуда все пешим маршем должны были двигаться к первоначальному пункту сбора¹¹.

Батальоны пехотных полков имели различное предназначение. При выступлении в поход действующими считались первый и третий батальон, второй числился резервным и выделял необходимое количество людей для пополнения первых двух. Для отправки в Лифляндию от полка был сформирован особый усиленный батальон, состоящий из 1-го батальона полного состава и рядовых 3-го батальона. Офицеры, унтер-офицеры и музыканты 3-го батальона оставались вместе со 2-м батальоном в крепости и вошли в состав бригады запасных батальонов 21-й дивизии под командованием подполковника 2-го егерского полка Мейера. Общая численность десантного отряда Литовского полка – 1308 человек.

В дальнейшем Литовский полк в составе Финляндского корпуса вошел в армию П. Х. Витгенштейна и получил боевое крещение 7 октября 1812 г. при Полоцке, участвовал в сражениях при Чашниках, Старом Борисове и Студянке. В 1813 г., перейдя Вислу, полк вошел в состав корпуса, блокировавшего Данциг, затем был передвинут к Познани. Участвовал в сражении под Лейпцигом, при Краоне, Лаоне и Париже в 1814 г.¹²

16 февраля 1815 г. полк возвратился в Гельсингфорс, 131 нижний чин получил памятные медали¹³.

В качестве особой приметы 1812 г. для Финляндии необходимо также отметить то, что в этом году было начато формирование национальных финских войск. 6 сентября 1812 г. состоялся Высочайший рескрипт на имя

исполнявшего обязанности генерал-губернатора Финляндии Г. М. Армфельда¹⁴, содержащий правила «составления и устройства финляндских войск». Этим же рескриптом дозволялось сформировать 3 егерских полка двухбатальонного состава по 600 человек в батальоне с оговоркой, что «не будет сие войско употреблено иначе, как на случай нападения неприятеля на Финляндию или на другие владения Российской империи на берегах Балтийского моря»¹⁵.

Попытки создания неких национальных частей предпринимались и ранее. Так Высочайшими Указами в 1809–1810 гг. предполагалось сформировать 1-й Финляндский полк, который укомплектовывался «не рекрутами, а вербовочными людьми из новоприобретенной Финляндии». Срок службы должен был составить 6 лет¹⁶. Таких добровольцев оказалось 631 человек, из которых было 293 шведа, последних в 1811 г. направили в Або в распоряжение Цесаревича Константина Павловича для последующей отправки в Швецию. Сама часть была расформирована¹⁷.

В начале 1812 г. в морскую крепость Свархольм прибыла из Петербурга рота, на вербованная из проживавших в Санкт-Петербургской губернии финнов. Впредь приказано было ее пополнять также за счет вербовки¹⁸.

Вплоть до начала войны с Наполеоном императору Александру I представлялись на рассмотрение различные проекты о восстановлении финских национальных войск численностью от 2000 до 12 000 человек. Основная цель, которую преследовали лица, представляющие подобные проекты, заключалась в одном – избавить Финляндию от присутствия русских войск или сократить их до минимума, ограничив крепостями. Напомним, что в период шведского правления численность финских войск составляла: поселенных – 9500 человек, вербованных – 6000 человек.

Тяжелое положение империи в первый год войны с Наполеоном вызвало необходимость соответствующего рескрипта об образовании финских егерских полков. Первоначально предполагалось содержать их за счет добровольных пожертвований, т.е. без участия сейма и бюджета Великого Княжества. Однако таких пожертвований было собрано всего 160 тыс. руб. ассигнациями¹⁹. Реальные же затраты составили: в 1812 г. – 386 тыс. руб., в 1813 г. – 426 тыс. руб., в 1814 г. – 418 тыс. руб.

Первым был сформирован егерский полк под командованием ландсгевдинга (губернатора) Выборга Карла Шернвала. Это объясняется довольно просто – в последние годы перед присоединением (в декабре 1811 г.) Выборгской губернии к остальной Финляндии, рекрутский набор

здесь осуществлялся на общих для всей России основаниях – по 5 душ с 500 человек²⁰.

Сложности были с вербовкой офицеров. Большинство из них не желало служить по той причине, что жалование в русской армии было намного меньше прежнего, в шведской. Проблемой являлся языковой барьер, отсутствие материала для пошива формы, а также утвержденного образца, недостаточность вооружения и т.д. Тем не менее, 14 февраля 1813 г. состоялся первый смотр полка, так как Высочайшим рескриптом от 28 января 1813 г. полку надлежало отправиться в Петербург для несения гарнизонной службы, где он находился с 29 февраля 1813 г. по 31 августа 1814 г. Итог пребывания полка в столице – 25% умерших от болезней, 11,5% – дезертиров. Только в течении одного месяца с 28 мая по 28 июня 1813 г. 20 человек были отданы под суд и приговорены к прогнанию сквозь строй за попытку побега. В дальнейшем, после возвращения в Финляндию, егерские полки были переименованы в линейные батальоны²¹.

В 1812 г. был учрежден корпус военных топографов, на который отпущено из казны 12 тыс. руб. в год. Размещался он в бывшем королевском имении Хаппаниеми, неподалеку от Куопио, в его составе было 11 офицеров и 6 штатных кадет, причем обязательно 2 офицера и 2 кадета должны были быть русскими. Со временем штат увеличился до 18 офицеров и 2 статских преподавателей, число обучающихся кадетов доходило до 60 человек. В 1819 г. корпус был переведен во Фридрихсгамн и переименован в Финляндский кадетский корпус²².

²⁰На 1 января 1809 г. 52 439 чел. (*Михайловский-Данилевский*. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841. С. 353). В Финляндский корпус входили: 6-я пехотная дивизия (в соответствии с реформами военного министра Барклая-де-Толли с 1810 г. пехотная дивизия состояла из 6-ти полков, соединенных в 3 бригады), состоявшая из Брянского, Низовского, Азовского пехотных полков, 3-го егерского полка, 6-й артиллерийской бригады (2-я бригада 6-й дивизии была выведена в Архангельск и состояла из Углицкого пехотного и 35-го егерского полков); 21-я пехотная дивизия, состоявшая из Петровского, Подольского, Невского, Литовского пехотных полков, 2-го и 44-го егерских полков, 21-й артиллерийской бригады; 25-я пехотная дивизия, состоявшая из 1-го, 2-го, 3-го морских полков, Воронежского пехотного полка, 31-го, 47-го егерских полков и 25-й полевой артиллерийской бригады; кавалерию корпуса составляли два драгунских полка –

Финляндский и Митавский, а также донские казацкие полки Исаева 2-го, Лощина и Кисилева 2-го.

²*Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Императора Александра I. СПб., 1909. С. 422.

³*Павлюк К. К.* История 51-го Литовского пехотного Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка. 1809-1909 гг. Т. I. Одесса, 1909. С. 12.

⁴Mikkelin maakunta-arkisto. Helsingin sotilassairaalan ortodoksisen sotilasseurakunnan arkisto. I Ca:1 Metrikka 1812-1815. S. 3.

⁵*Павлюк К. К.* История 51-го Литовского пехотного Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка... С. 19.

⁶*Бородкин М. М.* История Финляндии... С. 424

⁷Привести точную цифру не представляется возможным, т.к. заполнявший метрическую книгу священник не указал причины смерти более чем у ста человек из 772 умерших в 1812 г. См.: Mikkelin maakunta-arkisto. Helsingin sotilassairaalan ortodoksisen sotilasseurakunnan arkisto. I Ca:1. Metrikka 1812-1815. S. 7-24

⁸*Павлюк К. К.* История 51-го Литовского пехотного Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка... С. 74-75.

⁹Mikkelin maakunta-arkisto. Helsingin sotilassairaalan ortodoksisen sotilasseurakunnan arkisto. I Ca:1. Metrikka 1812-1815 S. 7-24.

¹⁰*Павлюк К. К.* История 51-го Литовского пехотного Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка... С. 32.

¹¹Там же.

¹²Военная энциклопедия. Т. XV. СПб., 1914. С. 17.

¹³*Павлюк К. К.* История 51-го Литовского пехотного Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка... С. 64.

¹⁴В связи с тем, что генерал-лейтенант Ф. Ф. Штейнгель находился в действующей армии.

¹⁵*Бородкин М. М.* История Финляндии... С. 442.

¹⁶ Закон от 13.10.1809 г. Полное Собрание Законов Российской Империи. (Далее - ПСЗ РИ). Выпуск первый. Т. 30. СПб., 1830. № 23905. С. 1212; и закон от 10.10.1810. ПСЗ РИ. Т. 31. № 24374. С. 388.

¹⁷*Бородкин М. М.* История Финляндии... С. 422.

¹⁸Там же. С. 423.

¹⁹Там же. С. 440.

²⁰ПСЗ РИ. Выпуск первый. Т. 30. СПб., 1830. №№ 23848, 23849 от 19.09.1809. С. 1157-1162.

²¹*Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808-1809. Helsinki, 1997. P. 55.

²²*Postnikov A. V.* Contact and conflict: Russian mapping of Finland and the development of Russian cartography in the 18th and early 19th centuries // *Fennia 171:2*. Helsinki, 1993. P. 81-88.

ФРАНЦУЗСКАЯ КАМПАНИЯ ВЕРМАХТА И ЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Для осуществления нападения на Францию генерал Манштейн предложил план осуществления удара танковыми армиями через холмистые Арденны, в принципе сохраняя стратегию Шлиффена, преобразованную в план «серповидного разреза» (*Sichelschnittplan* – этот термин изобрел Уинстон Черчилль), утвержденный 24 февраля 1940 г.¹. Сам Шлиффен, оправдывая радикализм своего плана, писал, что в «отчаянных ситуациях могут помочь только отчаянные средства», то есть он сознавал большую степень риска. Суть плана Шлиффена состояла в том, что, оставив на западных границах относительно небольшое прикрытие, сосредоточить большую часть сил на правом фланге и, выйдя к Ла Маншу, разрезать англо-франко-бельгийский фронт пополам, лишив его всякой возможности маневрировать резервами.

Крупный немецкий историк Герхард Риттер, досконально изучивший план Шлиффена, пришел в свое время к мысли, что план Шлиффена вообще не был стопроцентным гарантом победы. Это очень дерзкое предприятие, успех которого зависел от многих счастливых случайностей. Именно так характеризовал современный историк, сотрудник военно-исторического ведомства бундесвера, Карл-Хайнц Фризер в своей новаторской книге о походе вермахта 1940 г. план Эриха фон Манштейна. В резюме к своему фундаментальному труду о кампании 1940 г. Фризер писал: «Западный поход вермахта не был запланирован, он являлся скорее отчаянной попыткой оперативными средствами выбраться из отчаянной стратегической ситуации. Так называемая «стратегия блицкрига» развивалась уже после похода 1940 г. Блицкриг не был причиной, он был следствием победы 1940 г. То, что ко всеобщему удивлению удалось в мае 1940 г., представили как «тайну победы стратегии Гитлера, реализованную дивизиями вермахта»². Командующий Кригсмарине Эрих Редер

отмечал в своих мемуарах, что вся разведывательная информация указывала на неизбежность кровавых сражений в Западной Европе и предвещала возможность наступления лишь через значительный срок. В качестве самых смелых прогнозов высказывалось предположение, что вермахт сможет продвинуться до той же самой передовой линии, до которой немцы добрались в Первую мировую войну³.

Именно под влиянием школы Шлиффена возникла иллюзия, что стратегические цели можно решить оперативными средствами. Эта иллюзия имела следствием редукцию стратегического мышления к блицкригу, а потом и сведение оперативного мышления к окружению (как при Каннах это сделал во вторую Пуническую войну Ганнибал). Фатальные следствия такого подхода проявились в начале Первой мировой войны после краха плана Шлиффена. Известный своим сарказмом генерал-полковник фон Зект сказал: «Лозунги и девизы – смертоносны. Ни один лозунг как «Канны» не имел более тлетворного воздействия»⁴. Упомянутый немецкий историк Фризер пришел к выводу в своей монографии, что блицкриг не был политико-стратегическим, а преимущественно военно-тактическим феноменом, а сама идея блицкрига развивалась полностью независимо от гитлеровских завоевательных планов⁵.

Сутью плана «серповидного разреза» было стремление косым (в отличие от прямого наступления на Париж) ударом отрезать британские и бельгийские части от левого (французского) фланга союзников. Все думали, что Арденны не годятся для крупных танковых операций и немецкий Генштаб планировал первоначально удар через Льеж и Намюр по направлению к морю – это также было повторением плана Шлиффена, который немцы так и не смогли реализовать в Первую мировую войну. Стратегический смысл этого гениального, но весьма рискованного плана состоял в том, чтобы, пренебрегая опасностью французского удара на левом фланге (на Рейне) прямо в сердце Германии, сосредоточить все усилия на правом фланге и, сконцентрировав все возможные резервы именно на этом направлении, неуклонно двигаться к побережью, выход к которому отрезал бы главные силы противника от баз снабжения и оставлял их без тылов. У начальника германского Генштаба Мольтке младшего на первом этапе Первой мировой войны не хватило выдержки, терпения, нервов и веры для того, чтобы твердо держаться установленных первоначально целей: снять несколько крупных немецких частей именно с правого фланга его заставило известие о вторжении двух русских армий (Самсонова и Ренненкампа) в Восточную Пруссию в августе 1914 г. По всей

видимости именно этих дивизий немцам и не хватило в решающие дни сражения на Марне, а в Восточной Пруссии армия генерала Самсонова была окружена Гинденбургом под Таннебергом за неделю до прибытия и начала выгрузки снятых с правого немецкого фланга дивизий, то есть никакой потребности в снятии корпусов с правого фланга у немцев не было. В Первую мировую войну немцы не смогли за 4 года прорвать французский фронт, а в мае 1940 г. это удалось сделать за 4 дня – то, что не получилось у кайзеровской армии за четыре года кровопролитнейших боев и ценой потери 1,8 миллиона солдат убитыми, вермахт сделал за шесть недель и ценой 27 024 жизней немецких солдат⁶. «Серповидным разрезом» вермахта сразу было отрезано 1,7 миллиона английских и французских солдат.

Автора идеи «серповидного разреза» Манштейна первоначально обвинили в авантюризме и сумасбродстве, так как в 1940 г. по расчётам немецкого Генштаба выиграть войну на Западе было невозможно: противник окопался за 400-километровой линией Мажино, в танках соотношение сил было в его пользу – 4 204 против 2 439 у немцев, в самолетах 4 469 против 3 578 у немцев. Часто указывают, что линия Мажино не была продлена до моря, потому что бельгийское правительство сочло бы это недружественным актом. Основная причина заключается, однако, в том, что у французов не хватало людей, чтобы снабдить линию Мажино достаточным гарнизоном и в то же время иметь полевую армию. Если бы полевая армия в 1940 г. была хорошо механизирована, морально здорова и имела хорошее руководство, то линия Мажино не снискала бы такую дурную славу. Она была щитом, поэтому нужен был меч, а не другой щит до Ла-Манша. Но французская полевая армия была не мечом, а метловищем, как писал Джон Фуллер⁷. Ей чрезвычайно навредила убежденность в неприступности линии Мажино. Небезынтересно отметить, что оборонительные сооружения линии Мажино были прорваны за несколько часов в результате обычной атаки немецкой пехоты, без поддержки танков. Как указывал генерал Меллетин, в современной войне вообще неразумно рассчитывать на позиционную оборону, а что касается линии Мажино, то ее сооружения имели лишь ограниченное местное значение⁸.

Французы готовились к позиционной войне, а не к войне, носящей характер динамичной стабильности. В результате, как только фронт был прорван, моральный дух французов оказался сломленным. Как указывал в 1943 г. один из участников французского Сопротивления, «прежде всего целиком отсутствовало желание рисковать, и еще раз, как многократно

встречалось в истории, отказ идти на разумный риск привел к невиданной катастрофе. Точнее, под предлогом ничем не рисковать пожертвовали всеми представившимися возможностями»⁹.

Численное превосходство союзников было ликвидировано неожиданностью и энергией немецкого наступления – никогда прежде в военной истории эффект неожиданности от применения новых методов войны (самостоятельного использования танков при поддержке самолетов) не был столь ошеломляющим, как под Седаном в мае 1940 г. В самом деле, когда наступление на Западе началось, оно развивалось исключительно быстро – в течение десяти дней немецкие передовые части вышли к Ла-Маншу, вбив в районе Абвиля мощный клин между британской армией и большей частью французской армии. Даже немецкое военное руководство было ошеломлено успехом, что и способствовало окончательному утверждению идеи танкового прорыва Гудериана. Манштейн и Гитлер боялись обнажить фланги наступающих танковых колонн, но Гудериан, вопреки приказу, начал движение к побережью строго на запад. Это движение Гудериана вызвало лавинообразный эффект, поскольку его соседи также были увлечены в наступление, опасаясь за свои фланги. Высшее командование на некоторое время утеряло контроль за происходящим, и танковая атака стала развиваться под давлением собственной динамики и операция вошла в такое русло, о каком мечтал Манштейн: немецкий танковый удар, не обеспеченный поддержкой пехоты, приобрел вид искомого «серповидного разреза». Утром 17 мая Гудериан должен был явиться на встречу с генералом фон Клейстом, который начал в резкой форме упрекать Гудериана в игнорировании замысла командования. Гудериан на такую резкость ответил предложением об отставке, которая была принята. Впрочем, вскоре генерал-полковник Лист ликвидировал инцидент, а Гудериан взял свою отставку обратно. 20 мая батальон Шпитта из 2-й танковой дивизии вышел через Нуфель к Атлантическому побережью, это было первое подразделение корпуса Гудериана, вышедшее к Атлантике¹⁰. То, что планировал в свое время Шлиффен, и то, чего не смогли добиться немцы в Первую мировую войну, было реализовано танкистами Гудериана за какие-то десять дней.

В разгар немецкого наступления у Гитлера отказали нервы (или он рассчитывал создать хорошие посылки для переговоров об условиях мира с англичанами), и он отдал приказ остановиться, танковые отряды вермахта встали у Дюнкерка, что и спасло от плена 370 тысяч английских и французских солдат, которые, побросав вооружения, эвакуировались

на британские острова. Этим приказом Гитлер принизил успех Манштейна с уровня стратегического до уровня оперативного. Британский премьер-министр Уинстон Черчилль в своих воспоминаниях высказал предположение, что Гитлер остановил наступление танковых частей на Дюнкерк, стремясь предоставить англичанам лучшие позиции для выгодного мира. Гудериан, как участник боев, считал, что более правильным является предположение, что Гитлер и Геринг полагались на превосходство немецкой авиации, могущей воспрепятствовать эвакуации английских войск морем. Гитлер заблуждался, и это заблуждение имело опасные последствия, ибо только пленение английской экспедиционной армии могло бы укрепить намерения Великобритании заключить мир с Германией или повысить шансы на успех возможной операции по высадке десанта в Англии¹¹. Немецкий генерал Фридо фон Зенгер указывал в своих мемуарах, что предположение, что Гитлер позволил британскому корпусу эвакуироваться, доказать невозможно, но оно вполне вероятно¹².

Таким образом, успех в мае 1940 г. имел следующие причины: невероятное стечение благоприятных для вермахта обстоятельств, невероятные ошибки союзников, невероятная самодеятельность немецкого генерала (Гудериана), который поставил перед свершившимся фактом не только противника, но и собственное руководство. Успех немцев во Франции был основан не на численном превосходстве или превосходстве в вооружениях, а на таком распределении немецких дивизий, что они (как в шахматах) появлялись в подавляющем количестве в слабой точке фронта союзников. Массированное и хорошо скоординированное применение танковых соединений обеспечило прорыв фронта, этот успех затем последовательно развивали¹³. В процессе развития первоначального успеха большое значение имела самостоятельность отдельных командиров вермахта. Манштейн указывал, что главным секретом успеха немецкой армии была самостоятельность, не предоставлявшаяся в такой степени командирам ни одной армии мира – вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты¹⁴. Правда, участник боев во Франции немецкий офицер (впоследствии генерал) Фридо фон Зенгер отмечал в своих мемуарах, что ввиду очевидного разгрома французов и англичан, немецкая пехота в 1940 г. не имела возможности продемонстрировать, была ли ее наступательная мощь, вследствие упомянутой самостоятельности, такой же, как в 1914–1918 гг.¹⁵.

Что касается неудач союзников, то они были, прежде всего, неудачами стратегическими – французские армии были приведены в полное

замешательство, ее генералы потеряли контроль над коммуникациями и передвижениями целых армий. Трудно обвинять в слабости и трусости французские или английские войска – ни один солдат не смог сражаться успешно в подобной ситуации.

«Чудо танкового прорыва под Седаном» и привело к возрождению «чудесного» рецепта Каннского окружения. Эта победа привела к возрождению ложной идеи, что превосходящую в промышленном отношении державу можно победить в скоротечной войне. Эта логика и легла в основу планирования похода на Россию. Так же, как западные державы были переоценены Гитлером в 1940 г., точно так он недооценил Красную Армию в 1941 г. В Первую мировую войну немцам не удалось победить западные державы, а только Россию. Во Вторую мировую войну всё было наоборот: казалось, после победы на Западе СССР будет повергнут очень быстро. Это в самом деле соответствовало опыту Первой мировой войны, ничего сумасбродного в этих представлениях Гитлера, казалось, не было...

¹*Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 306.

²*Frieser K.-H.* Blitzkrieg-Legende. Der Westfeldzug 1940. München, 1996. S. 435.

³*Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. М., 2004. С. 384.

⁴*Seeckt H.* von Gedanken eines Soldaten. Berlin, 1929. S. 12.

⁵См.: *Frieser K.-H.* Die deutsche Blitzkriege: operativer Triumph – strategische Tragödie // *Müller R.-D., Volkmann H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 183.

⁶*Peters L.* (Hg) Volkslexikon Drittes Reich. In: Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Nachkriegsgeschichte. Bd. XX. Tübingen, 1994. S. 851.

⁷*Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939-1945 гг. М., 1956. С. 88.

⁸*Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939-1945. М., 2004. С. 43.

⁹*Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939-1945 гг. ... С. 108.

¹⁰*Гудериан Г.* Воспоминания солдата. М., 2003. С. 150, 154.

¹¹Там же. С. 163.

¹²*Зенгер Ф.* Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала 1940-1945. М., 2003. С. 44.

¹³*Гренвилл Д.* История XX века. Люди, события, факты. М., 1999. С. 262.

¹⁴*Маништейн Э.* Утерянные победы. М., 1999. С. 67.

¹⁵*Зенгер Ф.* Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны... С. 25.

ВЛИЯНИЕ ДОКТРИНЫ ТРУМЭНА И ПЛАНА МАРШАЛЛА НА ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКИ США В КИТАЕ В 1947 – НАЧАЛЕ 1948 ГГ.

После Второй мировой войны США превратились в могущественную державу, взявшую на себя обязательство гарантировать международный мир и стабильность. Однако новая система международных отношений столкнулась с серьезными проблемами. Один из первых конфликтов развился в Китае, где осенью 1945 г. возобновилась гражданская война между находящейся у власти партией Гоминьдан, возглавляемой Чан Кайши, и Коммунистической партией Китая (КПК) Мао Цзэдуна. В надежде стабилизировать обстановку в Китае президент США Г. Трумэн отправил туда в декабре 1945 г. миссию генерала Дж. Маршалла для ведения переговоров между основными политическими силами и создания коалиционного правительства. Эта миссия потерпела неудачу. В начале 1947 г. Дж. Маршалл вернулся в Вашингтон и возглавил Госдепартамент США.

Американская внешняя политика в Китае между провалом миссии Дж. Маршалла и образованием Китайской Народной Республики в 1949 г. меньше привлекала внимание современников, нежели события в Европе и нарастание противостояния между США и Советским Союзом. Американская исследовательница Г. Хоуз в предисловии к своей монографии отмечала: «Так же, как это было во время Второй мировой войны, когда американские политики решили, что у США нет достаточных сил, чтобы одновременно вести войну на два фронта, теперь американские лидеры пришли к выводу, что решение европейских проблем принесет больше пользы национальным интересам США»¹. Таким образом, 1947 г. стал переломным для политики администрации президента Г. Трумэна в Китае, так как возник вопрос о переоценке ее целей и значения.

Не все политические деятели США были согласны с переменами во внешнеполитическом курсе страны, что проявилось в создании оппози-

ции в Конгрессе. В отечественной историографии этот сюжет практически не рассматривался, поэтому необходимо рассмотреть изменения в политике по отношению к Китаю на фоне принятия доктрины Трумэна и плана Маршалла и реакции на эти изменения в Конгрессе США.

8 января 1947 г. генерал Дж. Маршалл покинул Китай. Перед своим отлетом он спросил посла США в Китае Дж. Стюарта о том, какую форму должна принять политика США по отношению к Китаю в связи с провалом мирных переговоров. Посол назвал три возможных направления этой политики: активная поддержка центрального правительства в надежде, что будут проведены необходимые реформы; отсутствие какой-либо определенной программы, только ожидание и наблюдение; полное невмешательство во внутренние дела Китая. Дж. Стюарт добавил: «Я полностью за первое направление, но предпочел бы третье второму»². Дело в том, что посол США в Китае оказался одним из тех дипломатов, кто выступал за активную поддержку Чан Кайши и его правительства.

Госсекретарь Дж. Маршалл придерживался иной точки зрения в вопросе о дальнейшей политике США в Китае. Находясь под влиянием неудачи своей миссии, он скептически отзывался о политической ситуации в Китае. В своем заявлении 7 января 1947 г. он охарактеризовал ее как сложную и запутанную, а основным препятствием, по его мнению, для достижения мира в стране являлась подозрительность, существовавшая между Гоминьданом и КПК по отношению друг к другу³. Дж. Маршалл оказался сторонником невмешательства США во внутренние дела Китая. В своем сообщении Дж. Стюарту от 6 июля 1947 г. он подчеркивал: «В конечном счете, основополагающее решение проблем Китая должно исходить от самого китайского народа. США не могут заниматься этими проблемами, а могут только помочь в создании благоприятных условий для их решения»⁴. Неудивительно, что одним из первых действий нового госсекретаря было прекращение помощи и запрет на поставки оружия правительству Чан Кайши.

Однако Госдепартамент при планировании внешнеполитического курса США должен был учитывать, прежде всего, международную обстановку и мнение Конгресса, а не личные симпатии. Американский историк Уильям Хэд писал: «Дж. Маршалл видел незначительное преимущество в продолжении участия США в делах Китая. Про себя он надеялся прекратить выполнение обязательств, ранее принятых США в отношении правительства Чан Кайши. Но эти планы были сорваны усиливающейся холодной войной»⁵. На усиление влияния Советского Союза

в Европе администрация президента Г. Трумэна отреагировала внешнеполитической программой, названной доктриной Трумэна и озвученной президентом в послании Конгрессу 12 марта 1947 г., и планом Маршалла, который был изложен госсекретарем в ходе его выступления в Гарвардском университете 5 июня 1947 г. В этих программах не было ни слова ни о Китае, ни об оказании помощи Чан Кайши в его противостоянии КПК, что выглядело нелогичным на фоне нарастания борьбы с коммунизмом в Европе.

Именно на эту непоследовательность, в первую очередь, указывали критики внешнеполитического курса Госдепартамента в Конгрессе США. Так, например, представитель от штата Миннесота У. Джадд 12 марта 1947 г. говорил о том, что внешняя политика США косвенно помогает коммунистическому меньшинству в Китае, так как сначала Госдепартамент попытался создать там коалиционное правительство, а теперь не оказывает помощи правительству Чан Кайши, что способствует его ослаблению и победе КПК⁶. И если соответствующий законопроект об оказании помощи Греции и Турции Конгресс принял уже в мае 1947 г., то с принятием Программы восстановления Европы конгрессмены не спешили.

Основную оппозицию внешнеполитическому курсу администрации президента Г. Трумэна составлял так называемый «китайский блок», состоявший в основном из влиятельных республиканцев. В него ходили такие видные конгрессмены и политики, как сенатор от штата Нью-Гемпшир С. Бриджес, сенатор от штата Мичиган А. Ванденберг, представитель от штата Нью-Джерси Ч. Итон, представитель от штата Миннесота У. Джадд, представитель от штата Монтана М. Мэнсфилд, губернатор штата Нью-Йорк Т. Дьюи, генерал А. Ведемейер и другие. В своей работе Г. Хоуз отмечала: «Китайский блок» требовал оказания помощи Чан Кайши и настаивал на том, что американские интересы в Азии также важны, как и в Европе. Несмотря на то, что группа этих политиков хотела поддержать внешнеполитические программы администрации Г. Трумэна, она также настаивала на помощи Китаю. В противном случае, она угрожала выступить против всей помощи другим государствам⁷. Администрация президента-демократа не могла утвердить в Конгрессе ни одного законопроекта, связанного с внешней политикой, не приняв во внимание мнение республиканского большинства. Поэтому президенту Г. Трумэну и Госдепартаменту приходилось считаться с «китайским блоком», который выступал за поддержку правительства Чан Кайши и мог помешать

осуществлению европейского направления внешнеполитического курса США. Таким образом, принятие плана Маршалла находилось в зависимости от китайской политики Соединенных Штатов.

Госдепартамент вынужден был учесть позицию влиятельных оппонентов-республиканцев, и осенью 1947 г. была разработана программа оказания помощи Китаю. 10 ноября 1947 г. на совместном заседании комитета Сената по внешней политике и комитета Палаты представителей по международным делам госсекретарь Дж. Маршалл представил программу помощи Китаю. При этом он подчеркнул: «США и другие мировые державы признают Центральное Правительство в качестве единственного законного правительства Китая. Только правительство и народ могут решить свои основные проблемы и вернуть Китаю принадлежащую ему по праву роль основного стабилизирующего фактора на Дальнем Востоке»⁸. В этом заявлении отражена двойственность новой китайской политики Госдепартамента: с одной стороны, оказание ограниченной помощи Китаю и признание его роли в качестве сдерживающего фактора против распространения влияния СССР, а с другой, перекалывание решения внутривнутриполитических проблем на сам Китай.

Окончательный вариант программы оказания помощи Китаю президент Г. Трумэн представил 19 февраля 1948 г. в своем послании Конгрессу. Общая сумма помощи составляла 570 млн. долл., которые предоставлялись сроком на пятнадцать месяцев. 510 млн. долл. шло на обеспечение импорта товаров и промышленного сырья, а 60 млн. долл. шло на финансирование нескольких проектов по промышленному и транспортному восстановлению⁹. Эта программа обсуждалась в комитете Сената по внешней политике и комитете Палаты представителей по международным делам в течение марта 1948 г.

Председатель сенатского комитета по внешней политике А. Ванденберг 30 марта 1948 г. представил Сенату закон о стимулировании общего благосостояния, национальных интересов и внешней политики США путем предоставления помощи Китаю, который значительно отличался от варианта Госдепартамента. В этом законе называлась цифра в 463 млн. долл., из которых 363 млн. долл. предоставлялись для оказания экономической помощи и восстановления, а 100 млн. долл. составляли безвозмездную ссуду на военные цели и срочные военные поставки. В своей речи сенатор особо отметил, что этот закон уравнивает сроки оказания помощи по китайской и европейской программам до двенадцати месяцев, что позволит сопоставить их результаты в январе 1949 г. Кроме того, пра-

ительство США должно было контролировать военное планирование и действия правительства Китая¹⁰. Таким образом, этот законопроект предполагал более активное участие администрации президента Г. Трумэна в делах Китая.

Палата представителей сначала приняла вариант закона, предложенный президентом. Однако на переговорах между представителями обеих палат был выбран законопроект Сената, который 2 апреля 1948 г. Конгресс США принял в качестве закона об оказании помощи Китаю 1948 г. В нем изменили только суммы, которые предоставлялись в течение года на экономическую помощь и на ссуду для использования правительством Чан Кайши на свое усмотрение – 338 млн. долл. и 125 млн. долл. соответственно¹¹. В результате обсуждения, длившегося пять месяцев, Конгресс, несмотря на авторитет госсекретаря Дж. Маршалла, принял вариант закона об оказании помощи Китаю, выдвинутый «китайским блоком». Поэтому Госдепартаменту не удалось полностью отказаться от участия во внутривнутриполитических делах Китая.

План Маршалла вступил в силу двумя днями позже, когда 4 апреля 1948 г. Конгресс США принял закон об оказании помощи иностранным государствам сроком на четыре года. Китайский историк Тзоу Тан справедливо писал: «Принятие закона об оказании помощи Китаю 1948 г. стало кульминацией постепенного возвращения к политике ограниченной помощи. Такая перемена была совершенно необходима для обеспечения полного утверждения Программы восстановления Европы и, в этом смысле, можно сказать, что она послужила полностью государственным интересам Соединенных Штатов»¹². Действительно, компромисс, на который пошла администрация президента Г. Трумэна, обеспечил принятие плана Маршалла для Европы и способствовал осуществлению европейского направления во внешней политике США. Оказание ограниченной помощи правительству Чан Кайши, с одной стороны, в какой-то степени удовлетворяло претензии «китайского блока», а с другой, удерживало США от военного вмешательства в конфликт в Китае.

В 1947 г. Госдепартамент США во главе с Дж. Маршаллом произвел переоценку целей американской политики в Китае. В качестве главного Дж. Маршаллом было избрано европейское направление внешнеполитического курса США. Однако под давлением со стороны китайского блока в Конгрессе администрация Г. Трумэна не смогла полностью отказаться от поддержки правительства Чан Кайши, так как утверждение плана Маршалла для Европы зависело от оказания помощи Китаю, на чем

настаивала оппозиция. США перешли к политике ограниченной экономической поддержки китайского правительства, результатом которой стало принятие закона об оказании помощи Китаю 1948 г.

¹*Hawes M. G.* The Marshall Plan for China: Economic Cooperation Administration, 1948–1949. Cambridge, Massachusetts, 1977. P. 1.

²*Stuart J. L.* Fifty Years in China: The Memoirs of John Leighton Stuart, Missionary and Ambassador. New York, 1954. P. 178–179.

³United States relations with China, with special reference to the period 1944-1949, based on the files of the Department of State. Washington, 1949. P. 686.

⁴*Ibid.* P. 252.

⁵*Head P. W.* America's China Sojourn: America's Foreign Policy and Its Efforts on Sino-American Relations, 1942 – 1948. Lanham, New York, London, 1983. P. 227.

⁶Congressional Record: Proceedings and Debates of the 80th Congress, 1st sess. Vol. 93. Part 2. Washington, 1947. P. 1985–1985.

⁷*Hawes M. G.* Op. cit. P. 13.

⁸United States relations with China. Washington, 1949. P. 372.

⁹Congressional Record: Proceedings and Debates of the 80th Congress, 2nd sess. Vol. 94. Part 1. Washington, 1948. P. 1426.

¹⁰*Ibid.* Part 3. P. 3667–3668.

¹¹United States relations with China. Washington, 1949. P. 388–389.

¹²*Tsou Tang.* America's Failure in China, 1941-1950. Chicago; London, 1963. P. 477.

РУССКИЕ СОБЫТИЯ ПАРИЖСКОЙ ЗИМЫ 2012–2013 ГГ.: СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ФРАНЦИИ В СФЕРАХ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Зимние месяцы с декабря 2012 г. по март 2013 гг. в Париже оказались богатыми на события научного и культурного значения, в центре которых была Россия, ее история и современность. Это и публикации на тему Русской кампании 1812 г., и выставка, посвященная франко-российским интеллектуальным связям в XX веке, и издания, в центре которых – династия Романовых, и заседания Большой франко-российской межпарламентской комиссии в Национальном собрании.

Наполеон и Россия: статьи к юбилею войны 1812 г.

Окончание 2012 г., памятного обилием мероприятий в ознаменование 200-летия нашествия Наполеона на Россию, было отмечено во Франции появлением двух примечательных изданий. Первое из них – сборник материалов международной конференции, состоявшейся в Париже 4 и 5 апреля 2012 г. в конференц-зале министерства иностранных дел, «1812, Русская кампания. История и наследие»¹. Второе – декабрьский выпуск военно-исторического журнала «Carnet de la Sabretache» (№ 194)². Названный в честь походной сумки гусар – ташки, журнал этот имеет давнюю историю (первый номер вышел в 1893 г.) и является печатным органом Общества изучения военной истории. Из представленных в этих публикациях сюжетов особенного внимания, на наш взгляд, заслуживает тема многонационального состава Великой армии.

Как обеспечить боеспособность Великой армии при наличии такой ее важнейшей характеристики, как многонациональность? Как избежать распада и разложения при наличии союзников поневоле? Какие требуются для этого организационные решения, и насколько успешно они были воплощены на практике? Французские исследователи М. Керотре, Ж.-Ф. Брен, польский историк из Торуня А. Неуважный задались вышеоз-

наченными вопросами. Из огромного контингента Великой армии (550 тыс.), отмечает М. Керотре, примерно половина были иностранцами, происходившими из завоеванных стран. Эти-то реалии и нашли отражение в выражении «армия 20 наций» («армия двенадцати языков» в русском варианте). В глазах французских солдат и офицеров насильно завербованные представители других наций являли собой *«живые трофеи наших побед»*³. Однако присутствие в армии столь большого количества иностранцев ставило вопрос о доверии к ним. Расчетливый гений Наполеона постарался парировать возможную опасность неповиновения или дезертирства, распорядившись о размещении иностранных корпусов на периферии от основной ударной силы⁴. Участие нефранцузских контингентов в войне 1812 г., в общем обычное для наполеоновской практики, как подчеркивает Ж.-Ф. Брен, было призвано способствовать ассимиляции завоеванных народов. *«С этой точки зрения, французская армия, по-видимому, играла роль, сходную с той, которую в повседневной жизни выполняли Гражданский кодекс, Торговый кодекс или таможенные законы»*⁵. Тем не менее, хотя «армия 20-ти наций» и представляла собой апогей военной мощи Наполеона накануне вторжения в Россию, она оставалась искусственным образованием. Бригады и дивизии были зачастую конституированы по национальному признаку, высшее командование принадлежало, по большей части, французским генералам, наконец, союзным войскам доверили лишь второстепенную роль. Вооруженные формирования Великого Герцогства Варшавского, которое из всех союзников Наполеона поставило наибольший контингент – 83 500 польских солдат⁶, считались наиболее надежными. А. Неуважный описывает, в частности, подвиг 260-ти польских саперов и понтонеров, которые, возведя мосты в ледяной воде Березины, заплатились жизнью ради спасения армии⁷.

Среди других материалов французских авторов особенного внимания, на наш взгляд, заслуживают статья М. Керотре «Наполеон и возвращающийся мираж русского союза»⁸ о дипломатической предыстории конфликта, а также статьи на тему восприятия войны такими выдающимися романистами, как Стендаль, О. де Бальзак, П. Мериме, Л. Толстой и т.д. Имеются в виду: «1812, русский год Стендаля» (М. Аппу), «1805–1812, “Война и мир” и метаморфозы войны» (П. Гениффе), «Русская кампания в сердце французской художественной литературы с 1820 по 1870» (Л. Берже)⁹. Российские авторы, в свою очередь, отдали дань увлечения темой восприятия войны современниками и ее толкования потомками:

«Конструирование образа врага: российские власти и французская колония в Москве в 1812 г.» (В. Ржеутский), «Русские и пожар Москвы» (М. Губина), «Образ войны 1812 г. в русском фольклоре» (А. Чудинов)¹⁰.

Не останавливаясь подробно на каждой из вышеупомянутых статей, отметим один примечательный факт. В ходе дебатов по проблемам войны 1812 г., прошедших в юбилейном году, российские историки зачастую демонстрировали гораздо больше снисходительности к Наполеону, нежели французы, и это нашло отражение в сборнике материалов конференции и журнале «Carnet de la Sabretache». П. Бранда, посвятив свое исследование Императорскому дому в Русской кампании, отмечает, в частности, что Наполеон оказался единственным, кто не испытал никакой нужды в адских условиях отступления. *«Расточительность, которой был окружен император, не была значит напрасной, даже если результат – обеспечить адекватное питание одному человеку – представляется все же достаточно “мизерным”»*¹¹, – иронизирует автор.

Отметим в заключение, что, хотя юбилейный 2012 г. остался в прошлом, тема Наполеона, по-прежнему, актуальна. Свидетельством тому является грандиозная экспозиция под названием «Наполеон и Европа», открывшаяся 27 марта 2013 г. в парижском Музее Армии (Дом инвалидов), в нескольких шагах от саркофага с останками великого завоевателя.

«Интеллигенция между Францией и Россией, неизданные архивы XX века».

С 27 ноября 2012 г. по 11 января 2013 г. в парижской Высшей национальной школе изящных искусств (14, rue Bonaparte) состоялась историко-документальная выставка «Интеллигенция между Францией и Россией, неизданные архивы XX века». Она стала завершающим событием в череде мероприятий, которыми был отмечен год «Франция – Россия 2012: язык и литература». Из 300 экспонатов, охватывающих период с 1917 по 1991 гг., многие из которых малоизвестны или никогда не выставлялись, часть была предоставлена крупными федеральными архивами России: Российской Федерации (ГАРФ), социально-политической истории (РГАСПИ), литературы и искусства (РГАЛИ), кинофотодокументов (РГАКФД). С французской стороны были задействованы фонды Дипломатического архива МИД, Национального архива, Национальной библиотеки, Библиотеки современной международной документации и др. Дополненные предметами из частных коллекций, экспонаты выставки стали наглядной иллюстрацией того, что российско-французский духов-

ный и интеллектуальный диалог не прерывался и в пору идеологической борьбы двух систем.

Экспозиция включала несколько разделов, первый из которых был посвящен французскому восприятию Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и первых лет становления Советской власти. Французы, воочию наблюдавшие эти события, журналисты, дипломаты, члены военной миссии и частные лица, фиксировали свои впечатления в записных книжках, в письмах на родину, в газетных корреспонденциях и дипломатических отчетах. Клод Анет, Людовик Нодо, Серж де Шассен, Робер Воше, Альбер Лондр, Жозеф Нулен, Луи де Робьен, Пьер Паскаль, Жак Садуль, Эжен Петти... Статьи журналистов были, без сомнения, основным источником, из которого Запад черпал информацию о преобразованиях в России. Однако с 1918 г. репортажи с места событий стали редки в силу того, что Франция не признавала большевистское правительство, и большинство газет отозвали своих специальных корреспондентов. Большевистская Россия представлялась страной *«опасной и таинственной»*¹². В 1920 г., бравирюя трудности и административные препоны, Альбер Лондр, репортер журнала «Excelsior», сумел проникнуть в Советскую Россию по заданию редакции, чтобы повидать насколько заявления большевиков о «земном рае» соответствуют действительности. Именно «проникнуть»! Лучше не скажешь. В Петроград он попал лишь на 52-й день после того, как выехал из Парижа, и не прямым путем, а сделав крюк через Гельсингфорс, Стокгольм, Копенгаген и вновь Гельсингфорс. 18 штампов-виз в его паспорте, выставленном на обозрение на одном из стендов, – красноречивое тому свидетельство. Репортажи А. Лондра, появившиеся сначала в «Excelsior», затем в «Annales politiques et littéraires», пользовались большим успехом. Написанные в язвительном, живом стиле, они свидетельствовали о демаршах, которые ему пришлось предпринять, прежде чем попасть в пролетарское государство (*«Трудно выбраться из большевистской России; еще сложнее туда попасть»*), а также о вынесенных впечатлениях: *«Два года черной нищеты, террора уничтожили всякие предрассудки»*¹³. Особенно безнадежным выглядел его репортаж из Петрограда, в котором он описывал опустошение, царящее в городе, который более походил на табор, сборище оголодавших людей, «человеческого стада», ведущего борьбу за выживание с помощью подачек вроде советского супа¹⁴.

А. Лондр испытывал антипатию к советской власти и коммунистическим идеалам, в этом нет сомнения, однако среди французов, побы-

вавших в Советской России на заре ее существования, были и такие, кто увлекся социальным экспериментом, «клюнув» на большевистскую наживку. Среди них Пьер Паскаль и Жак Садуль, прибывшие в сентябре 1917 г. в составе французской военной миссии, Рене Маршан, в прошлом журналист, сотрудник посольства Франции на Неве. Идеалисты, они составили костяк группы французских коммунистов в России, которая образовалась в 1918 г. П. Паскалю и Р. Маршану, встреченным в Москве, был посвящен один из репортажей А. Лондра под названием «О двух французских большевиках» (*l'Excelsior*, 19 мая 1920). Выпускник Высшей нормальной школы, П. Паскаль отказался от своей семьи, от преимуществ, даваемых классовой принадлежностью к буржуазии, променял костюмы, сигареты, вино на мужицкие сапоги ради некоторых высших идеалов, принципов, которые подвигли его на то, чтобы остаться в Советской России. Он искал христианский смысл в Революции. Рене Маршан стоически сносил страдания от холода и голода, питаясь два года подряд копченой селедкой и просом во имя убеждения, что «*большевизм должен спасти мир*»¹⁵. Паскаль остался в СССР до 1933 г., работая в департаменте пропаганды под начальством Г. Чичерина. В 1920 г. в Петрограде вышла его книга «В Красной России»¹⁶, в основу которой были положены дневниковые записи. Последующее ее издание 55 лет спустя¹⁷ было дополнено автором комментариями, свидетельствовавшими о том, что со временем окрылявший его оптимизм спал, и наступило отрезвление. Жак Садуль, капитан французской армии, социалист, чьи «Записки о большевистской революции» вышли в Париже в 1919 г.¹⁸, лично знавший Ленина и Троцкого и служивший неофициальным посредником между большевистскими лидерами и послом Франции Ж. Нуленом, раздражал последнего своей пропагандистской активностью в пользу Республики Советов. Его письмо к Ромену Роллану от 14 июля 1918 г., в котором Садуль заклеил позором союзническую интервенцию в Россию, спровоцировало скандал после того, как было зачитано на конгрессе Французской социалистической партии. Сочтенный изменником, он заочно был приговорен к смертной казни, пока военный трибунал не оправдал его в 1925 г.

Ж. Нулен – воплощение буржуазной респектабельности. Его книга «Мое посольство в России» была издана в Париже в 1933 г.¹⁹ и тут же каталогизирована как «*сборник воспоминаний чрезвычайно враждебных советской власти*»²⁰. Луи де Робьен, исполнявший обязанности секретаря посольства, вел дневник, в котором описывал и анализировал сцены повседневной жизни, делал зарисовки по горячим следам. В отличие

от Ж. Нулена, его восприятие советских реалий было более непосредственным и свободным от идеологических клише. Записи Л. де Робьена остались неизданными до 1967 г., когда вышли под названием «Дневник дипломата в России, 1917/1918»²¹. Будучи в Петрограде во время Февральской революции, он свидетельствовал, что «Марсельеза» стала на время национальным гимном. Возложив надежды на успех правительства А. Керенского, которое обещало сохранить участие России в войне против Германии, он, тем не менее, без предвзятости относился к большевикам, упрекая французскую прессу в дезинформации.

Организация выставки послужила выявлению неизданных до сих пор свидетельств, как крупный архивный фонд Эжена Пети «Моя миссия в Россию в 1917 г.»²², хранящийся в Библиотеке современной международной документации (BDIC) в парижском пригороде Нантер. Свободно владея русским языком, Э. Пети, адвокат и социалист, был направлен в Петроград в 1916 г. министром вооружения Альбером Тома, которому посылал ежедневные рапорты. После Февральской революции он пытался противодействовать разлагающей армию пацифистской пропаганде большевиков, чтобы удержать Россию в составе воюющих держав Антанты. Десятки записных книжек Э. Пети, были выставлены на стендах в ожидании долгожданной публикации.

Не имея возможности подробно описать остальные разделы выставки, ограничимся указанием на то, что представленные на ней документальные материалы освещали такие темы, как русские писатели и художники первой волны эмиграции, путешествия французских интеллектуалов в страну Советов, Сталин и французские писатели, французская культура в СССР, советские диссиденты во Франции и т.д.

Экспозиция имела продолжение в Москве между 8 февраля и 3 марта 2013 г. в Выставочном зале федеральных архивов (ул. Большая Пироговская, 17) под несколько измененным названием «Писатели и интеллектуалы России и Франции: прогулки по архивам XX века» и дополненная разделом о развитии научных связей.

400-летний юбилей династии Романовых

Среди знаменательных событий, отмечаемых в 2013 г., – 400-летие Дома Романовых. Начало династии, правившей Россией в течение 304 лет, было положено 11 июня 1613 г., когда Михаил Федорович Романов, венчался на царство в Успенском соборе Кремля. Последним императором всероссийским из династии Романовых стал Николай II, отрехшийся от

престола 2 (15 марта) 1917 г. Отправленный в ссылку в Тобольск, затем в Екатеринбург, он принял мученический конец и был расстрелян в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в подвале дома Ипатьева. Считается, что его семья и приближенные разделили его участь. Именно эту официальную версию событий оспаривает в своей книге «Правда о трагедии Романовых» известный французский историк Марк Ферро²³. По его гипотезе, императрица Александра Федоровна и четыре великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия не были убиты в ту жуткую ночь, когда ввиду наступления чехов и белогвардейцев уральские большевики торопились чинить расправы. Гипотеза не новая. В 1990 г. М. Ферро изложил ее на страницах биографии Николая II²⁴. Подобные предположения высказывались и ранее, тем более что не было недостатка в самозванцах, выдававших себя за спасшихся детей убиенного царя.

М. Ферро верит в то, что скандально известная Анна Андерсон – та, за которую она себя выдавала, т.е. младшая дочь Николая II Анастасия, и что остальные его дочери вели тихое существование в разных странах Европы вплоть до своей кончины в 1970-е годы. Автор ставит, тем самым, под сомнение аутентичность останков с помпой захороненных в 1998 г. в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. По версии М. Ферро, большевики в ходе секретных переговоров с германской стороной пришли к соглашению, в результате которого императрица и ее дочери были переправлены на Украину в октябре 1918 г. В обмен Вильгельм II освободил из тюремного заключения двух спартаковцев Карла Либкнехта и Лео Йогисеса. «Первый в истории отношений Запад-Восток обмен заложниками»²⁵, – утверждает М. Ферро.

Какими аргументами оперирует автор? Удалось ли ему убедить читателя в правдоподобности своей гипотезы? Арсенал аргументов был почерпнут, по преимуществу, из расследования американских журналистов А. Саммерса и Т. Мангольда «Дело Романовых» (1976) и сборника документов «Убийство царской семьи» под редакцией Н. Росса (1987)²⁶. Обнаружив в Гарварде досье судебного расследования обстоятельств гибели Романовых, американские журналисты пришли к выводу, что следователь Н. Соколов изъясил из публикации материалов дела (1924)²⁷ все свидетельства в пользу возможного спасения императрицы и ее дочерей. Эти документы составляли примерно четверть всех имеющихся там материалов, как наглядно показало осуществленное Н. Россом издание полного досье следствия. Спрашивается зачем? Для ответа на этот вопрос М. Ферро предпринял собственное расследование. Его метод – не

низводить екатеринбургское убийство до рамок драматического происшествия, замыкаясь на местах преступления, захоронения и судебном разбирательстве, а написать его в контекст большой истории с учетом трех обстоятельств: монархической солидарности, мировой войны и Гражданской войны в России.

В своем расследовании М. Ферро отталкивается от заинтриговавшей его ссылки на социалистов-революционеров, которая фигурировала в версии событий, составленной на основе расследования, предпринятого красными по горячим следам. В ней говорилось, что эсеры Екатеринбургского совета более всех настаивали в 1918 г. на незамедлительной казни Романовых. *«Для них... успех мировой революции был более важен, чем сохранение режима советов»*²⁸. Большевики же были встревожены высадкой английских и французских «союзников» в Мурманске и Архангельске в конце апреля – мае 1918 г. Советская Россия оказалась тогда между молотом и наковальней, с одной стороны – Германия, с другой – «союзники». В этих условиях большевистское правительство взяло курс на сближение с Германией, с которой к тому времени уже был заключен Брест-Литовский мирный договор. В свою очередь, Германия опасалась открытия «союзниками» второго фронта на востоке. О секретных переговорах Германии и Советской России писал в свое время Пьер Ренувен²⁹, но, как указывает М. Ферро, он не знал такой их составляющей, как обсуждение дальнейшей судьбы императрицы и ее дочерей. Успех переговоров зависел во многом от сговорчивости советских властей на предмет их освобождения. По мнению М. Ферро, члены Уральского совета, зная об этом, пощадили женщин, перевезли их в «надежное место» в Пермь, затем пришло распоряжение об их эвакуации в Москву и далее на Запад, где о них должны были позаботиться представители немецкой стороны.

Зачем же понадобилась инсценировка их гибели? Почему, как в версии белогвардейского расследования, так и в версии красных, речь идет об убийстве целого семейства? М. Ферро предлагает свое объяснение. Дело в том, что вышеизложенный сценарий оказался *«непристойным и святотатственным»* как для красных, так и для белых, хотя и по разным причинам. Для красных – потому, что вторичный сговор с «германским империализмом» означал предательство мировой революции во имя «реализма» и консолидации режима. Что же до белых, то им невыносима была мысль о том, что большевики могли содействовать спасению части императорской семьи, гораздо выгоднее было представить дело так, буд-

то государи пали невинно убиенными, чтобы однажды Святая Русь могла возродиться.

Отметим, однако, что в пользу своей версии событий автор не приводит никаких неопровержимых доказательств, кроме туманных свидетельств некоторых очевидцев, таинственного исчезновения следователей и свидетелей, некоторого количества подложных документов. Весь его сценарий построен на догадках. Заявления Анны Андерсон – «Анастасии» о том, что вся ее семья была расстреляна, ему противоречат. Странно и то, что найдя пристанище в Европе, сестры и императрица затаились, храня молчание. К тому же, автор демонстрирует непопозволенную лежковерность. Он с легкостью поверил в то, что Алексей де Дураццо Анжуйский – внук Марии Романовой, что текст, повествующий о чудесном ее спасении, был написан ее рукой. Как не сомневается и в том, что на снимке, предоставленном в его распоряжение Дураццо, изображены Ольга и Мария Романовы на отдыхе в курортном г. Антиб. Как не вызывает его сомнения и то, что найденная американской журналисткой в Ватикане рукопись «Io vivo» («Я живу») – дневник Ольги Романовой.

Безусловно, в екатеринбургском убийстве много темных пятен и не до конца выясненных обстоятельств. Однако при всей привлекательности версии М. Ферро (хотелось бы верить, что женщин не постигла суровая участь их царственного отца и мужа!), аргументы, приводимые автором, не убеждают. И если, как он сам в этом признается, в 1990 г. его гипотеза «*была встречена во Франции с безразличием и полярным молчанием*»³⁰, то же самое можно сказать и о сегодняшней реакции или вернее ее отсутствии на книгу, которая должна была стать сенсацией. Тем не менее, в № 6 журнала «**Le Figaro Histoire**» со **специальной подборкой** материалов «Романовы: проклятые цари 1613–2013» содержится крайне скептический отклик Фредерика Рувийуа, профессора гражданского права университета Париж V, на книгу М. Ферро. Рецензии предшествует заявление: «*Своей последней книгой о Романовых Марк Ферро пытается оживить один из величайших мифов XX века. Тщетно*»³¹. По мнению Ф. Рувийуа, в книге нет ни одного убедительного аргумента в пользу приводимой версии событий, что позволяет отнести ее к разряду чудесных сказок и мистификаций и поместить где-то между Белоснежкой и Людовиком XVII. Отметим, что Ф. Рувийуа, автор книги «Коллекционер самозванства» («*Le collectionneur d'impostures*», Paris, 2010), судит со знанием дела.

XVII сессия Большой франко-российской парламентской комиссии

5 и 6 февраля 2013 г. по приглашению Клода Бартолон, председателя Национального собрания Франции, в Париже находилась делегация российских парламентариев во главе с председателем Государственной Думы С. Е. Нарышкиным. Делегация была представительной. В нее входили, в частности, председатель комитета ГД по европейским делам А. К. Пушков, председатель ЛДПР и член комитета ГД по обороне В. В. Жириновский, историк и политолог В. А. Никонов, внук В. М. Молотова. Большая франко-российская комиссия, для проведения XVII сессии которой приехала делегация, была создана в 1995 г. с целью регулярного обмена мнениями и опытом между двумя законодательными собраниями по сюжетам, вызывающим обоюдный интерес. Собирается комиссия попеременно, то в России, то во Франции.

5 февраля состоялась встреча С. Е. Нарышкина с Ж.-П. Шевенманом, назначенным специальным представителем министра иностранных дел в отношениях с Россией. Затем французские и российские парламентарии были приглашены на коктейль в резиденцию посла Российской Федерации на rue de Grenelle. 6 февраля в здании Национального собрания по адресу 101, rue de l'Université, поблизости от Бурбонского дворца, места заседаний французских депутатов, состоялась работа межпарламентской комиссии. Эта встреча, первая с тех пор, как в России и во Франции прошли парламентские выборы в декабре 2011 г. и в июне 2012 г., символизировала продолжение взятого ранее курса на тесное двустороннее сотрудничество. Ей предшествовало обсуждение внешней политики обеих стран на утреннем заседании комитета по международным делам под председательством Елизабет Гигу. Темы, поднятые во время этого обсуждения, выявили, что по вопросам Сирии (Россия, как известно, наложила вето на интервенцию сил ООН в Сирию), американской системы противоракетной обороны в Европе, Ирана, подозреваемого в разработке ядерного оружия, разногласия остаются. Но по многим вопросам позиции России и Франции абсолютно гармоничны. Так, когда в январе 2013 г. французские вооруженные силы были введены в Мали, Россия выразила полную политическую поддержку правительству Франции.

Открытие XVII сессии Большой франко-российской комиссии состоялось в 10 ч. 35 мин. К. Бартолон и С. Е. Нарышкин выступили с речами. К. Бартолон подчеркнул, как велико значение, которое французские депутаты придают возможности консультаций между парламентами Франции и России: *«Национальное собрание поддерживает столь тесные*

связи только с небольшим количеством стран: Германией, Канадой и, с недавних пор, Китаем и Алжиром. Наше столь тесное сотрудничество на уровне парламентов объясняется тем, что Россия никогда не была французам безразлична»³². На повестку дня были вынесены три вопроса: франко-российское сотрудничество в сферах экономики, энергетики, инновационных проектов и услуг; франко-российское сотрудничество в сферах образования, науки и технологий; современное состояние и перспективы партнерства Евросоюза и России. Каждому из них было посвящено отдельное заседание под двойным руководством Л. Э. Слуцкого и Шанталь Гитте. Тон обсуждения был задан цитатой из французского философа-просветителя Дени Дидро: *«Искренность – мать правды и признак честного человека»*.

В ходе первого заседания было отмечено, что экономическое сотрудничество Франции и России имеет большие перспективы, тем более после недавнего вхождения России в МТО (август 2012 г.). Франко-российская торговля набирает обороты, хотя Франция остается третьим поставщиком России. Энергетика представляет собой важную составляющую франко-российской торговли: углеводороды и нефтепродукты составляют 90% французских закупок. Было отмечено стремление обеих стран быть не только клиентами и поставщиками, но также и партнерами. И с этой точки зрения перспективы радуют. В настоящее время Франция находится в числе стран-лидеров по инвестициям в Россию, *«более 6 000 французских предприятий работают с Россией»*. Открытие французского рынка для российских инвестиций стало приоритетом политики правительства Ж.-М. Эйро.

На втором заседании докладчиком с российской стороны выступил А. Н. Дегтярев, председатель комитета по образованию в ГД, с французской стороны – Жан-Ив Ле Део, вице-председатель парламентского бюро по оценке достижений в области науки и техники. Прочитовав слова Луи Пастера, *«надо собрать факты, чтобы появились идеи»*, А. Н. Дегтярев привел несколько фактов, ознаменовавших в недавнем прошлом франко-российское сотрудничество в области образования, науки и технологий. Среди них наличие более 40 соглашений, заключенных Московским университетом им. М. В. Ломоносова с французскими университетами, которые претворяются в жизнь на уровне профессоров, аспирантов и студентов, посещающих ВУЗы-партнеры с целью преподавания, участия в конференциях, совместных научных исследований. Первый запуск ракеты «Союз» с космодрома Куру во французской Гви-

ане в 2011 г., последовавшие за ним в 2012 г. запуски двух других ракет «Союз» являются несомненным достижением в области совместных космических программ. Поддержка академической мобильности молодых исследователей воплощается посредством международных конференций и коллоквиумов, присуждения стипендий Лавуазье, Эйфеля, Дома наук о человеке. Выдача двойных дипломов является конечным результатом более 35 образовательных программ, в рамках которых осуществляется сотрудничество более 30 российских и около 40 французских университетов³⁵. Ж.-И. Ле Део, со своей стороны, подчеркнул, что франко-российское сотрудничество в области науки, культуры и технологий вписывается в 300-летнюю традицию. Бывший университетский профессор и исследователь в области молекулярной биологии, он привел в пример Институт Пастера, которому удалось установить плодотворные контакты с российскими аналогами, и уделил особенное внимание франко-российскому сотрудничеству в освоении космического пространства и ядерной энергетике. А. Н. Дегтярев, в свою очередь, сделал акцент на *«важности сотрудничества в области гуманитарных наук, которое является существенным для взаимного понимания в других областях, в точных науках, например»*. Список достижений можно было бы продолжить. Но для народных представителей обеих стран гораздо важнее было выявить существующие проблемы и наметить пути их разрешения.

Франко-российские договоренности 1992 г., дополненные в 2000-е гг., являются юридической базой двустороннего сотрудничества в сферах науки и культуры. 10 декабря 2004 г. датировано соглашение относительно интенсификации преподавания французского и русского языков. Однако, по мнению россиян, оно не в полной мере выполняется, особенно французской стороной. *«Следуя традиции, преподавание французского языка занимает в настоящее время третье место в России после английского и немецкого»*, – отметил в своем выступлении А. Н. Дегтярев, в то время как во Франции изучение русского языка было и остается факультативным. И хотя успех таких инициатив, как перекрестный год России и Франции (2010 г.) и сезоны русского языка во Франции и французского языка в России (2012 г.) способствуют развитию лингвистической кооперации, этого недостаточно. В. А. Никонов, возглавляющий организацию «Русский мир», аналог «Альянс франсез», также посетовал на недостаточное изучение русского языка во французских общеобразовательных учреждениях. При этом русский – *«четвертый или пятый язык по частоте использования в Европейском союзе»*. Количество русскогово-

рящих европейцев (6%) превышает количество говорящих на турецком или арабском языках.

«Наша университетская кооперация растет из года в год и количество студентов записанных в лучшие университеты страны-партнера постоянно увеличивается», – отметил А. Н. Дегтярев. По его данным, *«в 2010 г. 4 500 молодых россиян проходили обучение во французских университетах и высших школах и всего 500 французов – в России. Разрыв значительный, мы должны, поэтому, приложить усилия к его преодолению».* И хотя данные французской статистики, приведенные Ж.-И. Ле Део, немного отличны от русских, *«мы насчитываем более 3 тыс. французских студентов или молодых дипломированных специалистов в России, из них около половины в университетах Москвы»*), этого недостаточно. В. А. Никонов отметил, что факультет государственного управления МГУ, деканом которого он является, установил партнерские отношения с парижским институтом политических исследований: *«Обмен между нашими студентами очень интенсивный, хотя количество российских студентов, отправляющихся в Париж на учебу, намного превышает количество французских студентов, прибывающих в Москву. Этот обмен показывает, что французские интеллектуалы и студенты плохо знают Россию».*

Российская и французская стороны сошлись на том, что визы, требуемые для студентов и преподавателей, являются несомненным препятствием к интенсификации сотрудничества в области образования и науки. Присоединение России к Болонскому процессу способствует междууниверситетскому обмену, но, как отметила французская сторона, многое еще остается сделать, в частности, в области обоюдного признания дипломов. А. Н. Дегтярев подчеркнул необходимость развивать новые формы сотрудничества на уровне молодежных организаций обеих стран и интенсифицировать обмен студентами на основе точно определенных целей. *«Недостаточно предлагать молодежи только образовательный туризм!».* Кроме виз, академическую мобильность сдерживает ограниченное количество стипендий, поэтому стоит подумать над увеличением их количества. Шанталь Гитте предложила начинать франко-российское сотрудничество в образовательной сфере с первого университетского цикла: *«Франция могла бы установить с Россией программы сравнимые с европейской программой Эразмус, которая позволяет студентам проводить семестр в иностранном университете».* Значение контактов такого рода трудно переоценить. *«Когда знакомишься с какой-либо стра-*

ной в молодости, впоследствии сохраняешь желание сохранить эти связи», – резонно заметила Ш. Гитте. Ж.-И. Ле Део выступил с предложением расширить дебаты относительно образовательных программ, вынося их за пределы Европейского союза 27-ми на ансамбль стран, входящих в Европейский Совет, и включив тем самым в их разработку и обсуждение и Россию.

Третье заседание началось с выступления председателя комитета по европейским делам в Национальном собрании Даниель Оруа, напомнившей, что отношения между ЕС и Россией основаны на соглашении о партнерстве и ассоциации, подписанном в 1997 г. и, тем самым, прочно вписаны во времени. В сферах торговой и экономической итог европейско-российского сотрудничества чрезвычайно положительный. *«Россия реализует половину своих обменов с ЕС. Она стала – и мы этому рады – его третьим по значимости поставщиком после США и Китая. Со своей стороны, Европейский Союз представляет наиболее значительный рынок для экспорта российских продуктов. Россия, таким образом, является первым поставщиком Европейского Союза в области ископаемых энергетических ресурсов – нефти и нефтепродуктов, газа, урана, каменного угля. Она обеспечивает более 25% европейского потребления нефти и газа. Европейский Союз поглощает, со своей стороны, 88% экспорта нефти из России, 70% экспорта газа и 50% экспорта каменного угля».* Россия и европейцы нуждаются друг в друге. Однако переговоры о заключении нового договора о партнерстве, начатые в 2008 г., буксуют и причиной тому некоторые разногласия. ЕС имеет претензии к России в области соблюдения прав человека и борьбы с коррупцией. Резолюция Европейского парламента от 13 декабря 2012 г. гласит, что уважение прав человека и демократических принципов должно стать «условием *sine qua non*» для подписания соглашения ЕС-Россия, и сопровождается списком тем, вызывающих озабоченность. Дело против участниц панк-группы Pussy Riot, ущемление прав оппозиции и свободы слова, проект федерального закона об установлении административной ответственности за пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних, принятый в Думе в первом чтении 25 января 2013 г., были встречены во многих странах ЕС с непониманием и подвергнуты критике. Поддержка прав гомосексуальных меньшинств – сюжет особенно чувствительный во Франции, ибо как раз во время заседаний Большой комиссии депутаты Национального собрания вели дебаты по поводу проекта закона об однополых браках.

Л. Э. Слуцкий, А. К. Пушков и В. А. Никонов, в свою очередь, отметили наиболее болезненные для России в отношениях с ЕС вопросы, среди которых на первом месте – визы краткосрочного пребывания. На их отмене настаивает российская сторона. Элен Каррер д'Анкокс, секретарь Французской академии, которая присутствовала на встрече С. Е. Нарышкина с Ж.-П. Шевенманом, вспомнив франко-германский опыт, предложила начать с упразднения виз для студентов. Эта идея встретила благоприятную реакцию российской делегации: *«С молодежи надо начинать политику сближения, и такая мера могла бы иметь позитивные последствия в целом для вопроса о визах»*. Антидемпинговые меры, применяемые Европейской комиссией по отношению к целой серии российских товаров, также вызывают критику России, как и *«дефицит демократии в недрах ЕС, когда решения принимаются в Брюсселе чисто бюрократическими структурами»*, и *«нацистские парады, регулярно организуемые бывшими Waffen SS в некоторых государствах-членах ЕС, как Эстония и Латвия»*.

Российские депутаты отказались принимать всерьез критику Европейского парламента относительно ущемления прав человека в России. Ими было отмечено, что Россия расходится с ЕС в вопросе о ценностных ориентирах. Переживаемая в Европе либеральная революция ни в коей мере не затрагивает Россию. *«В России ничего такого нет: моральный либерализм там отвергается. В России складывается впечатление, что своими резолюциями Европейский парламента пытается экспортировать либеральную революцию на ее территорию. Европейский парламента, – в словах А. К. Пушкова сквозило возмущение, – принимает каждые два или три месяца – по какому праву? – резолюции, в которых трактуется вопрос о ценностных ориентирах в России. Критика, происходящая из Европейского парламента не созидательна. В данном случае Европейский парламента пытается осуществлять “моральную диктатуру”»*. Пьер Леллуш, посетовав на излишнюю строгость французской прессы по отношению к российской политике и, в особенности, к Кремлю, высказался в поддержку российских коллег. *«Даже если это не демократия, которая существует в Лондоне, Париже или Нью-Йорке, Россия это демократия, где вырисовывается средний класс и где ведутся дебаты всякого рода. Она, тем не менее, имеет другой способ управления, более авторитарный, но соответствующий ее историческим традициям»*. Тьерри Марьяни согласился с ним. *«Какова была бы наша реакция, если бы Дума взялась диктовать нам наш образ мыслей? Нужно ува-*

жать другого». К тому же российская демократия еще очень молода, ей всего 20 лет. Что же до резолюций Европейского парламента, депутаты UMP (Союз за народное движение), каковыми являются П. Леллуш и Т. Марьяни, призвали российских коллег не придавать им большого значения. «С точки зрения национальных парламентов демократическая легитимность его членов, по меньшей мере, спорна». Жером Ламбер отметил, что Франция, выстраивающая конструктивные отношения с Россией, может играть роль мотора для того, чтобы сдвинуть некоторые позиции ЕС в отношении России.

На заседании обсуждались также позиции России и Франции в вопросах международного значения, в том числе дефицит доверия между НАТО и Россией, но нет нужды затрагивать их в данной статье. Подводя итоги заседания, посол Французской республики в России Жан де Глиниasti заявил, что с оптимизмом смотрит на будущее франко-российской кооперации в культуре, экономике, политике. А существующие проблемы следует разрешать посредством диалога, в продолжении которого российская сторона выразила полную свою заинтересованность. Европейский Союз для России – стратегический партнер. Ее конструктивные отношения с ЕС выжили, несмотря на такие неприятные эпизоды, как расширение НАТО и союз США и европейских стран с политическими противниками России, как В. Ющенко и М. Саакашвили, надо полагать, что и существующие на сей день трудности будут преодолены.

In fine, все три заседания Большой парламентской комиссии были чрезвычайно интересными. Отметим царившую на них свободу обмена мнениями, оживленность дискуссий, как если бы беседу вели друзья, которые не всегда согласны друг с другом, но искренне выражают свою позицию, стараясь, как можно лучше, понять друг друга. Немалое внимание было уделено франко-российскому сотрудничеству в области образования, и были намечены пути к его расширению. К слову, 15–17 февраля 2013 г. в выставочном парке Парижа (Porte-de-Versailles) прошел ежегодный салон Студента, на котором Россия впервые представила свой павильон «Университеты России. Образование – Исследования – Инновации». В павильоне были представлены не только учебные программы российских ВУЗов, но и программы двойных дипломов, разработанные совместно университетами России и Франции. Эта акция, которая как нельзя лучше вписывается в процесс расширения франко-российского сотрудничества в области образования и академической мобильности студентов и профессоров, имела целью привлечь внимание молодых французов к

возможностям получения высшего образования и проведения научных исследований в лучших российских университетах. В Салоне приняли участие представители около 15-ти ВУЗов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода и, хотя среди них на этот раз не было СПбГУ, будем надеяться, что наш университет обязательно будет среди участников следующего Салона.

Итак, подводя итог, можно без преувеличения сказать, что мероприятия, прошедшие прошлой зимой в Париже и имевшие непосредственное отношение к России, оказались чрезвычайно продуктивными для франко-российского диалога. На них обсуждались вопросы, как прошлого, так и настоящего отношений России и Франции и были намечены перспективы на будущее.

¹1812, la campagne de Russie. Histoire et postérités. Sous la direction de M.-P. Rey et T. Lentz. Actes du colloque des 4 et 5 avril 2012, organisé par la Fondation Napoléon, le Souvenir napoléonien et le Centre de recherche en histoire des Slaves de l'université Paris I. Paris, 2012.

²Carnet de la Sabretache. 1812, la campagne de Russie. Décembre 2012. Nouvelle série № 194.

³*Kerautret M.* «L'armée des 20 nations». Cohésion et diversité // *Carnet de la Sabretache*. 1812, la campagne de Russie... P. 6.

⁴*Ibid.* P. 5–9.

⁵*Brun J.-F.* La formation «diplomatique» de la Grande Armée // 1812, la campagne de Russie. Histoire et postérités... P. 59.

⁶*Nieuwazny A.* Les Polonais de la Grande Armée // 1812, la campagne de Russie. Histoire et postérités... P. 87.

⁷*Ibid.* P. 96–97.

⁸*Kerautret M.* Napoléon et le mirage récurrent de l'alliance russe // 1812, la campagne de Russie. Histoire et postérités... P. 25–36.

⁹*Arrous M.* 1812, le millésime de Stendhal // *Carnet de la Sabretache*. 1812, la campagne de Russie... P. 58–63; *Gueniffey P.* 1805–1812, *Guerre et Paix* et les métamorphoses de la guerre; *Bergès L.* La campagne de Russie au cœur de la fiction française de 1820 à 1870 // 1812, la campagne de Russie. Histoire et postérités... P. 279–294. P. 301–317.

¹⁰*Rjéoutski V.* La construction de l'image de l'ennemi: les autorités russes et la communauté française de Moscou en 1812; *Goubina M.* Les Russes et l'incendie de Moscou; *Tchoudinov A.* L'image de la guerre de 1812 dans le folklore russe // 1812, la campagne de Russie. Histoire et postérités... P. 237–243. P. 245–251; P. 267–278.

¹¹*Ibid.* P. 70.

¹²Intelligentsia entre France et Russie, archives inédites du XX siècle. Préface H. Carrière d'Encausse / Ouvrage sous la direction de V. Jobert & L. de Meaux. Paris, 2012. P. 38.

¹³*Ibid.* P. 38, 40.

¹⁴Ibid. P. 40.

¹⁵Ibid. P. 35.

¹⁶См.: *Pascal P.* En Russie Rouge. Lettres d'un Communiste français. Petrograd, 1920.

¹⁷См.: *Pascal P.* En communisme. Mon journal de Russie. 4 vol. Lausanne, 1975–1977.

¹⁸См.: *Sadoul J.* Notes sur la révolution bolchevique (octobre 1917–janvier 1919). Paris, 1919.

¹⁹См.: *Noulens J.* Mon Ambassade en Russie soviétique 1917–1919. 2 vol. Paris, 1933.

²⁰Intelligentsia entre France et Russie, archives inédites du XX siècle... P. 42.

²¹См.: *Robien L.* Journal d'un diplomate en Russie. Paris, 1967.

²²Intelligentsia entre France et Russie, archives inédites du XX siècle... P. 50.

²³*Ferro M.* La vérité sur la tragédie des Romanov. Paris, 2012.

²⁴*Ferro M.* Nicolas II. Paris, 1990.

²⁵*Ferro M.* La vérité sur la tragédie des Romanov... P. 149.

²⁶См.: *Summers A., Mangold T.* The File on the Tsar. New York, 1976 (рус. пер.: *Саммерс А., Мангольд Т.* Дело Романовых или расстрел, которого не было. М., 2011); *Ross N.* (отв. ред. и сост.). Гибель царской семьи. Francfort, 1987.

²⁷*Sokolov N.* Enquête judiciaire sur l'assassinat de la famille impériale russe. Paris, 1924.

²⁸*Ferro M.* La vérité sur la tragédie des Romanov... P. 102.

²⁹См.: *Renouvin P.* La Crise européenne et la Première Guerre mondiale. Paris, 1962. P. 588–589.

³⁰*Ferro M.* La vérité sur la tragédie des Romanov... P. 11.

³¹*Rouillois F.* Ferro la contre-enquête // Le Figaro Histoire. № 6. Février/Mars 2013. P. 88.

³²Assemblée Nationale. Dix-septième session de la Grande Commission parlementaire France-Russie // www.assemblee-nationale.fr/international/commission-russie-17session-cr.asp (время обращения – 03.03.2013).

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

С. В. Шершнева

РОМАН ДЖ. Ф. КУПЕРА «ШПИОН, ИЛИ ПОВЕСТЬ О НЕЙТРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ» КАК ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Рассмотрению литературных произведений в качестве исторического источника уделяют внимание как филологи, так и историки. Историка в художественной литературе, с одной стороны, интересуют конкретные исторические события, описанные автором, с другой, что, может быть, не менее важно, это отношение самого автора к описываемым событиям. Ценность художественного произведения возрастает, если его автор являлся непосредственным участником исторических событий, вероятно, тогда художественное произведение можно рассматривать и в качестве дополнительного источника, опирающегося на личное восприятие автора. Если же это личное восприятие исторических событий подтверждается и другими группами источников, стало быть, мы имеем право рассматривать художественное произведение как исторический источник. Можем ли мы так рассматривать произведения Дж. Ф. Купера (1789–1851), одного из основоположников американской национальной литературы?

Действительно, об американской художественной литературе как явлении национальном, признанном за пределами США – в Европе, в том числе и в Англии, стало возможным говорить лишь в первой четверти XIX в. Именно в это время в США стал развиваться жанр исторического романа. Это происходило на фоне образования единого национального государства, хотя вплоть до англо-американской войны 1812–1814(15) гг. американские интеллектуалы спорили о связи между языком и национальной идентичностью. Этот вопрос рассматривался в следующем аспекте – была ли революция XVIII в., составной частью которой явля-

лась Война за независимость, только революцией, знаменующей политическое отделение или же одновременно можно говорить о культурном и лингвистическом самоопределении также¹. На этот вопрос стремился ответить и Дж. Ф. Купер своими романами о Войне за независимость.

Изменения в художественной литературе США обозначились с появлением двух исторических романов, принадлежащих перу Дж. Ф. Купера. Речь, прежде всего, идет о романах «Шпион, или повесть о нейтральной территории» и «Лионель Линкольн или осада Бостона». Об одном из них – романе «Шпион», посвященном Войне за независимость, и пойдет речь.

Роман «Шпион, или повесть о нейтральной территории» заполнил существующий вакуум в национальной американской литературе, и, в сущности, определил ориентиры ее будущего развития. Дж. Ф. Купер обратился к важнейшему периоду истории США, периоду Войны за независимость, то есть периоду исторического конфликта, результатом которого было рождение нового государства. Таким образом, пока В. Ирвинг, которого многие американские литературоведы справедливо считают «...первым классиком» американской литературы, изучал европейскую историю, посвятил ей ряд своих произведений, а американскую действительность изображал с позиций европейца, Дж. Ф. Купер начал создавать миф собственно истории США². В романе «Шпион» Дж. Ф. Купер сделал шаг вперед в передаче реалий своей страны, он создал американское место действия, он создал новых, явно американских героев, и поднял чисто американскую тему.

Вероятно, поэтому сам роман Дж. Ф. Купера «Шпион» был принят в американском обществе с восторгом, как нечто долго ожидаемое. Наконец-то стало возможным говорить о собственно американском историческом романе, о том, что период интеллектуальной зависимости от Англии подходит к концу. А Дж. Ф. Купер в одночасье «проснулся знаменитым». Роман Дж. Ф. Купера читали вслух для членов семьи, его обсуждали, о нем писали в письмах. То есть роман «Шпион» стал событием, а мало кому известного автора романа критики сравнивали с создателем жанра исторического романа, «отцом» исторического романа, шотландцем Вальтером Скоттом, романы которого породили немало подражаний, и оказали влияние, в том числе, и на Дж. Ф. Купера.

Действительно, тема Войны за независимость и связанного с ней патриотизма, в целом тема любви к Родине, была весьма востребована в американском обществе в XIX в., времени, когда молодая еще республика утверждалась в Западном полушарии. Поэтому обращение к истории

Войны за независимость стало для Дж. Ф. Купера закономерным. В годы написания этого романа, посвященного Войне за независимость, еще живы были участники этой войны и современники событий. Некоторых из них Дж. Ф. Купер знал лично, ибо они бывали в доме его отца, стало быть, он мог слышать их рассказы о ставших судьбоносными событиями в истории его страны. Отец Дж. Ф. Купера, довольно состоятельный землевладелец, избирался в палату представителей конгресса США в период нахождения у власти Дж. Вашингтона и Дж. Адамса, активно участвовал в политической жизни страны, был знаком со многими известными людьми своего времени, в том числе и с теми, кого в американской историографии называют «отцами-основателями» страны. Детство будущего писателя прошло в поселке Куперстаун, в штате Нью-Йорк, основанном его отцом, и именно этот штат станет местом действия его исторического романа «Шпион».

Его отец умер в 1809 г., оставив будущего писателя финансово независимым человеком, а в 1811 г. Дж. Ф. Купер женился на С. Де Ланси, происходившей из семьи, симпатизировавшей Англии в годы Войны за независимость. Возможно, последним обстоятельством объясняются сравнительно мягкие отзывы писателя об Англии и англичанах в его ранних романах, посвященных Войне за независимость, в первую очередь речь идет о романе «Лионель Линкольн или осада Бостона», хотя и в романе «Шпион» это также прослеживается. Так, по крайней мере, считают биографы писателя. В частности, биографы Дж. Ф. Купера ссылаются на знакомство его семьи с известным политиком и дипломатом, членом Континентального конгресса, одним из лидеров федералистов Джоном Джеем, от которого будущий писатель мог услышать немало интересных историй о событиях, участником которых был этот политик. Да и сам Дж. Ф. Купер пишет об этом в предисловии к роману, правда, не называя Д. Джея по фамилии, а именуя его то известным государственным деятелем, то Мистером Х³.

Необходимо также отметить, что на глазах самого писателя развивались события англо-американской войны 1812–1814(15) годов, которая вызвала всплеск патриотических настроений. Это, кстати, отмечала и газета «Санкт-Петербургские ведомости», опубликовав отрывки из выступления президента Дж. Мэдисона, в котором объясняются причины разрыва с Англией и в котором президент призывает народ, испытывающий ненависть к «оскорбляющим англичанам», защищать права отечества⁴. Действительно, американцами эта война рассматривалась как

вторая Война за независимость, как война народная, война отечественная по своему содержанию, в которой они подтвердили свою независимость и событиями которой, собственно, заканчивался роман «Шпион». В этой войне 1812–1814(5) гг. совершает свой последний подвиг и один из главных героев романа – Г. Бёрч. Именно в этой войне, говорит автор, «...пылкие сердца многих юношей, бывших гордостью нашей армии в 1814 году, начинали биться сильнее, когда произносили имя великого американца, и загорались горячим желанием прославиться подобно ему»⁵. Таким образом, для Дж. Ф. Купера, как Война за независимость, которую он не застал, но слышал о ней, так и война 1812–1814(15) гг., современником и участником которой он был, в сущности, представлялись судьбоносными событиями в истории его страны. Именно они и помогли писателю выбрать главную тему его творчества – тему патриотизма, тему становления молодого государства. Вероятно, можно говорить о том, что американская художественная литература выросла не только из Войны за независимость, но и из войны 1812–1814(15) гг., которые и заставили Дж. Ф. Купера обратиться к художественному изображению прошлого своей страны.

Главным, на наш взгляд, в оценке этого романа американской интеллигенцией была избранная писателем тема. Эта тема – любовь к собственной стране, к ее истории. Тема Войны за независимость британских колоний в Северной Америке оказалась очень близка и лично автору романа – Дж. Ф. Куперу. Сам писатель не застал Войну за независимость, родился вскоре после ее окончания, в 1789 г., однако воспоминания о войне еще были свежи, да и многие участники этой драмы были еще живы⁶. А литературный труд стал для писателя в сущности методом выражения того, что он думал о своей стране. В «Шпионе» он поднял тему недавнего прошлого своей страны, героической борьбы за ее свободу и независимость, трудностей этой борьбы за права американцев. На страницах романа он вывел как признанных героев в лице отца новой нации Дж. Вашингтона, так и героев вымышленных, но легко узнаваемых. Это были как безвестные рядовые американцы, так и патриоты, которые отличались своим характером, положением, влиянием.

Роман «Шпион, или повесть о нейтральной территории» (1821) относится к раннему периоду творчества писателя, к тем его произведениям, в которых он оттачивает искусство рассказчика. Этот роман Дж. Ф. Купера является собственно первым американским историческим романом. Он принес ему славу «отца» американской литературы. А главное, что, как представляется было для писателя определенно важным – это то, что он

нашел неисчерпаемую тему – тему патриотизма, тему любви к Родине для своих романов, тему, в которой так нуждалась молодая, но непохожая на европейские государства, страна. В 1822 г. роман «Шпион» был переведен на французский язык, а потом и на другие языки. А тема патриотизма и любви к Родине объединяет практически все произведения Дж. Ф. Купера.

В России «Шпион» был впервые опубликован в 1825 г. в переводе с французского языка. Однако более известным переводом романа является полный перевод романа на русский язык с английского оригинала 1831 г., выполненный Е. М. Чистяковой-Вэр. Это русское издание было напечатано известным российским издателем П. П. Сойкиным в 1913 г. с авторским введением к роману⁷. Именно П. П. Сойкиным было издано в 1913 г. и 36-томное «Иллюстрированное собрание» романов Дж. Ф. Купера. Впоследствии, уже в советское время роман переводился неоднократно, а в постсоветской России он был издан в издательстве «Logos» в 2004 г. в серии Библиотека П. П. Сойкина.

Роман «Шпион» можно рассматривать как новаторское произведение, прежде всего, потому, что автор его – Дж. Ф. Купер одним из первых американских писателей обратился к теме Войны за независимость. Однако новаторство писателя состоит не только в обращении к теме патриотизма, а и в образе главного героя, героя нетипичного, не принадлежащего к известным героям Войны за независимость, а малозаметного, а точнее безвестного коробейника Гарви Бёрча, который ежеминутно рискуя жизнью несет тайную службу разведчика на «ничейной» территории и на территории врага.

По сути, Гарви Бёрч, – свой среди чужих, чужой среди своих. Но об этом читатель лишь догадывается, потому что собственно, как конкретно, каким образом осуществлялась деятельность разведчика Г. Бёрча, как он добывал секретные сведения, как передавал их патриотам, автор романа не рассказал нам. Но в этом и была интрига – читатель лишь знал, что деятельность Г. Бёрча опасна, трудна, она требует от него мужества, отваги, лицедейства, наконец, но ради свободы своей страны он готов пожертвовать не только добрым именем, но и жизнью. Дж. Ф. Купер, в сущности, в фигуре разведчика Г. Бёрча нашел свой идеал революционной Америки, вместе с его романом США окончательно получили национальную литературу⁸.

То есть Дж. Ф. Купер, как и В. Скотт, бывший для него учителем в литературе, вывел роман за узкие рамки, в его романе появляются как

реально действовавшие исторические личности, так и герои вымышленные. Все вместе они способствовали делу борьбы за свободу. В романе присутствует, на наш взгляд, главная черта, которая должна быть присуща историческому роману – это история страны, показанная через частную жизнь героев.

Действие романа относится к концу 1780 г. – молодая, совсем недавно провозгласившая свою независимость республика была истощена войной, хотя к этому времени уже обозначился перевес в пользу патриотов. Этому способствовало и то, что союзницей недавно провозглашенного государства стала Франция, а вместе с ней Испания и Голландия, чему немало способствовал Б. Франклин, назначенный Контиентальным конгрессом посланником во Францию в 1778 г. Однако разрушения и потери затронули почти каждую семью. Дж. Ф. Купер вывел роман за узкие рамки, даже конфликты семейные (имею в виду семью Уортонов в романе) он связал с судьбой нарождающейся американской нации и молодого государства в целом.

В сущности, семья состоятельного землевладельца Уортона оказалась почти типичной для периода Войны за независимость семьей, далеко не все представители этой семьи приняли происходящие в стране перемены. Действительно, население страны в годы Войны за независимость разделилось – на участвующих в борьбе, на так называемых нейтралов (т. е. тех, кто переходил из лагеря в лагерь в силу обстоятельств войны) и лоялистов, т. е. тех, кто дело независимости не поддержал, остался верен королевскому правительству и сражался на его стороне⁹. Причем, как верно замечает автор романа, эти третьи – действовали по-разному – одни защищали права короля, другие уезжали из Америки, чтобы укрыться от превратностей и бедствий войны в стране, «... которую они напыщенно называли Отчиной..., третьи, наиболее осторожные остались дома, не отваживаясь покинуть свои обширные владения... и строжайше соблюдали нейтралитет, рассчитывая таким образом сохранить свои владения, чья бы сторона ни взяла верх»¹⁰. К числу этих третьих относился и мистер Уортон. «У меня, говорил он, близкие друзья в обеих армиях, и, кто бы ни выиграл войну, победа любой из них принесет мне лишь огорчения; поэтому я страшусь ее»¹¹.

Все это говорило о том, что, в сущности, Война за независимость имела и характер гражданской войны. Это отмечал и автор романа Дж. Фенимор Купер, когда писал о том, что «Распря между Англией и Соединенными Штатами Америки хотя и не была строго говоря настоящей семейной со-

рой, однако имела много черт гражданской войны», ... ибо в этой войне, имеющей так много общего с междоусобной борьбой, «...враждующие партии состоят из людей одной крови и одного языка...»¹².

Самое же большое нареkanie автора романа вызывают те, кто в силу судьбы, обстоятельств войны оказался на ничейной (или, как чаще у нас в России переводят, нейтральной территории), они, как считает автор, повинны во всех смертных грехах, к которым он относит и дезертирство. «...дезертир не только тот, кто бросает знамя полка, хотя это, конечно, худший вид измены; дезертир и тот, кто бросает свою родину в трудное для нее время», – говорит один из героев романа¹³.

Роман «Шпион» не случайно имел и второе название, по сути, раскрывающее его содержание – «Повесть о нейтральной территории». Действие романа разворачивается в графстве Вест-Честер, которое было расположено между квартировавшими в городе Нью-Йорке английскими войсками и стоявшими на высоких берегах Гудзона войсками армии США. Как справедливо замечает Дж. Ф. Купер, «...территория графства Вест-Честер стала ничьей землей, и до самого конца войны американского народа за независимость здесь действовали обе враждующие стороны»¹⁴.

С исторической точки зрения не случайно избранное автором место действия романа – критическое место действия – это графства, примыкающие к Нью-Йорку, где ситуация была крайне сложная – ибо они находились на нейтральной территории, как и графство Вест-Честер. Ведь, как Дж. Ф. Купер верно подмечает, «На всем континенте не было другого места, где бы английские нравы и аристократические понятия о чистоте крови не укоренились так прочно, как в районах, примыкающих к Нью-Йорку», где преданность Великобритании была особенно крепка¹⁵. Тем более, что Нью-Йорк был захвачен англичанами в сентябре 1776 г. и практически всю войну (а английские войска покинули его лишь в ноябре 1783 г., уже после подписания мирного договора между США и Англией) находился под властью последней. Графство Вест-Честер в штате Нью-Йорк Дж. Ф. Купер знал не понаслышке, именно здесь писатель жил со своей молодой женой в течение шести лет и его всегда особенно интересовала история штата Нью-Йорк. В колониальный период это был район аристократических традиций, а в годы Войны за независимость именно здесь было много лоялистов.

На этой нейтральной (ничейной) территории сражались не только регулярные войска, по и полупартизанские отряды, а по сути банды грабителей и мародеров – «скиннеры» («живодеры») и «ковбои». Первые

воевали на стороне американцев, вторые – англичан. Нередко же и те, и другие разбойничали без разбора – «...в этой местности законность то и дело нарушалась, и решения принимались в угоду интересам и страстям тех, кто был сильнее»¹⁶. Действительно, «На нейтральной территории закон на стороне того, у кого сила...»¹⁷. Дж. Ф. Купер писал: «Скиннеры всегда нападали так неожиданно, что их жертвы не могли рассчитывать на помощь соседей; нередко из опасения навлечь на себя беду те даже не выражали сочувствия пострадавшим»¹⁸.

В такой обстановке на нейтральной территории оказалась семья состоятельного землевладельца Уортона, владельца усадьбы «Белые акции», младшая дочь которого – Френсис – была влюблена в майора армии США Данвуди – «...гордость армии Вашингтона...»¹⁹, старшая дочь – Сара – переживала роман с английским полковником Уэлмиром, а сын Генри оказался в плену у патриотов, он был в чине капитана королевской армии. Ситуация в семье Уортонов была типичной для того времени, когда члены одной семьи оказывались по разные стороны. Дж. Ф. Купер убедительно передал эту атмосферу раскола, превратностей, страданий, бедствий. Он с мастерством историка описывает и боевые действия сторон, а также грабежи, нападения «скиннеров», что было типично при безвластье на ничейной территории.

Борьба велась с большим ожесточением. «Америка была еще слишком молода, слишком нуждалась в каждом сердце и в каждой руке», ибо столкнулась с угрозой завоевания и порабощения со стороны англичан, а также нанятых ими для усмирения солдат-гессенцев²⁰. При этом писатель верно подметил, что в стане англичан и лоялистов было достаточно смелых людей, которые снабжали армию США важной информацией и оказали неоценимые услуги делу американской революции и независимости.

Обобщенный пример героя нарождающейся нации представлен в романе «Шпион» в образе скромного бродячего торговца Гарви Бёрча, уроженца одной из восточных колоний, лет десять назад с отцом перебравшегося в долину, как сообщает автор²¹. Вот каким описывал Дж. Ф. Купер своего героя: «Разносчик был выше среднего роста, худощав, но широк в кости и мускулист... Глаза у Бёрча были серые, ввалившиеся и беспокойные; в тот краткий миг, когда они останавливались на лице человека, с которым он разговаривал, казалось, что они пронизывают того насквозь»²². Этот нетипичный герой – Г. Бёрч – выведен автором романа не только как герой, совершающий подвиг во имя свободы своей родины,

но и как человек, способный на глубокие чувства, о чем говорят, например, его отношения с умирающим отцом²³.

Гарви Бёрч посещал обе воюющие армии, многие подозревали его в шпионаже в пользу англичан, которым он порой приносил малозначимую информацию, делая это для маскировки своей тайной патриотической деятельности. Ему приходилось постоянно рисковать жизнью, он жертвовал своим добрым именем, ибо его проклинали американцы, полагая, что он служит англичанам. А Гарви Бёрчу необходимо было соблюдать конспирацию, ибо он нес тайную службу разведчика, снабжая Дж. Вашингтона, который выведен в романе под именем мистера Харпера, ценными сведениями. Автор отмечает, что и Дж. Вашингтон однажды спас Г. Бёрча, приговоренного американцами к смерти, «...когда Бёрч находился под надзором любимого офицера Вашингтона, а на карауле стояли солдаты, которых считали достойными охранять самого главнокомандующего»²⁴.

Гарви Бёрч, а вместе с ним и автор романа, преклоняются перед Дж. Вашингтоном, награждая его лучшими человеческими добродетелями. Он предстает в романе, как человек, который «... умеет распознавать лживость тех людей, которые только прикидываются патриотами...»²⁵. Внешность Джорджа Вашингтона в романе также на редкость выразительна – «... высокий, на редкость хорошо сложенный мужчина лет пятидесяти. Его лицо выражало чувство собственного достоинства и решительность; у него был прямой нос, близкий по типу к греческому; спокойные серые глаза смотрели задумчиво, ... рот и подбородок говорили о смелости и сильном характере, ... причесывал он волосы, как военные, а в стройной статной фигуре сказывалась военная выправка. Внешность незнакомца была столь внушительна и так явно обличала в нем джентльмена...»²⁶. Причем, словами верного слуги Уортонов – негра Цезаря – автор подчеркивает религиозность Дж. Вашингтона, когда слуга говорит о том, что «...Масса Харпер на коленях молился богу. Когда человек молится богу, не будет он доносить на хорошего сына, который пришел к старому отцу... Скиннер делает такое, но не христианин!»²⁷. Одна из героинь романа, юная Френсис, сочувствующая патриотам, не очень-то верит в непобедимость англичан, но, напротив, она, не предполагая, что увидела самого Вашингтона, уверена, что это человек с решительным и отважным характером. Дж. Ф. Купер говорит и о способностях Дж. Вашингтона как главнокомандующего, который трезво оценивал преимущества англичан «... в организованности, вооружении и дисциплине»²⁸ и осознавал все эти трудности, которые нужно было преодолеть для победы.

Гарви Бёрч был тайным и очень ценным агентом Дж. Вашингтона, т. е. он был настоящим патриотом молодой республики. В сцене прощания Г. Бёрча с Дж. Вашингтоном Дж. Ф. Купер, кажется, и сам удивлен поведением будущего отца нации номер один, когда последний пытается расплатиться с разведчиком деньгами. Скорее писатель на стороне разведчика, отказавшегося от подобной награды, что ставит в тупик Дж. Вашингтона, но ведь Г. Бёрч рисковал жизнью не ради денег, а ради свободы своей страны²⁹.

Победа в этой войне нелегко далась американцам. Во многих регионах силы противоборствующих сторон были равны, а кое-где, как верно заметил Дж. Ф. Купер, ощущался перевес сторонников королевской власти³⁰. Чем труднее был путь патриотов к свободе, тем более значимой она оказывалась.

Действия Гарви Бёрча, испытания членов семьи Уортонов, борьба американских патриотов за свободу Америки, готовность американцев ради Родины потерять решительно все, стать мучениками «за ее свободу», все это привлекало внимание читателей к роману, как в США, так и в других странах. В Европе роман Дж. Ф. Купера «Шпион» был встречен с интересом, пониманием и одобрением. Это не было случайностью. Ведь в этом романе Дж. Ф. Купер осудил рабство в Америке, задолго до Гражданской войны. «Мы будем двигаться вперед, – говорит один из героев романа, – и вместе с нашими успехами придет и освобождение рабов; и наконец, на нашей прекрасной земле не останется ни одного человека, чье положение заставило бы его усомниться в божьей милости»³¹. Автор романа также указал путь к его постепенной ликвидации. Это отвечало целям набирающего тогда силы аболиционистского движения в США, это приветствовала и Западная Европа. На восприятии романа в Европе, вероятно, также сказались экзотика Нового Света, воспоминания французов о когда-то союзнических отношениях с американцами, а главное – сюжет избранный автором и его романтическая подача. В романе нет фактических ошибок, к тому же художественный талант автора делает его чтение весьма увлекательным.

В то время как англичане, благодаря роману Дж. Ф. Купера, также смогли убедиться, как нелегко многим американцам дался разрыв со своей старой родиной – Англией, ибо многие из них питали к ней и к королю чувства привязанности и родства. Показательно, что потомки лоялистов, эмигрировавших из США после окончания Войны за независимость, воевали на стороне Англии и в войне 1812–1814(15) гг. Однако траги-

ческий и болезненный для обеих сторон раскол Британской империи не удалось предотвратить, как ни стремились к этому англичане.

¹*Tennenhouse L.* Importance of Feeling English: American Literature and the British Diaspora, 1750-1850. Princeton, 2007. P. 19, 128.

²Ред. *Стиллер Р.* и др. Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1977. Т. 1. С. 299.

³*Купер Дж. Ф.* Шпион, или повесть о нейтральной территории / Пер. Э. Бер и Е. Шишмаревой. М., 1974. С. 23-26.

⁴Санкт-Петербургские Ведомости. 1812. № 2. С. 76.

⁵*Купер Дж. Ф.* Указ. соч. С. 351.

⁶См., например, биографию Дж. Ф. Купера: *Иванько С.* Фенимор Купер. М., 1990.

⁷*Белов С. В., Толстяков А. П.* Русские издатели конца XIX– начала XX века / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1976. С. 91-120.

⁸*Downes P.* Democracy, Revolution and Monarchism in Early American Literature. Port Chester, N.Y., 2002. P. 166.

⁹См. об этом: *Ушаков В. А.* Американский лоялизм: Консервативное движение и идеология в США в 1760-1780-е гг. Л., 1989.

¹⁰*Купер Дж. Ф.* Указ. соч. С. 38-39.

¹¹Там же. С. 35.

¹²Там же. С. 23, 26.

¹³Там же. С. 183.

¹⁴Там же. С. 28.

¹⁵Там же. С. 38.

¹⁶Там же. С. 29.

¹⁷Там же. С. 165.

¹⁸Там же. С. 127.

¹⁹Там же. С. 90.

²⁰Там же. С. 84 - 86.

²¹Там же. С. 46-47.

²²Там же. С. 47-48.

²³Там же. С. 122, 160, 164.

²⁴Там же. С. 118.

²⁵Там же. С. 179.

²⁶Там же. С. 31.

²⁷Там же. С. 36.

²⁸Там же. С. 117, 350.

²⁹Там же. С. 347-350. См. анализ российской «Вашингтонианы»: *Бродская К. М., Ушаков В. А.* Джордж Вашингтон в российской историографии (1754-1917 гг.). СПб., 2008.

³⁰*Купер Дж. Ф.* Указ. соч. С. 24.

³¹Там же. С. 157.

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО
ФИЛЬМА АВТОРА-РЕЖИССЕРА Ю. РАЙЗМАНА
«К ВОПРОСУ О ПЕРЕМИРИИ С ФИНЛЯНДИЕЙ» (1944 Г.)**

Документальный фильм «К вопросу о перемирии с Финляндией», созданный известным режиссером Юлием Райзманом в 1944 г. и получивший затем государственную (сталинскую) премию, впоследствии был, как представляется, незаслуженно забыт и практически долгое время не был известен отечественным зрителям. Только совсем недавно он был размещен в «You Tube» Интернета¹. Но, тем не менее, до сих пор этот фильм, несомненно, представляет особый научный интерес для всех тех, кто занимается изучением событий, связанных с участием Финляндии во Второй мировой войне.

Фактически, этот фильм по уникальности кинохроники, связанной с раскрытием советско-финляндских отношений времени Второй мировой войны, можно поставить в один ряд с более известной документальной лентой, фильмом – «Линия Маннергейма», созданным в 1940 г. режиссерами Н. Комаревцевым, Л. Варламовым, В. Соловцовым². При этом данная картина, отражающая события советского наступления на Карельском перешейке в период т.н. «зимней войны», явно была выполнена с ярко выраженными пропагандистскими задачами. Здесь в условиях в целом не до конца удачной операции, которую провели части Красной Армии, прорывая в течение трех месяцев полосу финских укреплений, все показано в весьма торжественном и героическом плане.

Фильм «К вопросу о перемирии с Финляндией» также страдает этими особенностями. В частности, в дикторском тексте тоже присутствуют соответствующие пафосные нотки, вероятно, необходимые, учитывая условия, когда создавалась эта лента. Кроме того, в нем существуют определенные исторические искажения, связанные с тем, что фактиче-

ски не отражается то, что Финляндия вступила в войну против СССР не 22, а 26 июня 1941 г. Также в достаточно уничижительной форме дается характеристика общей финской политики, подчеркивая ее непосредственную связь с Третьим рейхом и называя Финляндию фашистским государством. Но для времени создания этой хроникально-документальной работы подобный подход вполне объясним, поскольку картина готовилась и вышла на экран еще в 1944 г.

Тем не менее, сравнивая эту работу с документальным фильмом «Линия Маннергейма», можно отметить, что она была выполнена несколько в ином ключе. Если лента, отражающая сюжеты «зимней войны», в принципе, задумывалась как отражение лишь, прежде всего, боевых действий различных родов войск в 1939–1940 гг. на Карельском перешейке, то новая документальная картина имеет четкую драматургию и явно разделена на три части. В ее начале дается ярко выраженная предыстория событий связанных со вступлением Финляндии во Вторую мировую войну, участием финских войск в блокаде Ленинграда и финско-германскими военными и политическими контактами в годы войны, где особенно яркими выглядят кадры кинохроники, запечатлевшие визит А. Гитлера в Финляндию в июне 1942 г.

С другой стороны, в завершающей части картины, отдельной финальной сюжетной линией также является попытка демонстрации международных событий и, прежде всего, подписания финляндской делегацией 19 сентября 1944 г. соглашения о перемирии. Но главное, конечно, на хроникальной ленте широко представлены сами боевые действия. Как по поводу данного фильма заметил известный кинорежиссер документалист того времени И. П. Копалин: «Если зрителя подавлять только обилием выстрелов, перебежкой солдат и т.д. или показывать взрывы и разрушения, это значит только утомить зрителя и не дать ему ничего. Зритель хочет знать ситуацию, которая сложилась на данном участке фронта, хочет видеть масштаб событий, которые разворачиваются, хочет видеть лицо своей страны и лицо врага»³. Именно по такому принципу и была предпринята попытка создания фильма «К вопросу о перемирии с Финляндией». Причем, действительно, боевые действия в ленте заняли центральное место. Таким образом, то, что сближало обе работы советских кинодокументалистов как в 1944 г., так и 1940 г., все же оставалось отражение именно этапов советского наступления.

При этом важной отличительной особенностью фильма 1944 г., как представляется, стало то, что здесь все же создатели ленты смогли

добиться значительно большего, чем в документальной картине о «зимней войне». Сам Юлий Райзман так охарактеризовал этот фильм: он «должен был показать осуществление стратегического плана прорыва трех поясов обороны противника — так называемой линии Маннергейма. Драматургия была обусловлена планом военной операции. Эта операция стала для меня как бы отправной точкой фильма. Возможно, в чем-то картина была суховатой, чрезмерно лаконичной. В известной мере это диктовалось нашей задачей. Но были и другие причины. Правда, мы обладали множеством хроникальных кадров, снятых на местах боев, мы выезжали на линию Маннергейма...». Далее Райзман прибавил важную мысль: «...Я убежден, что автор документального фильма должен непременно собственными глазами увидеть то, о чем будет рассказывать»⁴. И этого талантливый и известный режиссер смог действительно добиться.

Более того, в действительности можно с исторической точки зрения говорить о том, что произошел реальный кинематографический успех. Создатели этого фильма сумели добиться самого важного для документального кино, они дали достаточно объективную хроникализацию весьма удачного для советского командования наступления, которое еще до его начала командование Ленинградским фронтом считало, должно было стать «красивой операцией»⁵, развивавшегося по самому благоприятному сценарию и полностью соответствующего первоначальному замыслу командования. Части 21-й армии за неделю прорвали финские укрепления на Карельском перешейке, а на десятый день боев взяли Выборг.

На экране мы можем наблюдать практически все этапы выборгской операции.

Очень исторически верно был представлен, прежде всего, момент мощного авиационного и артиллерийского удара, который наносился по переднему краю финской обороны 9–10 июня 1944 г. Как вспоминали участники этой операции, наблюдая происходящее через линию фронта, здесь тогда «казалось, что противник должен чувствовать себя как грешник в кромешном аду»⁶.

Действительно, тогда от Финского залива до центра Карельского перешейка «по финским позициям били с предельным темпом три тысячи орудий, их бомбили несколько сот самолетов»⁷. По свидетельству командующего артиллерии Ленинградского фронта Г. А. Одинцова: «Стреляли все артиллерийские группы. Каждая строго выполняла свои задачи: кто бил прямой наводкой по закрепленным за нею целям на переднем крае, кто уничтожал траншеи или огневые точки, кто охотился за минометны-

ми или артиллерийскими батареями, а кто... за штабами, узлами связи». Далее же Одинцов прибавил, артиллерия создавала «мощную симфонию огня, от которой дыбилась земля, летели вверх осколки камня и бревна дзотов, трепетал враг...»⁸. Не менее эффективными были и действия авиации, «поскольку бомбометание велось по ограниченным небольшим площадям, разрушающий эффект его оказался очень высоким». В результате, по данным командующего ВВС Ленинградского фронта А. А. Новикова, «на 1 кв. км пришлось от 125 до 186 тонн бомб»⁹. Находясь на линии фронта в районе Белоострова, он лично наблюдал за тем, как тогда «кругом содрогалась и стонала земля». Далее же в своих воспоминаниях А. А. Новиков заметил, что, перед началом общего наступления, он увидел и почувствовал: «В воздухе стало чадно и дымно... Над позициями врага, закрывая собой все, висели серо-черно-желтые тучи из измельченной земли, пыли и дыма. Они вздымались на высоту нескольких десятков метров, выше самых высоких сосен и елей»¹⁰. Все это очень эффектно было также показано и в самом фильме.

В целом огневая подготовка оказалась реально настолько результативной, что принявшие удар советской авиации и артиллерии финские военнослужащие, характеризовали начавшееся не иначе как «огненный ад» или «конец света»¹¹. В запечатленных на экране кадрах, посвященных данным событиям, достаточно хорошо чувствуется, что тогда происходило на позициях финских войск, хотя снималось начало наступления, естественно, с советской части линии фронта. Сами же финские военнослужащие впоследствии признавали, что «артиллерийский огонь привел нас к полному разгрому. Даже в дотах оказывались убитые и раненные»¹². Причем тем, кто подвергся тогда этой мощной «обработке», казалось, что «этим утром прямыми попаданиями сразу же уничтожили все» и «никакой дым или копоть фабричных труб не мог так закрыть мрачной пеленой солнце, как это сделал в тот момент пороховой дым и пыль»¹³.

На экране, далее, однако, хорошо представлено уже, как, собственно, началось само советское наступление, когда инженерные части 21-й армии в условиях продолжающейся огневой подготовки начали создавать соответствующие проходы для будущего прорыва войск и, прежде всего, для танков. В картине абсолютно верно показано, что в начальной стадии проведения этой операции именно ударные танковые соединения наряду с внушительной артиллерийской и авиационной подготовкой сыграли наиболее важную роль в прорыве первой полосы линии укреплений. Само это наступление в картине выглядело очень мощным. Об его мас-

штабе впоследствии указывали и финские военнослужащие. Командир 1-го пехотного полка Т. В. Вильянен, части которого находились в районе Белоострова, уже после войны вспоминал: «Штурмовики с воздуха и танки с передовых позиций прокладывали путь пехоте... Двигавшиеся впереди красноармейцы непрерывно запускали в небо ракеты, давая знать штурмовикам о своем местоположении». Далее подполковник с горечью заметил, что финские «противотанковые пушки ничего не могли сделать против новых типов русских танков»¹⁴. Именно такие и подобные им сцены достаточно четко были зафиксированы советскими кинодокументалистами.

Весьма любопытными смотрятся в картине также кадры разрушенных укреплений и опорных пунктов, использовавшихся финской армией на линии фронта, когда они были уже взяты советскими войсками. Особенно впечатляющим, в данном случае, выглядит картина разрушенного мощного дота «миллионера». Он находился на переднем крае оборонных финских войск в районе железнодорожной станции Белоостров. Об его существовании было хорошо известно советскому командованию, поскольку этот очень серьезный военно-инженерный узел обороны был построен еще... советскими специалистами на старой границе с Финляндией до начала Второй мировой войны, но был захвачен финской армией в момент их отчаянного наступления на Ленинград в начале Великой Отечественной войны, осенью 1941 г. Его подавление потребовало целенаправленного, «методичного огня на разрушение» орудий батареи восьмидюймовых гаубиц капитана И. И. Ведмеденко и, как заметило советское военное руководство, «с “миллионером” артиллеристы покончили после сотни снарядов». Причем в завершение всего финский гарнизон этого дота, не выдержав артиллерийского обстрела, сам пошел на то, чтобы этот дот подорвать. В результате на экране уже представлены яркие образы разрушения этого мощного военно-инженерного сооружения, где «семьсот кубометров железобетона было разворочено на отдельные глыбы», а перекрытие толщиной в два с половиной метра раскололось и встало «на попа»¹⁵. Именно эту картину Юлий Райзман и показал на своей ленте, когда дот был уже окончательно уничтожен.

Причем все представленное на экране действительно выглядит крайне убедительно и правдоподобно, что собственно затем уже подтверждается мемуарными и исследовательскими сочинениями, посвященными этому наступлению¹⁶. Но, что самое важное, фактически, на экране показываются события в режиме реального времени с полностью исто-

рически достоверной хронологией происходивших тогда событий. Что, собственно, и должно было быть в документальном кино.

Также достаточно грамотно с точки зрения военной истории в фильме показаны причины – *почему* и *как* советское командование 14 июня 1944 г. перенесло свой главный удар на Карельском перешейке, организовав уже стремительный прорыв к Выборгу, на приморском участке фронта. Причем авторы фильма наряду с верным отображением происходивших тогда событий, связанных с прорывом второй и наиболее мощной полосы финских укреплений, смогли на экране также дать редкие кадры, запечатлевшие тогда командующего Ленинградским фронтом генерала армии Л. А. Говорова и командующего 21-й армии, наступающей на Карельском перешейке, генерал-полковника Д. Н. Гусева. Единственное, что в самой документальной ленте несколько отличается от исторической истины, было то, что в дикторском тексте Л. А. Говорова уже назвали – «маршалом Советского Союза». Реально маршалом он стал уже в момент окончания операции по прорыву укреплений, т.е. 18 июня 1944 г.¹⁷.

Также достаточно интересными, хотя и несколько затянутыми, выглядят кадры кинохроники, в которых раскрывается операция по высадке советских войск на Бьергском архипелаге. И в данном случае приходится лишь пожалеть, что авторы весьма интересной книги «Архипелаг в огне. Десанты на острове Бьерке и Выборгском заливе летом 1944 года», вышедшей в 2012 г.¹⁸, не смогли использовать в своем произведении достаточно обильный фотоиллюстративный материал, который содержится в фильме. Особенно интересными при этом, как представляется, стали живые портреты участников этой операции, которые передавали эмоциональный настрой советских военнослужащих, готовящихся к прорыву финских укреплений. Бесспорно, что выражения их лиц, а операторы снимали участников боев крупным планом без соответствующего художественного выделения и постановочных сцен, показывают, почему так легко советские войска сокрушили на Карельском перешейке оборону противника. Из кадров кинохроники очень хорошо виден эмоциональный настрой войск на победу и это тоже является своеобразным документальной иллюстрацией происходивших тогда событий.

Хорошей иллюстрацией происходившего тогда на Карельском перешейке были, представленные в этой документальной хронике, и противоположные образы достаточно большого количества запечатленных тогда лиц финских военнопленных. И хотя понятно, что они не могли не выглядеть достаточно напуганными, общее моральное состояние фин-

ских войск в картине, несомненно, очень хорошо прочитывалось. Сам же факт деморализации в это время финской армии на Карельском перешейке теперь уже не нуждается в каких-либо доказательствах, поскольку уже хорошо известен исследователям¹⁹. Здесь кадры кинохроники лишь подтверждают мнения исследователей. Более того, советские участники боев, которым ранее также довелось воевать с финской армией еще в т.н. «зимней войне», прямо тогда признавали, что «не тот финн пошел», поясняли же они это тем, что тогда у финских солдат не было «той самоуверенности, упрямства, что были в тридцать девятом – сороковом годах»²⁰. Командир же 90-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. Г. Лященко, части которой наступали на Выборгском направлении, стал, очевидно, тогда четко понимать психологическое состояние войск противника. В своих воспоминаниях он отметил: Накануне штурма Выборга «мне довелось допрашивать пленных солдат и офицеров 20-й бригады полковника А. А. Кемпи. Их ответы сводились к следующему: если Красная Армия разгромила немецкую, какой смысл нам терять людей?»²¹. Именно эта обреченность также читалась и на лицах, запечатленных в кинохронике кадров финских военнопленных.

Весьма любопытными также выглядят и кадры кинохроники, где на экране показываются сохранившиеся после прорыва второй финской линии обороны, укрепленные позиции, занятые уже советскими войсками. Эти укрепления теперь не дошли до нас в таком виде, какими они были в 1944 г., что, несомненно, делает заснятые кинематографистами внутренние помещения финских дотов крайне любопытным источником по дальнейшему изучению данных укреплений в современной отечественной литературе. Не случайно, поэтому, краеведы-любители с таким рвением уже в 2012 г. принялись обсуждать увиденные кадры фильма в Интернете²². Причем, представленные на экране укрепления реально очень похожи на созданные финским командованием в 1942–1944 гг. укрепления в Карелии на берегу Онежского озера в районе Медвежьегорска (Кархумяки), которые сейчас сохранились в значительно лучшем состоянии.

Но особенно примечательным по запечатленному на киноленте материалу, как представляется, стали кадры фильма, отражающие штурм Выборга. Здесь создатели картины постарались уже с хронологической точностью, по часам, отразить события, которые происходили в городе 20 июня. На экране все показано с самого начала проведения этой операции советскими войсками, начиная с двух часов дня, когда наступающие

приступили к штурму города. В результате кинодокументалистам удалось тогда заснять практически все этапы этого штурма.

Причем вначале операторы достаточно четко фиксировали боевые действия советских частей прямо в непосредственных предместьях Выборга. Очевидно, что здесь им довелось заснять такие события, о которых даже еще не догадывались в самом финском командовании. О том драматичном для военного руководства Финляндии периоде затем рассказал в своих воспоминаниях начальник оперативного отдела Ставки финской армии полковник В. К. Нихтиля. Он уже после войны сообщил о достаточно парадоксальной вещи. По его мнению, тогда в Ставке узнали о появлении советских частей на улицах Выборга раньше, чем в руководстве V-го корпуса, части которого, собственно, и должны были оборонять город.

Как вспоминал Нихтиля, финская разведка 20 июня, прослушивая радиообмен между советскими танками, которые двигались на выборгском направлении, перехватила радиogramму одного из командиров танка, наступающего в первом эшелоне советских войск. Он сообщал: «Вступил в Выборг и намерен двигаться дальше...» Мы несколько оторопели, – отметил финский полковник. – Я позвонил тогда генералу Свенссону, который был командиром V-го армейского корпуса... и спросил у него: «Знаете ли Вы, что русские в Выборге?» Он не поверил и стал выяснять. Через некоторое время он сам уже мне позвонил и сообщил: «Да, действительно, это так»²³.

На самом деле, ситуация в финских войсках, находящихся в Выборге, была тогда для них близкой к катастрофе. Стремительно наступавшие советские части сходу ворвались в город. В уличных боях им пытались оказывать непосредственное сопротивление подразделения 20-й бригады финских войск, которой командовал полковник А. А. Кемппи. Из воспоминаний военнослужащих этой бригады четко вырисовывается картина общей неразберихи и паники, которая в это время царил в боевых порядках обороняющихся частей.

Так лейтенанта штаба этой бригады Венескари, в момент разгара боев за город, для выяснения обстановки вынуждены были срочно направить из штаба корпуса в восточную часть Выборга, где он, собственно, сам лично затем столкнулся с советскими танками²⁴ и смог, таким образом, подтвердить сведения, поступавшие по линии разведки финскому командованию. Но самым печальным для этого лейтенанта стало уже

его возвращение в штаб бригады, который располагался в подвале банка в центре города на площади Пуунайсенляхтеен (нын. наз. Красная площадь – В. Б.). Там этого штаба он просто не обнаружил. В штабном помещении находился лишь только командир бригады полковник Кемппи, который выслушал его сообщение, а затем мрачно сказал: «Никакой я больше не командир. У меня нет бригады. Штаб тоже эвакуирован». Как подчеркнул далее Венескари, «в это время советские танки вели уже огонь вдоль улицы», где ранее располагался штаб бригады²⁵. Кемппи и Венескари ничего не оставалось, как срочно отправиться пешком из центра города в направлении Выборгского замка, уходя, таким образом, в сторону Финляндии. Сам же этот переход видимо глубоко врезался в память Венескари, поскольку, как он вспоминал, на пути их встречали отдельные финские военнослужащие, которые просто не знали, что им сейчас делать. Так, как припоминает Венескари, один раненый солдат прямо обратился к Кемппи с вопросом: «Господин полковник, где следующая линия обороны?». Ответ был обескураживающим: «На Торнийоки! Следуйте прямо к Торнийоки!»²⁶. То есть командир бригады советовал уже отступить к границе со Швецией.

В целом, у самого А. А. Кемппи тоже явно наблюдалось отсутствие реального представления о происходивших тогда в городе событиях. Единственный его приказ, который был четко выполнен, заключался в спуске с башни Выборгского замка финского флага. Это произошло 20 июня уже в 17.00 (московского времени). Причем, как вспоминает прапорщик Ёокинен, который исполнил это распоряжение и доложил об этом полковнику, получил лишь раздраженный ответ, что «после этого он уже не является полковником»²⁷. Действительно, впоследствии Кемппи предстал перед военным трибуналом и был арестован²⁸, что показывает явное недовольство действиями этого офицера в финском военном руководстве.

На кадрах же кинохроники можно со всей определенностью наблюдать, как советские войска в режиме реального времени ведут бои за Выборг. В фильме фактически присутствует настоящая кинодокументальная фиксация происходивших тогда событий, связанных с боевыми действиями в узнаваемых районах города, в частности, на Рыночной площади у Круглой башни и вдоль Крепостной улицы. Причем, благодаря мужеству операторов, зритель явно может ощущать происходившие тогда здесь конкретные боевые действия.

В итоге, фильм получился правдивым, вместив в себя все этапы наступательной операции и отразив исторический ход произошедших

там событий. Единственным, как представляется, недостатком данной работы советских кинодокументалистов стала некоторая его загруженность обилием показа достаточно однообразных жанровых, батальных сцен и, возможно, иногда не совсем четких картинок, заснятых операторами сюжетов.

Тем не менее, это можно полностью оправдать тем, что, как представляется, стало наиболее важным для анализа этой работы. В фильме оказалось весьма мало т.н. «постановочных сцен», снятых уже после произошедших событий и лишь разыгрываемых военными 21-й армии. Операторы буквально вместе с войсками участвовали в наступлении, снимая происходившие события, как поется в известной песне о военных журналистах того времени – «с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом», нередко запечатляя весьма выразительные картины. Это создало элемент достоверности показываемых на экране событий. Но это одновременно создавало и определенный элемент драматургии. Как в отношении этого фильма совершенно верно отметил известный режиссер И. П. Копалин: «...Мы видим развитие действия. Начинаются разведка, бой, сражение, результаты боев, и мы видим финал этого действия. Здесь очень явная драматургия, – подчеркивает он, – и она появилась не случайно, так как поиски признаков жанра привели к тому, что удалось угадать драматургическое построение фильма»²⁹.

Это был, естественно, колоссальный труд, но в результате получилось так, что в фильме тема героического, что, несомненно, было очень важно для показа в тот период, оказалась неотделимой от будничного, а пафосное вовсе не противоречило человеческому. Таким образом, создатели фильма добились того, что все традиционные компоненты документального кино — монтаж, фотография (которая также в фильме присутствует), дикторский текст и музыка создавали элементы единого целого и очень удачно дополняли друг друга. Сама же эта документальная картина была выполнена на весьма высоком уровне с точки зрения комплекса проделанной работы.

В целом, достигнутый результат был получен, несомненно, еще и благодаря тому, что к созданию этой ленты был привлечен очень сильный состав кинодокументалистов. Наряду с уже очень хорошо известным режиссером Ю. Райзманом, ему помогали еще три режиссера: Н. Шпигоковский, Э. Волк, М. Егоров. Над созданием фильма также трудилось 23 оператора (!!!), которые непосредственно должны были фиксировать все происходившие с 10 по 20 июня 1941 г. на Карельском перешейке

события. В итоге, над картиной непосредственно работало 40 человек, т.е. весьма большой творческий коллектив. Причем, что было очень важно, к этому времени советские документалисты уже накопили богатый опыт создания хроники боевых действий, поскольку считается, что за время войны кинооператоры засняли свыше 3,5 млн. м. пленки.

Таким образом, фильм, несмотря, может быть, на достаточно пафосный дикторский текст, стал реальным документальным источником о боевых действиях на Карельском перешейке, а само это наступление было хорошо кинофиксировано. Любопытно, что кадры части заснятых тогда кинематографистами жанровых сцен затем стали использоваться как достаточно известные фотографии, которые затем публиковались в практически всех научных изданиях, посвященных сражениям, происходившим в июне 1944 г. на Карельском перешейке³⁰. Кроме того, уникальность выполненной работы дополняется еще и тем, что, фактически, в Финляндии, по понятным причинам, не нашлось даже похожей с этим фильмом хроникально-документальной базы для отражения происходивших тогда событий.

В итоге картина стала исторически верным документальным источником, отразившим «красивую операцию» советских войск, запечатлев реальный успех советской армии в наступлении на Карельском перешейке.

Не менее важным элементом, удачно примененным в ленте «К вопросу о перемирии с Финляндией», также стал еще международный фон проведения данной операции. Объективно, здесь была осуществлена удачная попытка, с помощью кинохроники, впервые представить то, как видели советско-финляндские отношения в СССР. Особый интерес при этом заслуживают редкие документальные кадры, где показан процесс подписания соглашения о перемирии с Финляндией 19 сентября 1944 г. Единственным художественным отклонением от исторической истины в этой части картины является сюжет, запечатлевший на ленту прибытие руководителя финской делегации в Москву для подписания соглашения о перемирии. На самом деле здесь показана лишь заключительная часть самих переговоров. В действительности, прибывшую в СССР 7 сентября финскую делегацию возглавил премьер-министр А. Хакцель, который, однако, в результате очевидных переживаний по поводу проходивших тогда в Москве переговоров, серьезно заболел. У него вечером 14 сентября случилось кровоизлияние в головной мозг, от которого он затем больше не оправился³¹. В фильме же показано, как в Москву 16 сентября прилетает новый глава финляндской делегации министр иностранных

дел Финляндии К. Энкель. Это был тот самый человек, который за 27 лет до этого, в декабре 1917 г., в Смольном получал из рук В. И. Ленина декрет о признании Россией независимости Финляндии. Это тоже не преминули сказать в закадровом тексте картины, правда, отметив ошибочно, что это случилось несколько позже – 25 лет тому назад. Но, несмотря на данную историческую неточность, общая параллель с происходившими ране событиями была сделана весьма кстати. Именно К. Энкелю предстояло поставить свою подпись под документом, который означал выход Финляндии из войны на стороне нацистской Германии и который должен был в этот момент открыть новую страницу в ее истории. В данном отношении редкие кадры кинохроники, запечатлевшие происходившие тогда в Москве события, связанные с подписанием соглашения о перемирии, безусловно, заслуживают исторического внимания.

В целом, документальный фильм, созданный около 70 лет тому назад превратился сейчас в важный источник, раскрывающий события участия Финляндии во Второй мировой войне.

¹«К вопросу о перемирии с Финляндией» // http://www.youtube.com/watch?v=2YayEhKfz_w (время обращения – 24.09.2012).

²«Линия Маннергейма» // <http://www.youtube.com/watch?v=TXzfJT0hZMk> (время обращения – 23.02.2013).

³Копалин И. Операторский фронт. Лекция во ВГИКе, 15 марта 1958 года // <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/343/> (время обращения – 26.09.2012).

⁴Райzman Ю. Апрель-май 1945 года // Искусство кино. 1968. № 5.

⁵Бычевский Б. В. Город-фронт. Л., 1967. С. 387.

⁶Там же. С. 401.

⁷Там же.

⁸Одинцов Г.Ф. Покорители огня. Л., 1980. С. 241.

⁹Новиков А.А. В небе Ленинграда. М., 1970. С. 280.

¹⁰Там же. С. 282

¹¹Sotilaiden äänet. Kannaksen läpimurto taisteluista 1944. Yleisradion äänitearkistosta koonnut Paavo Rintala. Hels., 1966. S. 26, 53.

¹²Ibid. S. 29, 37.

¹³Ibid. S. 26, 29, 37.

¹⁴Ibid. S. 53.

¹⁵Бычевский Б. В. Город-фронт... С. 399-401, 403.

¹⁶См.: Борцев С. Н. От Невы до Эльбы. Л., 1970; Бычевский Б. В. Город-фронт...; Лященко Н. Г. Время выбрало нас. М., 1990; Новиков А. А. В небе Ленинграда...; Одинцов Г.Ф. Покорители огня...; Черепанов А. И. Поле ратное мое. М., 1984; Барышников Н. И. Фронт штурмует «Карельский вал» // Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Л., 1968; Барышников Н. И. Штурм «Карельского вала» // История

ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974; *Барышников Н. И.* На защите Ленинграда. Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы второй мировой войны. Л., 1978; *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.-Хельсинки, 2002; *Барышников Н. И.* Феномен фальши: «победа в противостоянии». Финская историография о завершающихся боях лета 1944 г. с советскими войсками // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006; *Барышников Н. И.* Наступление советских войск в 1944 г. на Карельском перешейке и его оценка // Чтения по военной истории: Сборник статей. СПб., 2006; *Барышников Н. И.* Финляндия: из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010; *Барбашин И. П., Кузнецов А. И., Морозов В. П., Харитонов А. Д., Яковлев Б. Н.* Битва за Ленинград 1941–1944. М., 1964; История Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 4. М., 1962; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. М., 1978; *Миронов Н.* Прорыв укрепленного района на Карельском перешейке // Военно-исторический журнал. 1974. № 6; и др.

¹⁷*Барышников Н. И.* Штурм «Карельского вала»... С. 390.

¹⁸*Астафьев А., Мосунов В., Никитин В.* Архипелаг в огне. Десанты на островах Бьерке и Выборгского залива летом 1944 года. СПб., 2012.

¹⁹За 14 дней отступления из финских частей дезертировало 24 тыс. солдат, что составляло 4,5 процента всех войск и было равнозначно по численности двум пехотным дивизиям. См.: *Барышников В. Н.* Оценка в финской армии советского наступления на Карельском перешейке 10–20 июня 1944 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 185.

²⁰*Лященко Н.Г.* Время выбрало нас... С. 379.

²¹Там же.

²²См.: Окрестности Петербург: Новости, анонсы – К вопросу о перемирии с Финляндией. 1944 год (док.фильм) // http://www.forum.aroundspb.ru/index.php?t=msg&th=12891&goto=129055#msg_129055 (время обращения – 24.09.2012).

²³*Sotilaiden äänet.* S. 309.

²⁴*Ibid.* S. 317–318.

²⁵*Ibid.* S. 318.

²⁶*Ibid.* S. 319.

²⁷*Ibid.* S. 317.

²⁸*Тамми Э.* Почему Выборг не собирались удерживать в 1944 году // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2008. С.168–169.

²⁹*Копалин И.* Операторский фронт...

³⁰*Moštšanski I.* Kannaksen suurhyökkäys 1944 venäläisin silmin. Hels., 2010; Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. СПб., 2005; Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ 1864–1999. СПб., 1999; История Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 4. М., 1962; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. М., 1978; и др.

³¹См.: *Polvinen T.* Suomi kansainvälisessä politiikassa. Os. II. Porvoo; Hels.; Juva, 1980. S. 119.

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА В. И. ЛЕВЕНШТЕРНА

Ценнейшую информацию о внутренней жизни армии Наполеона, об организации работы наполеоновского штаба, о самой личности французского императора дают записки русского офицера В. И. Левенштерна.

Левенштерн Владимир Иванович (Вольдемар Герман) (1777–1858) был русским офицером родом из остзейских немцев. Он поступил на службу в 1793 г., вышел в отставку по болезни в 1802 г. с чином ротмистра. Когда его жена в свою очередь тяжело заболела, чтобы пройти лечение у лучших врачей Левенштерн и его супруга совершили путешествие в Европу. В 1809 г. они оказались в Вене, где жена Левенштерна скончалась в результате перенесённой операции. В этот момент французская армия вступила в Вену. Пользуясь тем, что Россия и Франция находились в союзе, Левенштерн, чтобы отвлечься от тяжёлой утраты, попросился на службу в штаб французской армии волонтёром. Этот момент подробно описан автором в приведённом отрывке из его мемуаров.

В 1812 г. Левенштерн возобновил свою службу в Русской армии, поступив в звании майора в качестве адъютанта к Барклаю де Толли. Принял участие в кампаниях 1812, 1813 и 1814 г. В 1828 г. был произведён в генерал-майоры, вышел в отставку в 1838 г.

Левенштерн писал свои записки на французском языке. Их перевод был опубликован в журнале «Русская старина»: 1900 г. № 8–12, 1901 г. № 1–8, 1902 г. № 7. Записки на французском языке были опубликованы также в Париже в 1903 г.

Французская публикация мемуаров имеет большие лакуны. Что же касается русского перевода, он сделан с грубейшими ошибками. Так в переводе в журнале «Русская старина» можно прочитать следующую

фразу: «Несмотря на огромные повинности, коими была обложена Вена, в ней соблюдался строгий порядок. Бывали конечно злоупотребления, но они преследовались. **Я приказал расстрелять одного французского кригс-комиссара**, который позволил себе притеснять жителей».

Читатель может только изумиться, каким образом отставной русский офицер, волонтёр во французском штабе, мог, походя приказать расстрелять «кригс-комиссара», иначе говоря, военного комиссара, высокопоставленного чиновника, приравнивавшегося по положению в армейской иерархии к старшему офицеру! Оказывается, что авторы перевода совершили чудовищную ошибку. Французское: «Je vis fusiller» (**я видел как расстреляли**) переводчик прочёл как «Je fis fusiller» (**я приказал расстрелять**)!! Так как весь текст переполнен подобными нелепостями, автор данной публикации обратился к подлинной рукописи Левенштерна, которая хранится в рукописном фонде РНБ.

В результате, чтобы восстановить истинный вид документа, был сделан новый перевод, который и предлагается вниманию читателей. Разделение по главам дано в соответствии с текстом рукописи. Главу XIII мы представляем с сокращениями, так как она посвящена в основном семейным делам Левенштерна. Зато всё, что касается службы автора во французском штабе и его наблюдения за Наполеоном даны впервые в точном переводе.

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА В. И. ЛЕВЕНШТЕРНА

Глава XIII

В Вене мы остановились в отеле Императрицы австрийской; несколько дней спустя, я снял квартиру напротив церкви св. Петра в доме, носившем название Всевидящего ока. Это показалось мне добрым предзнаменованием.

В Вене я имел удовольствие встретить моего кузена барона Годхарда Будберга с его женой. Они жили здесь уже несколько месяцев и приняли нас самым любезным образом. Они были для нас друзьями и поддержкой.

Моя жена хорошо перенесла утомительное путешествие и мало-помалу окрепла; мои нервы также успокоились; на них благотворно поде-

йствовал однообразный стук экипажных колес. Я думал, что мы еще можем быть счастливы.

Я отдался удовольствиям, которые могла дать Вена. У меня были рекомендательные письма к графу Андрею Разумовскому, закадычному другу моего тестя, который принял меня как нельзя любезнее.

Я был представлен послу Франции, графу Андреосси¹, образованному человеку редких достоинств, который содержал к тому же свой дом на широкую ногу. Меня представили графу Рейхбергу, послу Баварии, графу Берольдингену, послу Вюртемберга, графу Гогендорпу, послу Голландии и маркизу Альфьери. Званные обеды и вечера непрерывно следовали один за другим.

Молодая графиня Кувенховен, урожденная Левенштерн, познакомила мою жену с графиней Стадион и другими дамами.

Граф Варжемон, камергер нашего двора, посетил нас, и был нам очень полезен в организации нашего дома, порекомендовав нам шеф-повара графа Кобенцеля, и кроме того внёс свою лепту в организацию замечательных и вкусных ужинов, которые мы давали. Граф помогал всем русским в Вене, которые принимали у себя гостей и которые имели карету в своём распоряжении. Он ездил в моей карете чаще, чем я, так что мы оба получали выгоду.

Посол Франции и некоторые члены дипломатического корпуса были нашими частыми гостями. В их обществе моя бедная Натали почти забыла о своей меланхолии.

Так как здоровье не позволяло ей сидеть позднее 10-ти часов, то графу Андреосси пришла счастливая мысль написать мелом на зеркале крупными буквами: «приказано расходиться по домам в 10 часов», так что, всякий, взглянув в зеркало, хотя бы мимоходом, невольно прочитывал эту фразу.

Заехать к нам посидеть часок-другой, прежде нежели ехать куда-нибудь на вечер или на бал, вошло в моду, и мне было довольно трудно поддерживать равновесие между обилием посетителей и теснотой нашего помещения.

(...)

По прошествии двух месяцев, Натали, казалось, вполне оправилась. Радость и счастье снова посетили наш дом, но, к сожалению, это продолжалось недолго. Появились симптомы более опасные, и уже на выздоровление ее не было никакой надежды! Она скончалась на моих руках в

страшных страданиях. Я остался совершенно один на свете, удрученный этим ужасным горем, не имея с кем разделить его.

Глава XIV

Занятие Вены французами в тот самый момент, когда моя жена была при смерти, придало этому горестному для меня событию еще более зловещий характер.

Во время бомбардировки, продолжавшейся всю ночь², один из снарядов, брошенных французами, попал в дом Ветцлара на Мельмаркте, где мы жили. Произведенный этим шум и волнение, крики: «пожар», бегство других жильцов, так напугали мою жену, что это ускорило ее смерть. Впрочем, ее состояние было таково, что врачи считали ее смерть благодеянием. Ее тело было набальзамировано тем же химиком, который бальзамировал маршала Ланна, герцога Монтебелло, и положено в часовне, в ожидании того, когда события позволят перевезти его на родину, в склеп, где покоились ее предки.

Венское духовенство не разрешило мне поставить ее тело в часовню, но я обратился к графу Андреосси, только что назначенному генерал-губернатором Вены, и духовным лицам пришлось уступить силе. Флигель-адъютант императора Александра I полковник Горголи и молодой и блестящий Чернышев³ были так добры, помогли мне отдать последний долг усопшей.

Они и граф Витт, с которым я был издавна дружен, употребили все свое старание, чтобы вывести меня из того бесчувственного состояния, в какое меня повергла кончина моей бедной Натали. Они советовали мне искать утешение на поле битвы и воспользоваться политическими обстоятельствами, чтобы принять участие волонтером в военных действиях Наполеона.

Опасность, с какою это было сопряжено, соблазнила меня; я уже смотрел на смерть равнодушно, я смотрел на нее скорее как на благо, так как она дала бы мне возможность соединиться вновь с дорогим существом, которого я лишился.

Как раз в это время в главную квартиру Наполеона прибыл генерал-адъютант князь Павел Гагарин⁴.

Я был знаком с ним еще в то время, когда он состоял в чине капитана при главной квартире князя Репнина в Гродно, и очень сошелся с ним, как с человеком очень умным и приятным. Он быстро сделал карьеру благо-

даря своему браку с красавицей княжною Гагариной⁵ и особому благоволению императора Павла, я потерял его из вида. Встретившись с ним в главной квартире Наполеона, я убедился, что он все еще был добрым и сердечным человеком, каким я знал его в Гродно.

Он представил меня принцу Невшательскому, обер-гофмаршалу Дюроку⁶, графу де Шампани⁷, министру иностранных дел, и герцогу де Бассано и испросил разрешение, чтобы я принял участие в кампании в качестве волонтера.

Наполеон изъявил согласие на мою просьбу. Я присоединился к графу Витту, который был причислен к той же категории, и мы вместе стали снаряжаться к войне; у графа Витта была по истине царская конюшня; поэтому выбор лошадей не представлял для нас ни малейшего затруднения; мы обзавелись лучшими лошадьми, нежели многие французские генералы, и они были конечно не хуже, нежели лошади щегольских адъютантов принца Невшательского и ординарцев Наполеона. Мы приняли участие в походе и участвовали в сражениях при Асперне, Ваграме, Голлабрунне и Цнайме.

Глава XV

Первый блестящие победы были одержаны Бонапартом в Италии: его имя было у всех на устах! Он пробудил усыпленные умы и сумел привлекать все взоры.

Мне было очень любопытно видеть и наблюдать этого необыкновенного человека вблизи, в особенности в день битвы.

Его изумительная карьера, его выдающиеся военные подвиги, достопамятные походы, совершенные им в Италии, войны 1800, 1805 и 1807 гг. так мало походили на все виденное до тех пор, что мое любопытство было вполне простительно; видеть его вблизи было весьма поучительно.

Бонапарт принадлежит истории; ей придется выяснять необычайные качества, коими был одарен этот человек. Современнику трудно исполнить эту задачу, но он может изложить ясно и главное правдиво те события, в коих ему пришлось быть участником, и отметить некоторые особенные черты, присущие Наполеону, которые ему довелось самому наблюдать или о которых ему пришлось слышать.

Я не имею намерения, и даже возможности рассматривать с научной точки зрения вопросы, касающиеся военных действий; я хочу только высказать о них свое суждение. Каково бы оно ни было, оно может

пригодиться со временем как материал для исторического исследования и может представить некоторый интерес потому, что оно высказано искренно и беспристрастно.

Политические события находятся всегда в тесной внутренней связи с действиями армии и имеют огромное влияние на судьбу отдельных личностей. Со времени революции политика европейских держав никогда не шла рука об руку с политикой Франции, и поэтому нельзя было предполагать, что мне представится когда либо случай видеть этого замечательного человека, в особенности в день битвы. Это могло случиться лишь в виду тех чрезвычайных, выдающихся событий, какие народам Европы пришлось испытать.

Тильзитский договор и Эрфуртский конгресс доставили мне этот случай.

Франция расширила пределы своих владений и увеличила число своих союзников. Из смертельных врагов Наполеона мы делались его союзниками. История с трудом поверит этому.

Когда началась война Франции с Австрией, князь Сергей Голицын был назначен командующим корпусом, который должен был действовать в Галиции против наших бывших союзников.

В главную квартиру Наполеона был послан один генерал-адъютант (князь Гагарин) и несколько флигель-адъютантов русского императора: следовательно, можно было принять участие в походе французской армии, не нарушая этим приличия и не оскорбляя общественного мнения, что я и сделал.

Французская армия, в ее тогдашнем виде, без сомнения, могла считаться образцовою. Великие таланты, находившиеся в этой армии, их многочисленные подвиги храбрости и сражения, в коих участвовала эта армия, представляли обширное поле для наблюдения.

После испытанного мною несчастья, мой ум был склонен к серьезным размышлениям. Я мало делился своими мыслями, но много наблюдал. Мне хотелось в особенности изучить Наполеона. Он один был достоин самых серьезных размышлений, как в отношении его оригинальной личности, так и в силу его многочисленных и разнообразных военных операций.

Выдающиеся качества, коим он был обязан своему возвышению, усиливались в день битвы величественной картиной этого зрелища, которое заставляло позабыть все его недостатки. Нам не известны многие весьма

важные подробности о действиях неприятельских армий; ни в бюллетенях Наполеона, ни в австрийских бюллетенях не следует искать правды.

Передавая их буквально, мы представили бы события в ложном свете, и это дало бы впоследствии повод ко многим ошибочным выводам. Но, описывая события по своим личным наблюдениям, не руководствуясь ничьим посторонним мнением, не отдавая предпочтения ни той, ни другой армии, можно льстить себя надеждою, что рассказ об этих событиях будет любопытен если не по изложению, то по его беспристрастию и по некоторым подробностям, доселе быть может неизвестным.

Я не упустил случая все видеть и собрать обо всем самые обстоятельные сведения; но, клянусь Богом, я не имею притязания написать сочинение безупречное: я ручаюсь за одно, — что мой рассказ будет изложен добросовестно.

Глава XVI

После объявления войны, в 1809 г., Наполеон быстро одержал ряд побед, которым он был обязан своему выдающемуся гению и которые привели его армию к воротам Вены.

Император Франц II, вся императорская фамилия и все высшие сановники выехали из города. Эрцгерцог Максимилиан остался в Вене, чтобы защищать столицу.

Генерал Гиллер, командовавший арьергардом австрийской армии, отступал перед победоносной армией Наполеона, по большой дороге, идущей в столицу из Браунау, между тем как эрцгерцог Карл приближался к Вене с главными силами своей армии, спускаясь с Богемских гор.

Появление корпуса Гиллера несколько ободрило упавших духом венцев. Жители столицы соперничали друг перед другом, чтобы встретить подобающим образом этих храбрецов, лица которых, потемневшие от загара и пыли, имели внушительный, воинственный вид. Они стали бивуаком на улицах и городских площадях, где им были розданы в изобилии съестные припасы и вино.

На площади перед замком расположилось шесть великолепнейших батальонов венгерских гренадер самого воинственного вида. В городе все волновались и только говорили о том, что надобно защищаться до последней крайности. На валах была поставлена гвардия, жители просили выдать им оружие и отправились за ним в арсенал. Им были розданы ружья и патроны. Горе тому, кто позабыл бы прицепить к шляпе

австрийскую кокарду или, будучи в состоянии носить оружие, не имел бы ружья на плече.

Я причислился из любопытства к числу сражающихся, и просил также дать мне ружье. Я встал на посту на валу, называемом Бастион «la Bastey», который служит в хорошую погоду местом прогулки для лучшего общества города Вены.

Мне хотелось самому видеть и наблюдать своими собственными глазами, до какой степени может дойти энтузиазм народа. Но я вскоре убедился, что у добрых венцев он бывает не особенно продолжителен.

С наступлением ночи, когда жареные цыплята, которых истребляют в Вене в таком огромном количестве, были все съедены, умы успокоились и все разошлись по домам.

Я также бросил ружье и стал простым зрителем событий, которые следовали одно за другим с удивительною быстротою.

Наполеон потребовал, чтобы город сдался, и, получив отказ, приказал тесно обложить Вену, возвести батареи и бомбардировать столицу.

Эрцгерцог Максимилиан выехал из города ночью, предоставив его своим собственным силам. Князь Людвиг Лихтенштейн, тяжело раненый, остался в Вене. Генерал О'Донелл принял командование войсками.

Бомбардировка продолжалась всю ночь: несколько домов было сожжено. Первым запылал большой дом на Грабене, называемый Траттнерхоф. Дом, в котором я помещался, также не был пощажён.

На улицах царствовала полнейшая тишина.

Жители не смели выйти на улицу, опасаясь быть ранеными осколками бомб; солдаты жались к домам со стороны, противоположной неприятельским батареям; зрелище было довольно грустное и зловещее: одни только пожарные проявляли большую деятельность и исполняли свой долг без шума, действуя смело и безукоризненно.

В четыре часа утра бомбардировка прекратилась. Я вышел на улицу, чтобы составить себе понятие об опустошении, произведенном в городе, и к величайшему моему удовольствию, увидел, что пострадали только одни оконные стекла и что благодаря стараниям пожарных, обгорело всего несколько крыш.

Я разыскал некоторых знакомых, которые спрятались в подвалы, и убеждал их выйти из этих сырых помещений, уверяя, что опасность миновала; что французы займут по всей вероятности город, который не имел никаких средств к защите, ибо иначе он будет превращен в груду развалин. Действительно, в 11 часов бомбардировка возобновилась, но в

полдень была подписана капитуляция, и в два часа французы вступили в Вену.

Глава XVII

Способ, коим совершилась эта оккупация и вступление войск в Вену, был настолько характерен, что он обратил мое внимание, и по моему мнению был превосходно рассчитан по характеру жителей Вены.

Я отправился на площадь перед замком, неподалеку от ворот, называемых Бургтор. Оттуда я мог всё видеть и всё слышать.

Прежде всего, в воротах появился маленький французский барабанщик, нечто вроде гамена в мундире. Он шел один, держа в руках большое письмо, которое он нес так, чтобы его было заметно, и чтобы нельзя было ошибиться на счет свойства данного ему поручения. Его схватил офицер городской стражи и повел к австрийскому коменданту.

Несколько минут спустя явились два изящно одетых молодых французских офицера; можно было подумать, что они шли с визитом, а не из неприятельского лагеря. Одного из них звали Марбёф, и я познакомился с ним впоследствии. Они шли под руку, как будто гуляли. Сказав несколько слов офицеру, командовавшему постом, они прошли далее, весело болтали между собою, вежливо кланялись дамам, спросив встречного на прекрасном немецком языке, который час, поблагодарили и прошли дальше. Вслед за ними явилось четыре гвардейских гренадера без ружей; они вошли в кафе, начали играть на бильярде, заплатили вперед за все, что потребовали; вели себя тихо и благопристойно.

Народ был весьма изумлен тем, что неприятель считал себя, по-видимому, в совершенной безопасности; волнение, царствовавшее в толпе несколько минут перед тем, сменилось величайшим спокойствием.

Вслед за этими веселыми солдатами, игравшими на бильярде, вступил небольшой отряд артиллеристов. Ни у кого не спрашивая дороги, он направился прямо к арсеналу, который был им занят.

Затем в город вступил батальон гренадер и занял вместе с городской стражею большую гауптвахту перед замком. Наконец прибыл граф Андреосси, назначенный генерал-губернатором Вены. Он сошел с лошади у самого замка и занял комнаты императрицы. Вслед за ним приехал главный интендант граф Дарю, который поместился также в замке.

Корпус маршала Ланна, герцога Монтебелло⁸, вступил в город с развращенными знаменами и с барабанным боем. Корпус Массены последовал

за ним, и затем в город устремились подобно потоку отряды французов, которые шли непрерывно один за другим. Тут жители убедились с запозданием, что кротость и скромность, выказанные французами в момент их вступления в город, имели целью только испытать народ, взглянуть, как он будет держать себя, что можно от него ожидать, и велики ли его энергия и отчаяние.

Главная квартира Наполеона находилась в Шёнбрунне. Гвардия расположилась в окрестностях этой императорской резиденции.

Я нанял, еще до вторжения французов, для себя загородный дом близ Шёнбрунна, в деревне Хитцинген и к моему величайшему неудовольствию был выселен оттуда гренадерами старой гвардии. Они без церемонии заняли мой дом и когда я зашел туда по окончании оккупации, чтобы посмотреть, какая участь постигла мою мебель, то я увидел с сожалением, что французы поставили в гостиной на стол бочонок вина и употребляли его так, как мы употребляем ведёрко с пуншем, распевали песни и не обращали ни малейшего внимания на мое изумление. Я поступил как мудрец, удалился, не сказав им ни слова, и более не возвращался в этот дом.

Так как я был хорошо знаком с генералом графом Андреосси, в то время когда он был посланником в Вене, то я нанёс ему визит. Он принял меня как нельзя лучше; но, несмотря на свою скромность, не удержался, чтобы не заметить, что он принимает меня в тех самых покоях, где два месяца перед тем мы были вместе с ним на приеме у императрицы.

Мне не понравилось это замечание, и я отвечал, что разумеется в то время никто не мог предвидеть подобного бедствия.

— Вы правы, — сказал он, — это большое несчастье, но, по правде сказать, не стоит пытаться поднять дубину Геркулеса, когда на это не хватает сил.

Он пригласил меня поужинать вместе с ним. Роскошь и изысканность, царствовавшая два месяца перед тем за столом бывшего посланника, сменились самой скудной трапезой как это принято за столом австрийского императора. Посуда была украшена австрийскими императорскими орлами, лакеи носили ливрею австрийского двора, но вина были не с берегов Гаронны и Роны, как прежде.

Стол был накрыт на 40 персон, но нас было всего 12 человек, в том числе было несколько генералов, среди них выделялись Лагранж⁹ и Вальтер¹⁰. Все остальные были типичными военными и издалека в них было видно солдафонство. Они вошли в помещение, не снимая своих шляп и

меховых шапок, никому ни поклонились, говорили друг другу «ты» не будучи при этом друзьями, и не могли сказать двух слов, не вставив какое-нибудь крепкое выражение.

Зато генерал Лагранж показался мне очень обходительным человеком, и я много беседовал с ним. Генерал Вальтер командовал тяжёлой гвардейской кавалерией. Этот человек по своему виду был настоящий конный гренадер, но уже несколько отполированный в императорских салонах. Как говорили, Наполеон весьма его ценил. Генерал Лагранж познакомил меня с полковником Беркхеймом, командиром 1-го кирасирского полка и с полковником Лепотром, командиром 9-го кирасирского полка.

Беркхейм был в Петербурге вместе с Коленкурром во время его первого приезда в Россию; он вспоминал с удовольствием о тех, с кем познакомился. Он посещал дом моего тестя и подружился со мной. С тех пор мы часто виделись. Он оказался мне очень полезен, так как ставил меня в известность о всём, что происходит.

Я поехал в Шёнбрунн и присутствовал на большом параде, который происходил на замковом дворе. Наполеон присутствовал в сопровождении своей воинской свиты и большого штаба.

Я увидел, наконец, этого замечательного человека — и признаюсь, он не произвел на меня ожидаемого впечатления. Его лицо было мне знакомо по портретам; но я нашел, что он был полнее, нежели его обыкновенно изображали. Его походка была неграциозна, он держал себя слишком просто, в его поступи было мало достоинства. Он находился постоянно в движении, не мог ни минуты простоять на месте, но говорил очень мало; часто нюхал табак и, как будто сгорая от нетерпения, то закладывал руки за спину, то скрещивал их на груди. Не знаю, подражал ли он Фридриху Великому или просто был нетерпелив, но я видел, что он брал табак из кармана, не трудясь достать для этого табакерку.

Возле него стоял принц Невшательский (Бертье); он один носил такую же шляпу, как Наполеон, и мундир без шитья. Наполеон только с ним обменялся несколькими словами.

Парадом командовал генерал Дорсенн¹¹; это был красивый, прекрасно одетый и еще молодой человек, с замечательной военной выправкой.

Во время парада ружейные приемы и церемониальный марш были исполнены с большой отчетливостью; мундиры гвардейских гренадер поражали чистотой и изяществом.

К Наполеону подошли запросто, без всяких предварительных представлений, несколько офицеров и солдат линейных войск и подали ему прошения. Он принял их благосклонно, задал им несколько вопросов, затем, передав их просьбы Бертье, сделал знак, чтобы они удалились.

Доступность, с какою он позволял подходить к нему во время парада, была одним из тех средств, коими он умел снискать любовь армии. Каждому воину было лестно, что он имел право прямо обращаться к монарху, к верховному вождю армии, и высказать ему свои желания и все то, что его волновало.

Эти просьбы нередко оставались без последствий, но надежда уже сама по себе есть счастье; к тому же каждому было лестно, что император обратил на него внимание хотя бы на пять минут. Этот великий человек был большой шарлатан, но его шарлатанство было рассчитано на характер французов и вообще на свойства человеческого сердца.

Князь Гагарин представил меня принцу Невшательскому и гофмаршалу Дюроку. Бертье представил меня в свою очередь Наполеону.

«Что вы делали в Вене?» — спросил император и, не ожидая ответа, так как Бертье уже передал ему о моем желании следовать за главной квартирой, он добавил: «Отлично, вы будете в числе наших».

Я глубоко поклонился. В ту же минуту, приметив Баварского королевского принца, Наполеон подошел к нему и обнял его.

Венские зеваки толпою устремились в Шёнбрунн, чтобы взглянуть на этого необыкновенного человека.

Часовым, которые были расставлены в аллеях, ведших ко дворцу, было приказано пропускать во двор всякого, кто был прилично одет; вследствие этого на парадах была всегда огромная толпа народа, желавшая видеть Наполеона вблизи. Для его личной безопасности не было принято никаких видимых мер.

По окончании парада он сделал общий поклон и поднялся с изумительной быстротою в замок, шагая через две и три ступеньки, так что свита с трудом поспевала за ним.

В одной зале, смежной с его кабинетом, уже был сервирован обильный обед. Приглашённых угощал гофмаршал Дюрок, а Наполеон обедал один с Бертье. Я приглашался обыкновенно на эти обеды, которые более походили на изобильный ужин, так как при этом подавался суп и кофе со сливками.

Отряд гвардейских конных егерей, был всегда наготове сесть на коня по первому сигналу: собираясь выехать, Наполеон никогда не пред-

упреждал о том; «Моего коня!», — говорил он, и это служило сигналом к отъезду, и, действительно, две минуты спустя он уже был на коне. Для него всегда стояла наготове оседланная и взнузданная лошадь.

В тот момент, когда он произносил: «Моего коня», все спешили вскочить на коней, толкали, роняли друг друга, всякая учтивость исчезала. Отъезд императора походил всегда на тревогу, на внезапное нападение неприятеля.

Вскочив на свою арабскую лошадь, он мчался с места в галоп, редко давая себе труд подобрать поводья.

Вследствие этого, однажды случилось, что конь, вместо того, чтобы ехать по дороге, направился прямо в конюшню. Это привело Наполеона в бешенство, и когда один из дежурных конюхов остановил его, император, не сказав ни слова, сильно ударил коня хлыстом пять или шесть раз и затем пустил его своим привычным аллюром.

Он совершал эти поездки с чисто военной целью: производил рекогносцировки, по всем направлениям вдоль правого берега Дуная; между прочим, посещал также остров Лобау. Только однажды он проехал чрез Вену, но не останавливался в городе.

Наполеон часто производил смотры различным армейским корпусам, которые проходили перед ним парадным маршем. Он часто инспектировал артиллерию и парки; его интересовало все, имевшее отношение к армии; он не упускал ни одного случая, чтобы приобрести расположение солдат и офицеров. Поэтому, никакого командира не обожали, так как его.

Предвзятые мнения бывают личными, бывают национальными. И конечно же многие относились к императору предвзято, пропуская каждое его дело через призму, которая часто представляла всё в искажённом свете. Хотя я уважал Наполеона за его таланты, за его изумительное счастье, но не любил его за зло, сделанное Европе, и особенно за то, что он заставил поблекнуть славу нашего оружия. Однако беспристрастие, коим я дал себе слово руководствоваться, заставляет меня сказать, что как предводитель армии он был бесподобен.

Глава XVIII

В Шёнбрунне, в тишине своего кабинета, Наполеон обдумывал план переправы через Дунай и остановился на острове Лобау¹². На рукавах Дуная были сооружены мосты. Все было окончено с изумительной быстротою и с величайшей тайне. В Вене об этом почти не подозревали.

21-го мая армия форсировала наконец Дунай, а 22-го числа произошло сражение при Асперне.

Еще 13-го мая, в день сдачи г. Вены, Наполеон пытался перейти Дунай при Нуссдорфе, но эта попытка не удалась. Пришлось, прежде всего, овладеть островом, названным впоследствии островом Лассаль, который лежит против Нуссдорфа. Понтонеры и моряки гвардейского экипажа высадили на этот остров 1.000 человек, посланных генералом Сент-Илером¹³. Австрийцы энергично атаковали этот отряд, который сражался с изумительной храбростью и погиб в бою.

Во время этого дела, Наполеон попал под ружейный огонь австрийцев; его шляпа была прострелена. Возле него находился в этот момент один только молодой и блестящий Чернышев. Он рассказывал нам впоследствии, что Наполеон пришпорил свою лошадь, чтобы выехать из узости, образуемой в этом пункте берегом. Достигнув плоской возвышенности, которая была вне сферы ружейных выстрелов неприятеля, он сделал вид, будто не он приказал Сент-Илеру послать 10 рот, чтобы сделать попытку переправиться в этом пункте.

Как всегда ловкий политик, он сказал:

— Во всем этом и в понесенной нами потере виноват безумец Сент-Илер. Я приказал ему послать всего 50 вольтижеров.

Эта неудавшаяся попытка заставила Бонапарта избрать для переправы другой пункт, выше Эберсдорфа, приблизительно в двух верстах ниже Вены. Переправа через Дунай совершилась, как я уже сказал, 21-го и 22-го мая.

Французская армия выступила с острова и двинулась по левому берегу Дуная, имея для сообщения с противоположным берегом всего только один понтонный мост, обстреливаемый все время неприятелем. Мост, наведенный через второй рукав Дуная, был разрушен во время сражения — австрийцами; впрочем, благодаря дружным усилиям французских матросов и понтонеров, он был вскоре исправлен. Тем временем, сражение под Асперном началось.

Для того, чтобы разрушить мосты, австрийцы то и дело спускали по течению различные плавучие тяжести, и, несмотря на бдительный надзор понтонеров, 22-го мая были снесены два больших понтонных моста.

Так как французская армия не имела сообщения с противоположным берегом, то в ней вскоре стал ощущаться недостаток в боеприпасах и хотя их подвозили на лодках, но их было недостаточно по сравнению с выпускаемым количеством снарядов.

Матросы и понтонеры, энергия которых возрастала по мере того, как увеличивалась опасность армии, трудились неутомимо над починкою поврежденных мостов; им удалось исправить их после полудня, но мост, перекинутый через первый рукав Дуная, был разрушен вторично, а для его починки у французов не было необходимых материалов.

Австрийцы не знали, как велика была опасность, угрожавшая французской армии, но все же они воспользовались минутою замешательства, чтобы перейти в наступление; французы, у которых уже истощились заряды, употребили со своей стороны невероятные усилия, чтобы вернуться на остров Лобау.

Массена, баловень судьбы, одержавший на своем веку так много побед, покрыл себя и в этот день славою. Ланн, выказавший чудеса храбрости, был смертельно ранен и скончался несколько минут спустя на руках Наполеона.

Наполеон двинул своих кирасир, пожертвовав ими для спасения армии: все поле битвы было усеяно убитыми и ранеными солдатами в латах.

Положение императора было отчаянное, но его звезда еще не померкла. Он приказал с большим хладнокровием уменьшить артиллерийский огонь, чтобы сохранить оставшиеся боеприпасы, и пожертвовал, как я уже сказал, тяжелой кавалерией, чтобы спасти армию, которая успела, отступить на остров Лобау, прикрываемый Массеною, который занял лес влево от острова и храбро выдержал натиск всей австрийской армии.

Самому Наполеону угрожала опасность быть взятым в плен или убитым, чего он едва избежал.

Он переплыл через Дунай в маленькой лодке в сопровождении Бертье, Дюрока, Савари и Чернышева, который был в то время весьма молод, даже младше всех нас в чине, но удостоился особого внимания со стороны Наполеона.

Я решил благоразумно избежать опасности пока не поздно, не имея ни малейшего желания быть убитым австрийцами. Один жандармский офицер взял меня с собою в небольшую лодку, и мне осталось только перейти через мост, который еще не был разрушен, чтобы вступить на остров Лобау, где армия была скучена, не имея никаких средств к спасению. По недостатку перевозочных средств она терпела в течение нескольких дней недостаток в провианте и могла бы очутиться в еще более критическом положении, если бы эрцгерцог Карл, вместо того, чтобы удивляться и радоваться своей победе, прогнал бы отряд Массены из леса, в который

он укрылся, и начал обстреливать остров Лобау. Не подлежит сомнению, что он разбил бы на голову всю французскую армию.

Вследствие отсутствия сообщений, резервам, находившимся на правом берегу Дуная, и армейскому корпусу Даву пришлось бы в таком случае только быть зрителями этого печального события.

Апатия и нерешительность австрийцев спасли и этот раз французов от решительной гибели.

Перейдя с большим трудом мосты и пройдя через остров Лобау, Наполеон расположился в Кайзер-Эберсдорфе и лег спать, предоставив докончить дело маршалам и Бертье.

После всех этих неудач французская армия была до такой степени расстроена, что в некоторых полках осталось под ружьем не более 50 человек. Полковник Беркхейм, командовавший 1-м кирасирским полком, с которым я очень подружился, показывал мне список наличных сил своего полка; у него осталось всего 60 солдат и незначительное число офицеров, способных продолжать кампанию. 9-й кирасирский полк, под командованием полковника Лепотра был не в лучшем состоянии. В общем, вся кавалерия сильно пострадала.

По приказанию Наполеона, кавалерия расположилась на квартирах в окрестностях Бадена. Пехота заняла хорошо построенные бараки, которые походили на деревенские дома, крытые соломой. Местные жители должны были доставлять армии все необходимое и горько жаловались на это.

Великолепные дома, дворцы, между прочим, дворец эрцгерцога Карла, были превращены в госпитали. Последний стал госпиталем для французских офицеров. Я вспоминаю, как в роскошных салонах эрцгерцога я навещал брата полковника Беркхейма, который был тяжело ранен. Я делал это по просьбе полковника, просившего поухаживать за братом, и я навещал его столь часто как мог.

Чрезвычайная деятельность, выказанная в сем случае Наполеоном, огромные средства, которые он сумел извлечь из страны и даже в самой Вене, бездействие австрийской армии, — все способствовало тому, чтобы дать ему время и необходимые средства для того, чтобы реорганизовать армию.

В течение нескольких недель французская армия была реорганизована и успела окончательно оправиться; вскоре армия и главная квартира позабыли о всех понесенных ими неудачах и невзгодах.

Глава XIX

Я употребил время, проведенное нами в отдыхе, по случаю приостановки военных действий, чтобы совершить поездку в Баден и его окрестности. Мне сопутствовал полковник Горголи; в Бадене мы посетили графа Витта, жившего там со своей семьей.

В этом городе нашли убежище несколько русских семейств. Я встретил тут, между прочим, графиню Самойлову и познакомился у графини Витт, как с нею, так и со многими французскими офицерами и особенно сошелся с генералом Бордесулем, Арриги (герцогом Падуанским) и графом Уденарде, командиром кирасирского полка.

В компании этих дам и французских генералов мы отправились в Шенау. Мы совершали обыкновенно все поездки в экипажах графа Витта. Французов поражало то обстоятельство, что русский полковник, коим в то время был граф Витт, мог катать нас на своих собственных великолепных лошадях, предоставив одновременно в наше распоряжение коляску, запряженную четверкою в ряд, с русскою упряжью, коляску, запряженную четверкой «à la d'Омон», фаэтон, запряженный парой лошадей в английской упряжи, кабриолет и русские дрожки в одну лошадь с пристяжкой и польскую бричку, с польской упряжью и краковской сбруей. За то граф Витт сумел истратить огромные суммы денег; колоссального состояния его матери, красавицы графини Потоцкой, не хватало на то, чтобы пополнять его траты и сохранить миллионное состояние.

Шенау и его парк слишком хорошо известен, чтобы стоило описывать их прелести; но необыкновенное зрелище представлял бивуак, расположенный во дворе замка, и гиганты кирасиры, занимавшие все близлежащие строения дома. Я должен, однако, отдать справедливость французскому начальству: солдаты ничего не испортили, не помяли даже цветников.

Мы посетили императорский замок Лаксенбург. Повсюду мы видели расположившихся на отдыхе французских солдат, они везде уважали чужую собственность и хотя брали все нужное для жизни, но брали с толком. Французская администрация обставляла все известной формальностью: у вас брали платье, но вам оставляли рубашку.

Я видел, например в Люксембурге, в кабинете австрийского императора, прелестные маленькие картины, которые легко можно было унести, однако, до них никто не дотронулся, точно также, как и до множества

редких и ценных предметов, находившихся в покоях старинного замка, посреди озера.

Мой слуга, уроженец Вены, был менее щепетилен. Он утащил из столовой древних рыцарей очень старинную и любопытную вещь, которую он подарил мне по возвращении из Вены. Как я его ни бранил, но никак не мог убедить этого бывшего венгерского подданного, что эта вещь украдена им у его собственного монарха; он отвечал мне, что там, где неприятель и где война, позволительно брать все, что попадет под руку, а что взято, того не стоит возвращать.

Взятую вещь, — хрустальный поднос с инкрустацией из слоновой кости, нельзя было вернуть, тем более было не время наказывать слугу; но я все же прочитал ему нравоучение, а затем дал ему за поднос несколько дукатов и подарил его моему тестю, графу Тизенгаузену, который вел свое происхождение с 1200 года и которому было приятно иметь вещь, быть может, служившую некогда одному из его предков.

В Вене я часто проводил время с офицерами - ординарцами Наполеона и с адъютантами Бертье. Это был цвет блестящей парижской молодежи: любезные в обществе, они блистали своею храбростью на поле битвы.

Все они жили в доме жены маршала, княгини Любомирской. Я встречал у нее Флао, Монтестье, Фезенсака, Канувиля, Хлаповского, Сент-Эньяна, Уденарде, Монмора, Красинского, Любенского, Порталиса, Перигора, Тюренна, Мортемара¹⁴ и многих других. Беседуя с ними, я имел возможность узнать многие подробности и оценить слабые и доблестные стороны французской армии.

Мы болтали, играли, пели, говорили обо всем; французы люди откровенные. Я заметил однажды этим господам, что их бюллетени очень приукрашены и что события, происходившие на наших глазах, описаны в них далеко не верно.

— Это правда, — сказал де Сент-Эньян, но, если хотите, я скажу вам, какая разница существует между нашими и вашими бюллетенями: мы пишем бюллетени только для парижских зевак и для легковерных людей Европы, но Наполеону мы всегда говорим правду. В ваших же рапортах скрывают правду от монарха, хотя народ догадывается о ней.

В доказательство своих слов, он показал мне донесения, посылаемые Наполеону, и я убедился, что от него не смели скрывать правду и ее говорили императору без прикрас.

У графини Витт я встречал часто графа Красинского и многих других поляков.

Я познакомился с хорошенькой Валевской¹⁵, приехавшей из Варшавы, чтобы усладить тоску Шёнбруннского героя (*Наполеона*); я видел, как она возвращалась, сияя счастьем, когда ей удавалось рассеять думы с чела этого человека, заставлявшего трепетать всю Европу.

Валевскую нельзя было назвать красавицей, но она была очень хорошенькая женщина; в ее фигуре не было изящества, но за то ее глаза были очаровательны, а цвет лица ослепительный. Прибавьте к этому восхитительный рот, очаровательную улыбку, доброе сердце и в особенности страстное преклонение перед ее знаменитым любовником, чего мы, обыкновенные люди, никак не могли понять; но она уверяла нас в этом с такою простотою и искренностью, что нам приходилось из вежливости делать вид, что мы этому верим. Она вышла впоследствии за муж за графа Орнано, молодого и блестящего генерала императорской гвардии.

Если перенестись мысленно в ту эпоху, то легко себе представить, какое обаяние имели в наших глазах все лица, приближенные к обитателю Шёнбрунна, и что чай, который мы пили ежедневно с этой хорошенькой женщиной, до губ которой только что коснулся Бог войны, казался нам вкуснее чая, получаемого нами обыкновенно из Китая.

Она проводила с Наполеоном ежедневно всего один час и рассказывала нам в дружеской беседе у г-жи Витт, что он был с нею любезным в продолжение этих 60 минут, но по прошествии этого времени становился нетерпелив, и тогда надобно было уйти, не выказывая неудовольствия и не жеманясь; он требовал, чтобы с ним были, как говорится, покладисты.

Глава XX

Несмотря на огромные повинности, коими была обложена Вена, в ней соблюдался строгий порядок. Бывали, конечно, злоупотребления, но они преследовались. Я видел, как расстреляли одного французского военного комиссара, который позволил себе притеснять жителей.

Театры были открыты, рестораны всегда были переполнены. Нередко приходилось видеть, что какой-нибудь гренадер сидел рядом с генералом; почтительно вставая при его приближении, сделав под козырек, он садился, требовал шампанского и пил за здоровье своего генерала. Мы удивлялись этой простоте обращения, но французы находили это вполне естественным, а дисциплина и подчинение от этого ни мало не страдали. Французский солдат послушен в строю и беспрекословно повинуетя

командирам; остальное время он считает себя человеком и прежде всего гражданином, гордится этим и пользуется этим по-своему¹⁶.

Отдых, которым армия пользовалась в течение двух недель, можно было сравнивать с спокойствием, предшествующим буре. Наполеон и Бертье обдумывали в это время в тишине кабинета гибель австрийской армии, и быть может монархии.

Наполеон решил еще раз попытаться перейти Дунай, и сам избрал пункт для переправы. Испытанная им неудача показала, как было опасно совершить переправу через такую большую реку в виду армии, которая твердо решила не допускать этой переправы.

Наполеон испытал во время сражения при Асперне, что в состоянии сделать армия, воодушевленная любовью к отечеству и наэлектризованная командующим ею принцем (эрцгерцогом Карлом).

Было интересно видеть эти две армии, коими предводительствовали люди, умевшие воодушевить солдат.

Правила военного искусства требовали избрать для переправы иной пункт; по крайней мере, маршалы так полагали, что Наполеон так поступит. Но либо другого более удобного пункта не было, либо железная воля Наполеона не могла помириться с мыслью, что ему придется отказаться от своего первоначального плана. Как бы то ни было, он упорно стоял на своем и решил, что переправа через Дунай совершится у острова Лобау. Все возражения, сделанные ему по этому поводу, оказались бесполезны. Он хотел взять реванш на том же месте, где он потерпел неудачу.

Приготовления, сделанные им, были столь же грандиозны, сколь смелым было самое предприятие. Для переправы армейских корпусов с Лобау на левый берег Дуная, было построено девять мостов; всего же для переправы войска было сооружено 17 мостов.

Французы нашли в Вене все необходимые материалы, которыми они искусно сумели воспользоваться. Деятельность и распорядительность, выказанная им при исполнении этого предприятия, превосходят всё, что можно вообразить. Со знанием сочеталась железная воля.

Намерение Наполеона не могло быть тайной для австрийцев. Если бы их не предупредили даже из Вены, то шум, производимый рабочими, был слишком велик, чтобы неприятель мог не догадаться о его причине.

За несколько дней до переправы Наполеон начал тревожить австрийцев на всех пунктах, утомляя и обманывая на счет своих истинных намерений. Он расставил на берегу острова Лобау артиллерию самого большого калибра, найденную им в венских арсеналах, чтобы иметь

возможность обстреливать левый берег Дуная и подготовить переправу своей армии, и перенес главную квартиру из Шёнбрунна в Кайзер-Эберсдорф.

Ночь, предшествовавшая сражению, была очень бурная: все время свирепствовал ураган, сопровождавшийся проливным дождем; опасались, чтобы и этот раз половодье не разрушило мосты.

Французская армия, скученная на острове Лобау, перенесла все стойко и терпеливо. В самую грозу 1.500 вольтижеров были посажены на суда и переправлены на противоположный берег Дуная; эта переправа совершилась под наблюдением адъютанта Массены, полковника Лакруа, который покрыл себя славою и был в тот же день произведен в генералы. Наполеон любил немедленно награждать заслуги.

Как только переправились вольтижеры, тотчас были наведены мосты, и Наполеон мог сказать: «Нет более Дуная»¹⁷.

Глава XXI

Мы отправились из Вены рано утром вместе с графом Виттом, чтобы присутствовать при великих событиях этого дня.

Мы нашли князя Гагарина еще в Эберсдорфе; Горголи и Чернышев были уже с Наполеоном на острове Лобау. Мы поспешили нагнать их и прибыли в тот момент, когда Наполеон переходил через последний мост, чтобы оказаться на левом берегу Дуная.

Признаюсь, я был несколько удивлен тому, что генерал-адъютант императора Александра, лицо официальное, не находился возле героя этого дня, и даже высказал Гагарину свое удивление по этому поводу. Он принял мое замечание довольно добродушно; но впоследствии, я имел случай убедиться, что дело, которым мы все интересовались, было ему не по вкусу. Непонятно, как мог император Александр так ошибиться, послав в главную квартиру Наполеона человека столь мягкосердечного и так мало способного быть представителем нашей армии.

Князь Гагарин, человек весьма умный и обходительный, тушевался в блестящей толпе молодых людей, которые воодушевлялись, едва слышав запах пороха. К счастью, Горголи и Чернышев не уступали никому своими выдающимися личными качествами и воинственным огнем, коим горели их глаза.

Я убедил князя Гагарина поспешить к Наполеону; и мы подъехали к нему в тот момент, когда он переходил через последний мост. Смешав-

шись с толпою, князь Гагарин держал себя безупречно; никто не мог заподозрить его антипатию к войне и предпочтение, которое он отдавал ботаническому саду Шёнбрунна, что и было причиною того, что он не принимал участия в интереснейших и поучительных рекогносцировках, которые предшествовали этому великому дню.

Когда Наполеон появился на равнине, на ней уже было развёрнуто огромное количество пехоты. Его приветствовали возгласом: «Да здравствует император!» Саксонская кавалерия развернулась в боевую линию в присутствии Наполеона; он был видимо доволен.

Я увидел тут впервые Бернадота¹⁸, окруженного блестящим штабом; быть может, он уже предвидел в то время видную роль, какую ему пришлось играть впоследствии. Он отличался величественной наружностью и прекрасными манерами; саксонцы, коими он командовал, обожали его. Наполеон, отдавая должное большим способностям Бернадота, однако не любил его.

Он был выслан прямо с поля сражения, выигрышу которого он нимало способствовал. Он прибыл во Францию вовремя, чтобы воспрепятствовать десанту англичан на остров Вальхерен. Его корпус, который так славно сражался и столь способствовал успеху, был поручен другому. Маршал уехал на почтовых, увозя с собой сожаление всей армии и в особенности своего корпуса.

Император поговорил примерно минуту с Даву и Массеной, из коих первый командовал правым, а второй левым крылом французской армии. Оба маршала ускакали в галоп к месту своего командования, чтобы исполнить приказы, которые им только что дал император. Сам же он, отъехал от главной квартиры, которой командовал Дюрок. Её составляли все офицеры-ординарцы, все штабные офицеры, адъютанты принца Невшательского, министры: Шампаньи, Маре и Дарю, отряд жандармов, дежурный эскадрон конных гренадер и эскадрон гвардейских конных егерей.

Императора сопровождал Бертье с двумя берейторами, в мундирах, обшитых галунами. Наполеон объехал в галоп позиции и отдал приказы о движении войск.

Между тем мы все сошли с лошадей и, чтобы лучше видеть движение и позицию неприятеля, взобрались на какое-то полуразрушенное старое строение.

На этой развалине я познакомился с герцогом де Бассано (Маре). Живя в Берлине, он был хорошо знаком с графиней де Брз, урожденной

Левенштерн, моей кузиной, и вспоминал о ней с приятными дружескими чувствами. Он показал мне полученный им из Парижа красивый портрет его жены и детей, с нежностью говорил о ней и о своих детях, не подозревая, как мое сердце обливалось при этом кровью.

Кажется, ему было не особенно приятно очутиться на нашей развалине в своем придворном шитом мундире, тем более, что он провел всю ночь под проливным дождем.

— Император, — сказал он, — промок точно также, как и мы, но он может сменить белье и платье, когда ему заблагорассудится, мы же должны будем находиться при нем, не сменив одежды.

Де Бассано прочитал мне письмо, которое император передал ему с улыбкою и в котором анонимный автор предупреждал Наполеона, что в некоторых пунктах были заложены мины, и что предполагалось взорвать на воздух большую часть французской армии и его самого. Император посмеялся над этим известием, но герцог де Бассано был, по-видимому, очень озабочен, хотя делал вид, что не придает значения этому предостережению. Он вытащил из кармана бутылку превосходного коньяка и дал мне выпить его изрядное количество.

Пока мы разговаривали, Дюрок приказал нам двинуться далее вместе с главной квартирой. Все поспешили слезть с развалин, чтобы побыстрее оседлать коней. Кое-кто упал, и смех был всеобщим.

Я слез одним из последних: так как я был подвержен головокружению, то я никак не решался спуститься со стены, которая была почти отвесна. Граф Тюренн сжалился надо мною и помог мне, переставляя мои ноги из одной расщелины в другую, пока я не соскочил, наконец, на землю. Без его помощи я пожалуй и до сих пор сидел бы на этой стене.

Вскочив на коней, мы поскакали во весь опор, чтобы нагнать Наполеона. Он следовал шагом за наступательным движением армии. Канонада загрохотала по всей линии. День был солнечным, и зрелище битвы незабываемым. Наполеон был спокоен и молчалив. Со всех сторон подскакивали адъютанты с рапортами. Он слушал их и отсылал обратно, отдавая приказы невозмутимо и точно. Если нужно было послать кого-нибудь, он никогда не назначал адъютанта, этим занимался Дюрок, который делал это по заранее составленному списку.

Когда отдельным отрядам надобно было присоединиться к тому или другому корпусу или дивизии, то опять-таки Дюрок указывал, в каком направлении им надлежало идти. Все происходило без суеты и затруд-

нений. Ложное рвение, которое так часто видишь в иных генеральных квартирах, здесь было изгнано.

Чтобы получить награду, недостаточно было исполнять свой долг, надобно было отличиться: храбрость ценилась, но неустранимость удостаивалась особой похвалы. «Благодаря ней, выигрываются сражения», — говорил Наполеон. Протекция только помогала выдвинуться, но, при отсутствии личных качеств, ее было недостаточно для того, чтобы получить незаслуженную награду, и я думаю, нельзя указать ни одного случая, когда крест был получен только благодаря протекции.

Наполеон говорил мало и обращался исключительно к одному Бертье.

В критический момент, когда левому крылу угрожала опасность от натиска австрийцев, Наполеон послал Бертье узнать, в каком положении было дело, и указал ему, как исправить его. При этом было ясно, что именно он, а никто иной руководил действиями армии, и что он ни с кем не советовался и не подчинялся постороннему влиянию, ибо, дав инструкцию Бертье, он сказал: «Хорошо ли вы поняли меня?»

— Понял, ваше величество, — отвечал Бертье.

— Ну, так повторите мое приказание.

Человек, говорящий таким тоном первому генералу своей армии, уверен в самом себе. Не подлежит сомнению, что сражения выигрывал сам Наполеон, единственно благодаря своему гению: Бертье руководил только деталями организации движений армии.

К вечеру была произведена энергичная атака на центр. Саксонцы потеряли при этом множество людей. Наполеон был недоволен Бертье, который сделал, однако более, нежели был в силах.

Приказав направить атаку на центр, император спрыгнул с коня, отошел от нас шагов на 40—50 и стал рвать цветы и пшеничные колосья. Он сделал из них букет, и тотчас его бросил, потом сделал то же самое, наверное, полдюжины раз. Атака была неудачна: поле битвы было усеяно убитыми и ранеными; Наполеон сел снова на лошадь; его лицо было мрачно; все переглядывались молча, никто не произнес ни слова.

Ночь застигла нас на поле битвы; мало-помалу пальба прекратилась с обеих сторон; участь сражения еще не была решена. Наполеон остался со своей гвардией на поле битвы и провел ночь под открытым небом. Деревни в округе пылали, слышались стоны раненых; ночь была темна, а погода тёплая. Темнота еще более увеличивала зловещую красоту зрелища: на горизонте пылали бивуачные огни, и виднелось зарево пылавших деревень.

В главной квартире царствовал невообразимый хаос, но потом всё пришло в порядок. Поначалу же все толпились, лошади лягались, все громко звали своих товарищей, чтобы не потеряться. Не знаю, как Наполеон разобрался в этой неразберихе, ибо не было видно ни зги.

Наши лошади не получали корма в течение 24-х часов. Так как можно было предполагать, что сражение возобновится на следующей день, некоторые из нас решили вернуться в Эберсдорф, где находилась основная генеральная квартира. Там мы надеялись подкрепиться сами и покормить наших лошадей.

Только один Чернышев, которому было назначено отвезти известие о сражении в Петербург, остался при Наполеоне. Без сомнения, несмотря на то, что он был самым младшим среди нас по возрасту и по званию, Чернышёв сумел привлечь внимание Наполеона. Этот великий человек, проявлял большую симпатию к молодому русскому офицеру и не раз её демонстрировал.

Мы покинули поле сражения и направились на остров Лобау. Но в чёрной тьме ночи было трудно ориентироваться, бивачные огни сбивали нас с толку и мешали нам ориентироваться.

Князь Гагарин, человек весьма милый и любезный, был, к несчастью, весьма плохим кавалеристом, он свалился в глубокий ров и едва не убился до смерти. Мы с трудом вытащили его из этой пропасти. С нами были граф Витт, Горголи, граф Канизи, шталмейстер Наполеона, я и несколько других офицеров.

Мы с трудом добрались до первого моста, и каково же было наше приятное удивление, когда мы увидели, что все дороги, построенные на острове, были освещены фонарями, водружёнными на длинные жерди. Два берейтора, мундиры которых были все обшиты золотыми галунами, и коих Савари, временно исполнявший обязанности Коленкура, приставил к нам для личных услуг, много помогли нам при этом.

Едва мы приехали в Кайзер-Эберсдорф, как у нас появилось всё необходимое – продовольствие, напитки, фураж в избытке. То, что мы были русскими офицерами, гарантировало нам хороший приём. Наполеон лично отдал приказы, чтобы нас снабжали всем в изобилии, а Дюроку и Савари поручили позаботиться о том, чтобы эти приказы были выполнены.

Бедный кн. Гагарин так пострадал от своего падения, что ему пришлось возвратиться в Вену.

Глава XXII

Так как ночи коротки в это время года, наш отдых продолжался недолго. Утром мы поспешили нагнать Наполеона. Я старался, прежде всего, изучать этого полководца, так как пушечные выстрелы одни и те же, что при посредственном генерале, что при гении. Мы нашли его вскоре на биваке неподалёку от Расдорфа. Мы застали Наполеона, когда он стоял пешком в синем, а не в сером, как обычно пишут, сюртуке.

Австрийцы уже начали атаку, и скоро канонада загремела по всему фронту.

Наполеон объехал линию расположения своих войск во всех направлениях, но особенно обращая внимание на развитие наступления своего правого крыла. Его левое крыло, которое к этому моменту сражалось без успеха, казалось, его почти не занимало.

Массена присылал одного адъютанта за другим, чтобы сообщить о трудном положении, в котором находился левый фланг. Но император почти не обращал на это внимания. Он даже сказал одному из адъютантов, который прискакал просить подкреплений:

— Скажите Массене, что у меня нет войск в кармане.

С этими словами он вывернул карман и показал, что он был пуст.

— Каждый пусть дерется, как может.

Но мгновение спустя, получив известия об успехе Даву на правом фланге, он сам подскочил в галоп к гвардейской артиллерии и скомандовал громким голосом:

— Всю гвардейскую артиллерию вперёд!

Лористон получил приказ вести её в бой. За артиллерией последовала гвардейская кавалерия, и вскоре адский огонь начался около Адерклаа.

В этот момент я имел возможность, как и ранее в битве под Асперном, понять, что только злые языки могут утверждать, что Наполеон не обладал личной храбростью. На поле битвы он вёл себя, так как должен вести себя великий гений, главнокомандующий занятый тем, чтобы понять действия врага и руководить движениями своей армии.

Я видел, как он располагался повсюду там, где он мог лучше наблюдать за боем и та опасность, которой он подвергался, зависела исключительно от необходимости. Он мог оставаться всё время сражения на удалённой высоте, если оттуда он мог руководить боем, иначе говоря, играть свою партию лучше, чем где-либо. С другой стороны он без колебаний

устремлялся навстречу опасности, если иначе было бы невозможно. Так он поступил под Асперном. Действуя по-другому, он храбрился бы как молодой офицер. Но император шёл навстречу опасности без сожаления и противостоял ей без всякой рисовки. Позади него было убито несколько лошадей, он не обратил на это ни малейшего внимания, и никто не позволил себе указать ему на опасность.

Успех Даву против левого крыла австрийцев под командованием князя Розенберга был решающим и Наполеон объявил, что битва выиграна.

Герцог де Бассано сделал мне знак следовать за ним. И когда я несколько отделился от толпы, ему передали небольшую флягу с ромом и кусок хлеба, которые он предложил разделить со мной. Он сказал:

— Давайте, выпьем теперь глоток. Для вас, военных, дело уже завершилось, а для нас только начинается. И я Вас уверяю, оно будет не менее жарким.

Поле сражения имеет ту прелесть, что оно уравнивает людей. Герцог де Бассано в своём кабинете или просто в Париже был бы наверняка не таким доступным, как на поле боя под Ваграмом.

Наполеон спрыгнул с коня, его лицо было радостным и приветливым. Мамелюк расстелил небольшой коврик, на который лёг император. Из барабанов гвардейских гренадер соорудили пирамиду, чтобы сделать немного тени. День был жарким и солнечным. Четыре гвардейских гренадера встали вокруг императора, чтобы на него не наступили лошади. Генералы, министры и офицеры стояли рядом с его ложем триумфа и отдыха, и вокруг никто не произносил ни слова. Наполеон заснул крепким сном. Было около трёх часов дня.

Его сон был недолгим, так как подвели пленного австрийского полковника шеволежеров О'Рейли, Дюрок разбудил императора. Он приказал подвести пленного, все также лежа.

— Он говорит по-французски? — спросил он Дюрока, и так как он ответил отрицательно, он задал вопрос. Говорит ли пленный по-итальянски?

Это как раз оказался итальянец, и Наполеон говорил с ним на этом языке в течение нескольких минут. Задав ему несколько вопросов, среди которых его особенно интересовало, где находился эрцгерцог Карл, он отправил пленного, порекомендовав Савари хорошо о нем позаботиться.

Он встал и внимательно посмотрел за развитием наступления своей армии. Австрийцы повсюду отступали, и тогда он попросил подать ужин.

В тот же миг прибыли фургоны со всем необходимым. Очень быстро поставили две красивые палатки, и он вошел в одну из них вместе с Бер-

тье и Шампаньи. Как я помню, мы расположились с Монтеские и Дюроком так близко с палаткой Наполеона, что наши головы опирались на тросы, поддерживающие палатку. Мы разговаривали и смеялись во весь голос. Никому, кажется, не мешало наше присутствие. Наши товарищи объяснили нам, что Наполеон даже любит громкую весёлость в своём штабе, и что он скорее обошелся бы без Парижа, чем без веселья.

Французский лагерь не походит на лагеря других армий. Здесь шутка, сказанная вовремя, заменяет провизию, и если француз может болтать и смеяться, он забудет, что он голоден.

Я помню, что Монтеские рассказал о шутке, которую удачно парировала графиня Фюнфкирхен (теперь графиня Эстерхази), урожденная Шёппинг. В Вене продавались платки с планом города и его пригородов. Монтеские купил один из таких платков и сказал ей, что он очень удобный, потому что, находясь на поле боя, можно сморкаться в Вену. Все окружавшие засмеялись.

Тогда графиня Фюнфкирхен, не задумываясь, ответила: «Мы еще больше ценим эти платки, потому что, будучи в Вене можно плевать на Шенбрунн». Как известно, генеральная квартира Наполеона находилась в Шенбрунне. К счастью, этот изысканный, но дерзкий ответ был произнесен в присутствии достойных людей, таких как Флао, Уденарде, Порталис, и сам Монтеские, так что никто ничего не сказал Наполеону, в противном случае графине пришлось бы провести неприятные пятнадцать минут.

Французы ценят ум и к месту сказанные фразы, только насмешку они не выносят.

Пока готовили ужин, все старались добыть бумагу, чтобы написать письма в Париж и своим родным. Эти письма должны были отправить с поля сражения, чтобы объявить о победе всем европейским дворам. Блистательному красавцу Чернышёву предназначалось отвезти новость в Санкт-Петербург.

На траве расстелили скатерть, и, в то время, пока Наполеон ужинал в своей палатке с Бертье и Шампаньи, нам подали великолепную трапезу, на которой председательствовал гофмаршал Дюрок. Нам наливали дорогие бургундские вина, а блюда были великолепными.

Даву и Нансути, генерал тяжелой кавалерии, прибыли во время ужина. Наполеон их пригласил в свою палатку, дал им приказы и они отправились, но не проглотили ни куска...

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
О. В. Соколова.*

¹Андреосси Антуан-Франсуа (1761–1828), французский генерал и дипломат. После окончания военной школы начал службу лейтенантом в 1781 г. в артиллерийском полку. Принял активное участие в революционных войнах. Во время Итальянской кампании 1796–1797 г. сблизился с Бонапартом. За отвагу и боевое мастерство был произведён в июле 1796 г. в бригадные генералы. Участвовал в Египетской экспедиции. В 1800 г. получил звание дивизионного генерала. В 1802–1803 гг. был послом в Лондоне. С 1806 г. посол в Австрии. Накануне войны 1809 г. покинул столицу Австрии. Когда французская армия 10 мая 1809 г. подошла к Вене, бывший посол был назначен комендантом ещё не занятой австрийской столицы и начал реально исполнять свои функции после занятия города французскими войсками 13 мая 1809 г.

²Бомбардировка Вены началась вечером 11 мая и закончилась к утру следующего дня. За время бомбардировки по городу было выпущено 1800 бомб из тяжёлых мортир. В городе сгорело 31 здание, 66 было повреждено.

³В связи с тем, что Россия и Франция находились в союзных отношениях, хотя и формальных, в штаб французской армии были посланы под различными предлогами несколько русских офицеров. Они должны были выполнять роль связных между императорами, а заодно сообщать информацию о французской армии и лично о Наполеоне. Особенно большую роль сыграл молодой офицер Александр Чернышёв, сумевший войти в доверие к французскому императору настолько, что стал фактически одним из самых близких к Наполеону лиц.

⁴Гагарин Павел Гаврилович (1777–1850), князь, генерал майор. Его продвижение по служебной лестнице связано с его браком, так как в феврале 1800 П. Г. Гагарин женился на фаворитке Павла I Анне Петровне Лопухиной (1777—1805), дочери сенатора П. В. Лопухина. Одушевленный рыцарскими чувствами к Анне Лопухиной, Павел I решил не препятствовать её браку с человеком, которого она полюбит. Лопухина призналась Павлу I в любви к другу своего детства князю П. Г. Гагарину, находившемуся в Италии в армии Суворова. Павел I вызвал Гагарина из армии в Петербург, осыпал его наградами и устроил его брак с Лопухиной. В царствование Александра I князь П. Г. Гагарин остался в фаворе. В 1805 г. он сопровождал императора в походе 1805 г., в 1808 г. ездил на Эрфуртский конгресс, в 1809 г. был послан в качестве главного представителя России в ставку Наполеона. В 1811 г. стал директором Инспекторского департамента военного министерства. В декабре 1814 г.

вышел в отставку в чине генерал-майора, жил в Петербурге. Принимал большое участие в деятельности масонских лож «Астрея» и «Орёл Российский».

⁵Т. е. Анной Лопухиной.

⁶Дюрок Жерар-Кристоф-Мишель, герцог Фриульский (1772–1813), адъютант генерала Бонапарта, затем генерал-адъютант Первого консула Бонапарта, а затем генерал-адъютант императора Наполеона. Дюрок был одним из самых преданных соратников Наполеона. В 1805 г. Дюрок становится гофмаршалом Императорского двора. Когда Дюрок погиб, сражённый вражеским ядром в 1813 г. при Маркесдорфе, Наполеон тяжело переживал эту потерю.

⁷Шампаньи Жан-Батист Номпер де, герцог Кадорский (1756–1834), французский военный и политический деятель. Министр иностранных дел с 9.08.1807 по 16.04.1811.

⁸Ланн Жан (1769–1809), маршал Империи, герцог Монтебелло. Начал службу добровольцем в рядах революционной армии в 1792 г. Храбрость и военные таланты Ланна способствовали его стремительному восхождению по ступеням военной иерархии. Особенно Ланн был отмечен генералом Бонапартом в ходе Итальянской кампании 1796–1797 гг. Ланн отличился и в Египте. В 1804 г. он становится маршалом Империи. Сыграл важнейшую роль в победах при Аустерлице, Иене и Фридрихсланде. Кроме своих блестящих военных успехов Ланн был другом Наполеона. После взятия Сарагосы в Испании Ланн прибыл на Германский театр военных действий. В битве под Эсслингом он был смертельно ранен и умер 29 мая 1809 г., оплакиваемый императором и всей армией.

⁹Лагранж Жозеф (1763–1836), французский генерал и политический деятель. В 1809 г. генерал Лагранж командовал баденским контингентом в составе армии Наполеона.

¹⁰Вальтер Фредерик Анри (1761–1813), сын протестантского пастора, Вальтер начал службу рядовым гусаром в 1781 г., и за 7 лет службы при Старом порядке он смог дослужиться только до вахмистра. С началом революции он становится офицером и уже в 1793 г. получает звание генерала. Участник Итальянской кампании Вальтер знакомится с Бонапартом. В 1803 г. Вальтер получает звание дивизионного генерала. В начале кампании 1809 г. он командует блистательным полком Гвардейских конных гренадеров, а затем получает под командование всю тяжёлую гвардейскую кавалерию в битве под Ваграмом. Вальтер принял участие в походе 1812 г., а затем в кампании 1813 г. Вальтер скончался 24 ноября 1813 г. от ран, полученных в бою при Ганеу.

¹¹Дорсенн Жан-Мари-Пьер (1773–1812) вступил в армию волонтёром в 1791 г. В эпоху Империи командовал гренадерами гвардии, во главе которых отличился под Эйлау и Эсслингом. В июне 1809 г. стал дивизионным генералом. Скончался в июле 1812 г. от раны, полученной под Эсслингом в 1809 г.

¹²Остров Лобау на Дунае находился в то время на расстоянии примерно 800 метров от южного «французского» берега и был отделён от северного «австрийского» берега, только протокой около 80–100 метров шириной. Это позволяло иметь удобный плацдарм для подготовки будущей переправы.

¹³Сент-Илер Луи-Шарль-Винцент Ле Блон де (1766–1809), генерал эпохи Наполеона. В 1809 г. командовал дивизией в корпусе Ланна. Умер 3 июня 1809 г. от ран, полученных в сражении при Эсслинге.

¹⁴Перечислены фамилии известных офицеров, выходцев из знатных французских и польских семей. Монтестье, Мортемар, Хлаповский, Тюренн, Фезенсак были офицерами ординарцами Наполеона. Канувиль, Перигор, Флао (см. прим. к мемуарам П. Тучкова) адъютантами Бертье.

¹⁵Валевская (урождённая Лончиньская) Мария (1786–1817), польская возлюбленная Наполеона. От связи с ней в мае 1810 г. родился сын Александр, который впоследствии станет видным государственным деятелем эпохи Наполеона III. Ребёнок был зачат как раз во время пребывания Марии в Вене в 1809 г. Рождение сына окажет большое влияние на Наполеона, так как его бесплодная жена Жозефина обвиняла в отсутствии наследника самого императора. В результате Наполеон развёлся с ней и женился на австрийской эрцгерцогине, что оказало влияние на всю европейскую политику.

¹⁶Точное наблюдение Левенштерна, касающееся духа французской армии эпохи Наполеона.

¹⁷Автор перефразирует знаменитую фразу, которую приписывали Людовику XIV – «Нет более Пиренеев!», которую он якобы произнёс 16 ноября 1700 г., узнав о том, что его внук был назначен преемником умершего Испанского короля. На самом деле король не произносил этих слов, а нечто подобное сказал посол Испании Кастиль Дос Риос.

¹⁸Бернадот Жан Батист Жюль (1763–1844), маршал наполеоновской империи, впоследствии король Швеции и Норвегии, основатель династии Бернадотов. Талантливый генерал эпохи революции Бернадот завидовал возвышению Бонапарта. В 1802 г. он был участником заговора с целью свержения власти Первого консула. Став маршалом Империи в 1804 г., Бернадот не раз ставил под удар своих товарищей по оружию, не желая способствовать успеху Наполеона. Так 14 октября 1806 г. он со своими войсками не пришёл на помощь корпусу Даву, который всего в нескольких километрах от Бернадота принял неравный бой с двукратно превосходящей его прусской армией. Однако Наполеон прощал все выходки Бернадота, так как испытывал комплекс вины по отношению к семье маршала. Дело в том, что Бернадот был женат на бывшей невесте Наполеона, которую тот бросил ради Жозефины Богарне. Однако в кампанию 1809 г. Наполеон потерял терпение и отослал маршала из армии, хотя на этот раз его провинность была далеко не очевидна. Когда в 1810 г. шведский Рикстаг (парламент) принял решение об избрании Бернадота наследным принцем Швеции, маршал с готовностью принял это предложение. Став главой Шведского государства, Бернадот руководствовался в своей внешней политике не столько интересами своей новой родины, сколько желанием навредить Наполеону. В 1813–1814 г. шведские войска участвовали в антифранцузской коалиции, а Бернадот способствовал всеми силами свержению империи во Франции.

V. РЕЦЕНЗИИ

П. А. Кротов

Рец. на книгу: Шкваров А. Г. Казачество эпохи Петра Великого. Конец «вольностям» казачьим. — СПб.: Алетейя, 2012. — XVI, 416 с.

Исследование А. Г. Шкварова посвящено теме, безусловно, востребованной нашим временем. В России идут сложные процессы возрождения казачества в новых исторических условиях. В стране также продолжают развиваться демократические процессы. Казачество же на своём историческом пути представляло собой именно демократическую альтернативу чиновничье-бюрократической машине Российского государства. Казаки как военно-служилое сословие заселяли и осваивали беспокойные пограничья. В отличие от остальных регионов России у казаков в силу необходимости существовало всеобщее вооружение народа – это была явная альтернатива принципам построения регулярной армии. Казачество являло собой также пример вольного сословия, свободного от крепостничества, господствовавшего в центральных областях страны. В эпоху Петра Великого казачество на берегах Дона, Яика, Терека жило фактически вне рамок правового поля абсолютизма – судебной властью обладали атаманы и судили не по закону, но по собственному разумению, по традиции, по справедливости, по «правде». Своеобразием Дона, Яика, Терека и некоторых других казачьих областей в Петровскую эпоху было также безусловное преобладание там старообрядческого населения, истово исповедовавшего свой особый образец православной «старой веры». Никаких налогов в российскую казну на Дону, Яике и Тереке казаки не платили, но, напротив, получали жалованье. Автор монографии видит также своей важной задачей развенчание мифов, связанных с русским казачеством, которые существуют в финской историографии, где образ казачества часто представляется неким символом абсолютного зла. Всё перечисленное требует достоверного научного знания по истории казаче-

ства, особенно в переломные эпохи его существования, одной из которых как раз и является время Петровских преобразований. Положительно и то, что А. Г. Шкваров рассматривает не только российскую, но и украинскую, финскую и русскую эмигрантскую литературу вопроса.

Сразу же следует отметить, автор подошёл к теме по-новому. В первой главе рассматриваются сложные отношения казаков-старообрядцев (в первую очередь Дона) с одной стороны, царя Петра I и официальной православной церкви с другой стороны. Налицо новаторский подход – вопросам веры, казачьих традиций, русской психологии отдано безусловное первенство в объяснении действий казачества по сравнению с социальными мотивами. Это радикальным образом отличает научный подход автора от тех, что господствовали в советский период. А. Г. Шкваров подчёркивает, что для донских, яицких и терских казаков принципиальное значение имели двоеперстие, хождение «по солнцу» («посолонь»), двойное «алиллуйя», всё, что связано с крестом, крестным знаменем, крещением, верность крестному целованию – присяге (с. 43). Даже после принесения присяги русскому царю в 1673 г. (Донское Войско вынуждено было склониться к этому после поражения движения С. Т. Разина) область расселения донского казачества продолжала представлять собой военно-демократическую республику, имевшую свои земли, население, собственные неписанные законы, свою веру и собственную выборную власть. С этого года Дон лишь признал вассальную зависимость от Москвы: казаки целовали крест в знак нерушимой верности (с. 57).

Во второй главе монографии изучены непростые взаимоотношения абсолютистского государства Петра I и автономных областей Левобережной Украины (Гетманщина) и Донского войска. В контексте всегда злободневной тематики российско-украинских отношений, «психологии измены» гетмана Мазепы важное значение имеет следующее заключение А. Г. Шкварова: «Отношение к присяге у запорожцев совершенно отличное от донцов: если для последних присяга первоначально являлась чрезвычайным и страшным знаменем, и лишь в Петровские времена превратилась по сути в простую формальность из-за частоты совершения ритуала, то для первых она и вовсе особого значения не имела, поскольку определяющим было решение войсковой рады, исходившее от большинства голосов и настроений основной массы вольного казачества» (с. 151). Период «союзнических» отношений донских и яицких казаков с самодержавным государством, начавшийся после подавления разинщины, завершился, по мнению А. Г. Шкварова, когда 3 марта 1721 г. было определено:

«Донским и Яицким казакам во всех управлениях быть в ведении Военной коллегии» (с. 250). Со смертью «избранного» после измены Мазепы гетмана И. И. Скоропадского (1722), как заключает автор, Гетманщина фактически была и вовсе упразднена (с. 209). Такова была эволюция взаимоотношений названных казачьих автономных окраин с абсолютистским государством Петра Великого.

Третья глава книги посвящена роли казачества в военных конфликтах России в конце XVII – первой четверти XVIII в. с Турцией 1686–1700 и 1710–1713 гг., Великой Северной войне 1700–1721 гг. со Швецией, в Персидском походе 1722 г., также «философии казачества», казакам-калмыкам и казакам-евреям. А. Г. Шкваров показал, что низкая боевая эффективность украинского левобережного казачества, показанная в годы войн со Швецией (1700–1721) и Турцией (1710–1713) предопределила ход эволюции этого казачьего войска к упразднению при Екатерине II. Напротив, высокие боевые качества донского, терского и яицкого казачества привели в дальнейшем к полному правовому оформлению их в военно-служилое сословие Российской империи. Сведение воедино и осмысление материалов о военной службе казаков за столь значительный промежуток времени, проделанное А. Г. Шкваровым, безусловно, полезно. Теперь, когда это сделано, становится очевидной необходимость продолжить работу в этом направлении.

Монография А. Г. Шкварова написана достаточно живо и эмоционально, богата фактическим материалом и сделанными на его основе выводами. Она должна вызвать размышления, возможно, даже желание обратиться к другим исследованиям и публикациям источников на близкую тематику у достаточно обширного круга людей, которые интересуются историей Донского, Украинского, Терского и Яицкого казачества, ролью казаков в военных действиях, российско-украинскими отношениями, эпохой Петра Великого вообще.

Рецензия на антологию: Наполеон Бонапарт: Pro et Contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей / Сост., вступ. статья, коммент. О. В. Соколова. — СПб.: РХГА, 2012. — 1038 с. (Серия «Русский путь»).

ISBN 978-5-58812-517-5

200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. вновь и с большой силой всколыхнул интерес российской общественности к данной теме. Свет увидели огромное количество публикаций – научных и претендующих на этот статус и как всегда качество этих работ весьма различно. Безусловно увидевшая совсем недавно свет антология составленная к.и.н. О. В. Соколовым – одним из ведущих в мире специалистов по истории наполеоновской Франции, является интереснейшей работой, как по масштабу исследования, так и по качеству и принципу отбора привлеченных материалов. Как явствует из заглавия антологии, в центре внимания находится личность самого императора французов – Наполеона I, человека, «историография которого будет существовать всегда», как весьма метко в свое время заметил академик Е. В. Тарле. Действительно, лучше не скажешь! Колоссальная фигура Наполеона Бонапарта, его не имеющая аналогов по масштабу и гениальности деятельность на ниве законотворчества, государственного строительства, полководческих деяний и даже, если можно так выразиться, создание человека новой формации – этической личности всю себя отдающей на благо служения обществу – все это, безусловно, всегда будет привлекать внимание различных исследователей – историков, философов, социологов и т.д. Историография Наполеона, по сути, необозрима и уступает только количеству трудов посвященных Иисусу Христу! Понятно, что и споров вокруг личности Наполеона всегда будет много, а оценка его деятельности всегда будет колебаться от абсолютно положительной до абсолютно отрицательной. Наполеон – апостол Бога, Наполеон – сатана! Представленная О. В. Соколовым антология тем и интересна, что автор-составитель не позволяет себе ни одного голословного заявления, аргументируя каждую тезу, его подход к подбору матери-

ала (весьма обширного) заключается в том, что рассматриваются в основном воспоминания и произведения современников событий, либо лиц, которые непосредственно восприняли сведения от участников событий. В антологии рассматривается эволюция взглядов русской общественности на данную проблему. Таким образом, автор-составитель получает возможность исследовать, рассмотреть всю историю создания «кривых зеркал» искажающих общественный взгляд на события тех лет и припасть непосредственно к первоисточнику, позволяющему нам взглянуть на личность Наполеона, его образ глазами современников и проследить истоки многих мифов, которые мы, люди XX – **начала XXI вв. уже привыкли** считать историческими фактами. Антология охватывает буквально все аспекты, всю палитру взглядов на личность Наполеона и тех, кто шел за ним. От «Восприятия русским обществом Наполеона Бонапарта до столкновения России и Франции» (I раздел антологии), где весьма интересны приведенные письма Екатерины II барону Гримму и письмо А. В. Суворова к князю А. И. Горчакову, позволяющие увидеть и оценить настроение русской политической и военной элиты по отношению к событиям во Франции 90-х гг. XVIII в. до такой интереснейшей темы, как «Наполеон – враг советского народа» (IX раздел антологии), где автор-составитель вскрывает идеологические причины возрождения образа Наполеона как исключительно враждебного. К этой теме мы еще вернемся, а пока хотелось бы отметить, что представленная антология позволяет создать панорамное видение наполеоновской эпохи глазами русских и советских историков, писателей, поэтов, профессиональных военных и, наконец, государственных деятелей. В 11 разделах антологии представлены суждения лиц, которые на протяжении полутора столетий определяли взгляды российской и советской общественности на тему участия России в наполеоновских войнах – от А. В. Суворова, Ф. И. Глинки, Д. В. Давыдова, И. И. Лажечникова, Г. Р. Державина, В. С. Норова, В. И. Левенштерна (отрывки его мемуаров публикуются в переводе самого О. В. Соколова, что позволило избежать многих искажений предшествующих переводчиков порожденных плохим знанием специфики темы) до А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева, В. Г. Белинского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и, наконец, М. Н. Покровского, Е. В. Тарле, А. Константинова и (слова из песни не выкинешь) И. В. Сталина.

Особая ценность представленной антологии заключается в том, что на ее страницах автор-составитель наносит удар по многим историческим фальсификациям и идеологическим искажениям, порожденными

требованиями политического момента. Именно в этом автор-составитель видит свою основную задачу и именно это делает его труд особенно ценным для современного российского читателя, желающего выбраться из «сумрачного леса» идеологических клише. Именно поэтому особый интерес представляют разделы VIII и IX – «Наполеон герой революционной буржуазии» и «Наполеон – враг советского народа». В этих разделах автор-составитель проливает свет на формирование образа Наполеона в Советской России, вскрывает причины весьма интересной и драматичной трансформации этого образа, дающей себя знать по сей день, ибо до настоящего момента многие люди в нашей стране, считающие себя образованными и интеллигентными, продолжают оставаться пленниками идеологических мифов созданных в далекие 30–40-е гг. прошлого века. Поскольку сам автор этих строк в какой-то мере отдал дань этим заблуждениям, считаю необходимым остановиться на этой теме подробнее.

Необыкновенно интересным, важным и даже можно сказать в какой-то мере сенсационным выглядит утверждение автора-составителя, опирающиеся на выводы известного петербургского историка О. Кена о том, что в середине 1930-х гг. Сталин вынашивал план перехода от коммунистического тоталитаризма к другой форме авторитарного правления бонапартистского толка. Очень возможно, что Сталина привлекал исторический опыт Наполеона и он, образно выражаясь, примеривал на себя его шляпу. Вполне возможно, что к 1935 г. Сталин уже чувствовал себя настолько уверенно, что мог позволить себе отказаться от ставшего шаблонным марксистско-ленинского варианта развития советского государства и создать нечто вроде наполеоновской «нетрадиционной монархии» позволяющей значительно полнее раскрыть возможности нового политического строя. Но подобный шаг означал радикальный пересмотр той идеологической базы, которая лежала в основе движения приведшего к октябрьской революции 1917 г. ниспровергшей царскую власть в России. Необходимо было подготовить общественное мнение к подобному «тектоническому сдвигу», а осуществить эту подготовку должны были, разумеется, советские историки, выполняющие ответственный и даже секретный заказ Кремля. Автору этих строк со студенческой скамьи было непонятно, как в условиях жестокого сталинского режима 1930-х гг. в нашей стране могла появиться такая книга, как «Наполеон» Е. В. Тарле? Теперь все детали этой прежде загадочной коллизии встают на свои места. Знаменитый академик, выдающийся ученый и талантливый писатель Е. В. Тарле выполнял заказ самого «Хозяина» – Сталина. Не случает

и выбор вождем именно Тарле. Кто как не он способен создать произведение – полунучное, полухудожественное, которое будучи изданным огромным тиражом буквально сведет с ума читающие массы народа, а интерес (тайный или явный) к Наполеону всегда был очень большим в России, и подготовит необходимую почву к смене идеологического курса – установлению «новой империи» во главе с «новым Цезарем» – Сталиным! Известно, что примерно в это же время Сталин рассматривал возможность возвращения двуглавых орлов на кремлевские башни. Именно поэтому, как совершенно справедливо замечает автор-составитель, Тарле писал свою книгу не столько как научный труд, сколько как роман или эпическую поэму, способную захватить воображение читателя и придать ходу его мыслей верное, необходимое власти направление. Вот бы и у нас так! Наполеон был всем хорош, вот только идеология у него подкачала, а был бы он вооружен бессмертным учением Маркса-Ленина-Сталина, то никогда не потерпел бы поражения, а вот товарищ Сталин таких ошибок не допустит. Исход подобных рассуждений совершенно ясен.

Конечно автору этих строк, да и не только ему, а всей аудитории, живо интересующейся отечественной и мировой историей в 70-е, 80-е гг. XX в. все эти «тайны мадридского двора» были совершенно неизвестны, как и совершенно непонятна была последующая опала академика Тарле и жестокие репрессии обрушившиеся на советскую историческую школу во второй половине 1930-х гг. Оказывается, что пока Е. В. Тарле создавал свой труд, настроения правящей верхушки кардинально изменились, и появляется новая, восторжествовавшая, наконец, концепция, которую также можно назвать «имперской», но которая базировалась не на наполеоновской основе, а на российской. Как опять-таки совершенно верно замечает автор-составитель, Сталин отошел от основополагающих принципов марксистского видения истории. Революционный патриотизм теперь был уже не нужен, ему на смену должен был прийти «новый советский имперский патриотизм» и будет лучше, если замешан он будет на так сказать национальной основе. Новыми героями должны стать русские цари и полководцы, не все конечно, а те, кого разрешат любить и которые войдут уже в советский пантеон. Соответственно резко изменилась оценка всей внешней политики дореволюционной России. Если международная политика первого десятилетия существования СССР строилась на принципе «нового национализма», где на первое место ставились права и интересы национальных окраин, пусть даже в ущерб российскому центру, русскому народу, как прежде господствующей, так сказать империяобразующей нации, что придавало СССР некий конфедеративный

флёр, так как породило множество националистических выступлений в республиках, весьма обеспокоивших Кремль, то теперь акценты были расставлены совершенно иначе. Согласно новой концепции, как замечает автор-составитель, все народы вошли в состав Российской империи добровольно, выбирая воссоединение с русским народом, которое позволяло избежать национального порабощения исходящего от немцев, поляков и турок. Соответственно, все те иностранные государства, которые в свое время ставили под сомнение существование Российской империи, или ее целостность, теперь рассматривались как исключительно враждебные и лидеры этих государств, от магистров Тевтонского Ордена до Наполеона и далее не могли рассматриваться иначе как в резко негативном освещении. Смена официального идеологического курса, означала анафему всему, что было написано прежде и в другом ключе. Этим и объясняются те страшные репрессии, которые обрушились на советских историков (А. Г. Пригожин, Г. С. Фридлянд, Н. Н. Ванага, С. А. Пионтковский, П. И. Анатольев и др.), сам Е. В. Тарле избежал ужасного конца по личному распоряжению Сталина.

Но жизнь оказывается всегда сложнее, чем это предусматривает любая идеология. Какой бы огромной властью не располагал Сталин, он не мог заставить всех людей, особенно старшего поколения забыть работы А. К. Дживелегова, К. А. Военского, поэзию М. Цветаевой (ее стихотворение «Бонапартисты», приведенное О. В. Соколовым в антологии, создает весьма возвышенное представление о Наполеоне), было невозможно. И относиться к Наполеону как к «японо-немецко-троцкистскому вредителю» (как совершенно верно замечает автор-составитель) было также невозможно. Интересно, что сам Сталин, очевидно отдавая себе отчет в этом, не стремился превращать Наполеона в монстра. Как констатирует автор-составитель, Сталин понимал, что личность Наполеона стойко ассоциируется с понятием «великий полководец» и поэтому проводить параллель между ним и Гитлером, это большой комплимент для последнего, который может негативно сказаться на сознании сражающихся армии и народа. И все-таки советским идеологам удалось достаточно сильно исказить образ императора французов в сознании советских людей, да и в постсоветский период отношение к Наполеону остается, мягко говоря, неоднозначным. Думается, что большую роль здесь сыграла наша родная очень средняя школа, где образ Наполеона в течение прошедшего полувека тщательно трактовался по Л. Н. Толстому, чье видение данной проблемы страдает ужасающим субъективизмом и

уже в дореволюционной классической гимназии (где умели преподавать историю) было отвергнуто как далекое от серьезного научного подхода. В послевоенный период, как отмечается в антологии, «толстовская пародия на Наполеона превращается в некое абсолютное, не терпящее возражений знание. Всякий, кто не принимал подобный взгляд, автоматически становился приверженцем антисоветских взглядов». Точнее не скажешь! Еще будучи школьником, мне пришлось на собственном горьком опыте это испытать. Как-то наша учительница по русскому языку и литературе строго спросила меня, как я могу восхищаться Наполеоном, ведь он хотел завоевать мою родину! Когда же будущий автор этих строк ответил, что первая страна, которую завоевал Наполеон, была Франция, учительница уже совсем уничтожающим тоном заявила: «Вот во время войны из таких, как ты, получались полицаи!». Вот так не больше, не меньше. Поэтому нельзя не согласиться с автором-составителем антологии, что война 1812 г. не создала такого враждебного образа Наполеона, как Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Можно сказать, что в результате сталинской идеологизации истории, а затем жестких пропагандистских клише военного времени, произошло более чем досадное смешение антигитлеровской и антинаполеоновской пропаганды. Восприятие только что закончившейся страшной войны, в ходе которой был разгромлен «враг кровавый», разгромлен невероятной, невозможной ценой, ужасающая тотальность этой войны, преломилась в сознании нашего народа на ту, первую отечественную войну 1812 г., и возникла грязная амальгама образов Наполеона и Гитлера, амальгама ничего не имеющая общего с исторической реальностью.

Как уже отмечалось выше, представленная О. В. Соколовым антология имеет большую ценность именно потому, что автор-составитель исходит из принципа сугубо научного историзма. О. В. Соколов предпринял очень серьезную и, как представляется, достаточно удачную попытку разобраться в истории создания мифов, возникновения иллюзий, создания исторических «кривых зеркал» – всего того, что на протяжении прошедшего века не давало нам возможности увидеть славные события 1812–1814 гг. непредвзято и с должной широтой охвата подлинно исторического видения. Вне всякого сомнения, антология «Наполеон: pro et contra» является очередным весомым вкладом этого ученого в мировую наполеонику, вкладом, который позволит многим людям желающим действительно серьезно разобраться в такой сложной проблеме, какой являются образ, жизнь и вклад в развитие мировой цивилизации Наполеона Бонапарта обрести незамутненный временем источник информации.

VI. ХРОНИКА

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ, ПРОВЕДЕННЫЕ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (ОКТАБРЬ 2012 – МАРТ 2013)

Кафедра истории Нового и новейшего времени за октябрь 2012 г. – март 2013 г. провела три научных конференции.

Научная конференция

«Российская кампания или Отечественная война

1812 года: взгляд с французской и российской сторон»

12–13 октября в Актовом зале Юридического факультета СПбГУ прошли праздничные мероприятия, приуроченные к 20-летию юбилею Французского университетского колледжа (CUF), в том числе торжественное заседание и научная конференция, подготовленная при непосредственном участии кафедры истории Нового и новейшего времени. Юбилейные торжества прошли под патронажем президента Французской республики г-на Франсуа Олланда и президента Российской Федерации г-на Владимира Путина и широко освещались в прессе и по телевидению, в частности телеканалы «Россия» и «Культура» посвятили им специальные сюжеты. В президиуме торжественного заседания находились ректор СПбГУ Н. М. Кропачев, президент СПбГУ Л. А. Вербицкая, президент и основатель Французских университетских колледжей в России Марек Хальтер и посол Франции в Российской Федерации Жан де Глиниасти.

Открыв торжественное заседание, ректор СПбГУ отметил заслуги международной программы колледжа, предоставившей петербургским студентам возможность регулярно слушать французских ученых и писателей в стенах родного университета, а наиболее успешным из них – продолжать обучение в престижных вузах Франции. Франко-

еврейский писатель, публицист и общественный деятель М. Хальтер, знаменитый во Франции своими романами и повестями на библейские сюжеты, выступил с воспоминанием о том, как ему пришла гениальная идея создать французские колледжи при российских университетах, и как эта идея была воплощена в жизнь. Сейчас, по истечении 20-ти лет, трудно себе представить, насколько экстравагантной могла показаться эта мысль в начале 1990-х гг. в стране, в которой демократии не существовало. «Демократия – это как апельсин. Кто никогда не видел апельсина, его не попросит». Сказанные академиком А. Сахаровым, эти слова запали в душу его друга и защитника советских диссидентов М. Хальтера. Вместе они решили, что лучше французских интеллектуалов никто российской молодежи этот «апельсин» не преподает. Такова была исходная идея. Поддержанная на высшем уровне первым и последним президентом СССР Михаилом Горбачевым и президентом Пятой республики Франсуа Миттераном, она имела следствием основание в Москве и в Санкт-Петербурге Французских университетских колледжей (в 1991 и 1992 гг. соответственно), обучение в которых было и продолжает оставаться бесплатным.

Несомненным подтверждением значимости для российской молодежи столь необычной формы обучения, когда лекции читаются на французском языке именитыми профессорами, прибывающими в Санкт-Петербург на несколько дней специально с этой целью, стало выступление выпускницы Французского университетского колледжа 1994 г., а ныне преподавателя кафедры истории Нового и новейшего времени Татьяны Гончаровой. Занятия в колледже ее привлекли возможностью ознакомиться с различными течениями французской научной мысли и с видными ее представителями, получить информацию из разных областей гуманитарного знания, в том числе из литературы, социологии, права, но также «непередаваемым ощущением раздвинутого пространства, исчезнувших границ, более не существующих языковых барьеров». Дитя «перестройки», Французский университетский колледж был и по сей день является важным агентом франко-российского научного и культурного диалога, – такова была основная мысль выступлений Э. Дюшен, директора по вопросам международной мобильности студентов МИДа Франции, и М. Ролланда, заместителя директора Департамента европейских, международных отношений и сотрудничества.

Тема Отечественной войны, как нельзя более популярная и обсуждаемая в этом году в связи с 200-летним ее юбилеем, не прошла и мимо

внимания Французского колледжа, организовавшего совместно с кафедрой истории Нового и новейшего времени франко-российскую научную конференцию в честь «Грозы 1812 года». Начавшись 12 октября после полудня, конференция «Российская кампания или Отечественная война 1812 года: взгляд с французской и российской сторон» продолжилась 13 октября. Было заслушано восемь докладов: по четыре с российской и с французской сторон. Российскими докладчиками были известные историки наполеоновской эпохи О. В. Соколов (президент Общероссийского военно-исторического движения), С. Н. Искюль (ведущий научный сотрудник Института истории РАН), Б. Г. Кипнис (доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств), а также упомянутая выше Т. Н. Гончарова. Ведущие специалисты по наполеоновской эпохе Франции, директор Фонда Наполеон Т. Ленц, профессор университета Париж-Сорбонна Ж.-О. Будон, профессор университета Париж I-Пантеон Сорбонна М.-П. Рей и руководитель службы Достояния в Фонде Наполеона П. Бранда, представили французскую точку зрения на освободительную войну России.

Широко сформулированная тема конференции позволила докладчикам поднять самые разные, в том числе наиболее спорные и наиболее актуальные сюжеты, которые в некоторой мере дополняли и уточняли друг друга. Рассказ Т. Ленца о европейской геополитике в 1812 г., который можно было бы назвать «классикой жанра», был прекрасно дополнен докладом О. В. Соколова о русских и французских планах накануне войны. В нем докладчик высказал довольно оригинальную мысль о том, что даже в 1812 г., концентрируя военные силы в Данциге и Северной Пруссии, Наполеон ожидал нападения российской армии на герцогство Варшавское с тем, чтобы в генеральном сражении разгромить ее и вынудить Александра I подписать мир на его условиях. Взяв за основу воспоминания, дневники, письма, пленных французских офицеров Великой армии, Т. Н. Гончарова сумела воссоздать живую и яркую картину испытаний, через которые пришлось пройти этим людям, и сопоставила впечатления, вынесенные ими из опыта пребывания в российском плену. Представленная М.-П. Рей переписка Наполеона о кампании 1812 г. продолжила тему субъективного взгляда современника, вовлеченного в поток событий, тем более пристрастного, что для императора французов всякое письмо становилось пропагандистским актом. Суждения иностранцев-современников и очевидцев событий 1812 г., в том числе таких одиозных, как Жозеф де Местр, о М. И. Кутузове были представлены в

докладе Б. Г. Кипниса, который постарался отделить в них зерна от плевел. Прочитанный П. Бранда доклад об Императорском доме во время Русской кампании позволил составить впечатление об обширности служб, которыми окружил себя Наполеон, отправляясь в поход, и, следовательно, о величине его амбиций. Обильно цитируя воспоминания наполеоновских солдат и офицеров, которым посчастливилось в декабре 1812 г. в числе 20–30 тыс. перейти через Неман, Ж.-О. Будон описал тяготы отступления Великой армии от Малоярославца. В заключение С. Н. Искюль, опираясь на мемуарную литературу, проанализировал впечатления московских обывателей от встречи с французскими захватчиками.

В целом, франко-российская научная конференция по случаю празднования 20-летия Французского университетского колледжа в Санкт-Петербурге (СУФ) была чрезвычайно интересной и познавательной и выявила необходимость уделять большее внимание источникам, к которым раньше обращались, зачастую по идеологическим причинам, недостаточно.

Программа конференции

12 октября 2012

Пленарное заседание

Ленц Т. Европейская геополитика в 1812 году; *Соколов О.* Русские и французские планы накануне войны 1812 г.

13 октября 2012 г.

Утреннее пленарное заседание

Гончарова Т. Французские свидетельства о России, в особенности о Санкт-Петербурге, в 1812г. (военнопленные, изгнанники, путешественники); *Рей М.-П.* Наполеон и Русская кампания взглядом через его переписку.

Вечернее пленарное заседание

Бранда П. Дом Императора во время Русской кампании; *Кипнис Б.* Михаил Илларионович Кутузов в оценках иностранцев – современников и очевидцев событий 1812 г., пребывавших в России; *Будон Ж.-О.* Солдаты Великой Армии во время Русской кампании; *Искюль С.* “...Мы французов лихом не поминаем” (Москва, 1812 г.).

Международная научная конференция «1812 г. в судьбах России и Европы»

6–7 декабря 2012 г. кафедра истории Нового и новейшего времени Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета совместно с кафедрой истории России с Древнейших времен до XX века провела международную научную конференцию «1812 г. в судьбах России и Европы». Пленарные заседания конференции проходили в «Белом зале» Марииинского дворца и Лектории исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Программа конференции

6 декабря 2012 г.

Утреннее пленарное заседание

Соколов О. В. Наполеон и Санкт-Петербург: год 1803; *Лапин В. В.* Складывание образа Михаила Илларионович Кутузова в контексте коммеморации Отечественной войны 1812 года; *Искюль С. Н.* Александр I: «...Пожар Москвы осветил мою душу»; *Штраухольд Г.* Наполеоновские войны 1809-1813 в польской картографии; *Сергеев В. В.* Калининградские историки о русско-прусском сотрудничестве в борьбе против наполеоновской Франции в 1812-1813 гг.; *Церман И.* Французская революция в творчестве Александры Шуваловой, русской писательницы-аристократки в Габсбургской империи; *Платт Т.* К вопросу о значении определенных событий на периферийном театре военных действий Отечественной войны: пожар в Московском предместье Риги 1812 г.

Вечернее пленарное заседание

Кочек Э. Влияние наполеоновских войн на социально-экономическое развитие Силезии; *Кипнис Б. Г.* Карл Клаузевиц и сэр Роберт Вильсон - два участника-свидетеля Отечественной войны 1812 г.; *Гончарова Т. Н.* Французские военнопленные о России (1812-1814); *Чапиевский Э.* Поляки между Наполеоном и Александром I. Княжество Варшавское и Королевство Польское – приобретения и потери; *Гальцов В. И.* Наполеоновские войны в памятниках и памятных местах Калининградской области.

7 декабря 2012 г.

Утреннее пленарное заседание

Шедави Ф. Сестра царя в качестве дипломата: Мария Павловна между Веймаром и Санкт-Петербургом, 1804-1814 гг.; *Жерелик Р.* Враждебно настроенный союзник. Великая Армия в Силезии в 1813 году; *Кротов П. А.* Петр Великий и М. И. Кутузов: опыт сравнительного анализа полководческого искусства в Полтавской и Бородинской баталиях; *Массов А. Я.* Газеты Австралии о войне 1812 г.; *Сидоренко Л.В.* Образ России глазами англичан в период Отечественной войны 1812 г.; *Михайлов А. А.* «Защитник Петрова града». Генерал-фельдмаршал П. Х. Витгенштейн в русской мемуарной литературе; *Возгрин В. Е.* Крымско-татарские конники в Отечественной войне 1812 г.

Секционные заседания

Первая секция

Россия и Европа в начале XIX в.: наследие и перспективы

Гронский А. Д. Переформатирование Отечественной войны 1812 г. в русско-французскую: белорусская модель; *Видзиньски К. А.* Опыт войны 1812 года в русской стратегической мысли 30-40-х годов XIX века; *Дементьев И. О.* Наполеон в Восточной Пруссии в 1812 году по «Истории русского похода» Ж. де Шамбре; *Коваленко Г. М.* «Дух Пожарского воскрес в сынах России». Война 1812 г. глазами Э. Г. Эрстрёма; *Жучков К. Б.* Таурогенская конференция 1812 г. и ее военный фон; *Сафонов М. М.* 1812 г. и гибель Пушкина; *Бодров А. В.* Война против Наполеона: исторические параллели между 1813 и 1870 гг. в германской публицистике периода франко-прусской войны; *Старостин Д. Н.* События 1812-1814 гг. и их значение в становлении немецкой национальной историографии (на примере Monumenta Germaniae Historica); *Яцук Н. А.* Россия как общественно-исторический символ в восприятии французских мыслителей и государственных деятелей. 1789-1812 гг.; *Ассеев И. В.* Празднование 100-летнего юбилея Лейпцигской битвы в Германской империи 1913 г.

Вторая секция

Предыстория войны 1812 г.: дипломатический и военно-политический аспект.

Щеголев С. И. Организация вооруженных сил герцогства Варшавского накануне Отечественной войны 1812 г.; *Петрова А. А.* Испания и Испанская Америка год 1812 год; *Васара В.-Т.* Вхождение Финляндии в

состав Российской Империи как фактор формирования финского национального движения; *Кальянова Т. П.* Миссия Джона Малколма в Персию: антифранцузские аспекты британской дипломатии в начале XIX в.; *Тихонов А. К.* Католический фактор в политике Павла I по отношению к наполеоновской Франции; *Бугашев С. И.* Русско-британские культурные связи в начале XIX века. Романтизм и 1812 год; *Кузнецова О. Н.* Русские курьеры в войне 1812 года; *Иванова Н. И.* Историческое значение Таурогенской конвенции и ее осмысление в Германии и России (к 200-летию подписания); *Чудина Т. И.* Ирландия в эпоху Наполеоновских войн.

Третья секция

Отечественная война 1812 г. и кампании 1813–1814 гг. в свете новейших научных исследований

Пашков А. М. Олонецкие ополченцы в боях с армией Наполеона в 1806-1807 и 1812-1814 гг.; *Судариков А. М.* Вклад Санкт-Петербургского арсенала в создание огневой мощи русской армии в Отечественной войне 1812 г.; *Януш Я. Б.* Бывшие Гатчинские войска в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813-1814 гг.; *Мальцев Д. А.* Подготовка снабжения русской армии в Отечественной войне 1812 г.; *Тихомиров С. А.* Источники о судьбах тыловых губерний в эпоху наполеоновского нашествия (по материалам Государственного архива Вологодской области); *Василик В. В.* Французы в Москве: отношение к Православной Церкви; *Гордеев О. С.* Коалиционные войны в работах американских военных теоретиков; *Степанянц Е. Е.* Война 1812 г. в английской художественной литературе; *Ревенко В. В.* Салтановское дело: бой или сражение?; *Хомич Д. В.* Волынская губерния во время войны 1812 г.

Четвертая секция

Война и российское общество начала XIX в.

Андреева Н. С. Празднование столетнего юбилея войны 1812 г. в Ревеле; *Жуковская Т. Н., Калинина Е. А.* Эвакуация Петербургского Педагогического института в 1812 г.; *Карпук Д. А.* Церковная периодика за 1912-1913 гг. как источник по истории Русской православной церкви в период Отечественной войны 1812 г.; *Белов А. В.* Население Москвы в период французской оккупации; *Дутов Н. В.* Формирование традиций организации жизни тыловых губерний в период борьбы с вражеским нашествием (На примере Ярославского края); *Славитский Н. Р.* Празднования победы в Отечественной войне 1812 г. в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в.;

Минин А. С. Боевое прошлое николаевских министров; Бондина С. И. Маринское ведомство в 1812 году; Ковалева А. П. Конфликтность и карьеризм в русской армии начала XIX в.; Любезников О. А. Николай Николаевич Новосильцов в 1812 году: к вопросу об оставлении Москвы (по новым архивным данным).

Пятая секция

Война и «мемория»: 1812 г. в исторической памяти русского народа.

Аржакова Л. М. Защита Отечества в представлении героя войны 1812 года (Д. В. Давыдов и его «Воспоминания о польской войне 1831 года»); *Меркулов И. В.* Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии в записках и переписке государственного секретаря А. С. Шишкова; *Аурова Н. Н.* Война 1812 г. и Заграничные походы 1813-1814 гг. в оценке К. Н. Батюшкова; *Мирзоев Е. Б.* Образ Наполеона в «Русском вестнике» С. Н. Глинки в эпоху Наполеоновских войн; *Ростовцев Е. А., Сосницкий Д.* Два взгляда на войну 1812 г.: Отечественная война на страницах школьных учебников императорской и советской России (1860-начало 1930-х гг.); *Рудакова Л. П.* Издание документов о 1812 годе Императорским русским военно-историческим обществом; *Чистикова Е. А.* Отечественная война 1812 года по воспоминаниям А. С. Норова; *Морозов М. А.* Французская мемуаристика эпохи Наполеоновских войн в книжном собрании светл. князя А. Д. Салтыкова в составе библиотеки Бестужевских курсов; *Барашев М. А.* Отечественная война 1812 года: мемориальная тема в русском провинциальном искусстве первой трети XIX века.

Вечернее пленарное заседание

Высочков Л. В. Итоги и проблемы изучения Отечественной войны 1812 г.

Международная конференция «Россия и Германия в глобальном мире: Прошлое, настоящее, будущее»

10–11 декабря 2012 г. в Санкт-Петербургском государственном университете в рамках «Петербургского диалога» состоялась российско-германская конференция «Россия и Германия в глобальном мире: прошлое, настоящее, будущее». Она была организована в междисциплинарном формате и при участии исторического, психологического, философского факультетов и факультета международных отношений. Координатором в

проведении конференции выступили кафедры истории Нового и новейшего времени и истории Средних веков.

Основные вопросы, которые были рассмотрены на этой конференции, касались проблем исторического взаимоотношения Германии и России в международном пространстве в плоскости анализа их изменений, как в прошлом, так и в условиях формирования современных форм взаимодействия в глобальном мире. При этом одной из центральных задач конференции стало определение возможных потенциальных перспектив для будущего развития Германии и России.

Конференция проходила в режиме пленарных и секционных заседаний, на которых приняли участие 65 исследователей из различных научных центров России (Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Тагил, Ишим), а также 20 ученых из университетов Германии (Берлин, Гамбург, Ганновер, Гейдельберг, Пассау, Потсдам, Фрайбург, Эйхштетт). Кроме того, в конференции приняли участие исследователи из Украины, Австрии, Финляндии и Тайваня. Участниками конференции были известные историки, философы, политологи, психологи и специалисты в области международных отношений. Отдельно 8–9 декабря по проблеме медиации (посредничества) при профилактике и разрешении конфликтов был проведен особый мастер-класс, участие в котором приняли исследователи Санкт-Петербургского государственного университета и университета Гамбурга.

Конференцию 10 декабря открыли проректор СПбГУ профессор Лариса Александровна Цветкова и декан исторического факультета СПбГУ профессор Абдула Хамидович Даудов, а также заместитель Генерального консула Федеративной Республики Германии в Санкт-Петербурге д.н. Фердинанд фон Вайе.

На первом пленарном заседании, наибольший интерес вызвали доклады д-ра философ. наук, проф. Российского института стратегических исследований Вассоевича А. Л. («Идейное наследие Бисмарка и Столыпина для современной России») и исследовательницы из Вены, известного специалиста по российско-германской истории начала XX-го века д.н. Э. Хереш («Россия и Германия: от противостояния к партнерству»). Кроме того, активное обсуждение вызвали также доклады представителей Гамбургского университета, профессоров Х. Хофмайстера и А. Редлиха.

Далее 10–11 декабря работа конференции проходила уже в формате четырех секций, где непосредственно обсуждались конкретные вопросы, связанные с историческими условиями формирования современных

форм взаимодействия между Германией и Россией в глобальном мире. Здесь в историческом плане затрагивались темы развития экономики, общества и политики, а также науки, культуры и образования в российско-немецких отношениях. Кроме того, на секциях рассматривались проблемы кризиса локальных культур и философского поиска идентичности и многосторонней интеркультуральной медиации. Отдельно обсуждались еще вопросы, связанные с определением основных тенденций, особенностей и проблем развития российско-германских отношений в конце XX–XXI вв., где наибольшее внимание было обращено на выявление перспектив будущего развития российско-германских отношений.

Завершило работу конференции второе пленарное заседание, которое прошло 11 декабря. На нем было сделано шесть докладов, рассматривающих различные стороны российско-германских отношений в междисциплинарном формате. Наибольший интерес у участников конференции вызвали проблемные выступления д-ра ист. наук, профессора В. И. Фокина (СПбГУ) – «Немецкий вклад в европейскую идентичность», д-ра филос.наук, профессора И. Б. Микиртумов (СПбГУ) – «Обретение рациональности в идентификации человечества» и канд. биол. наук, доцента А. Д. Карпенко (СПбГУ) – «Гамбургская модель многосторонней медиации и возможности ее применения в России».

Подводя итог работы конференции, ее участники выразили общее мнение в необходимости продолжения проведения в рамках «Петербургского диалога» подобных международных междисциплинарных научных форумов, на которых бы рассматривались проблемы взаимодействия России и Германии в глобальном мире.

Программа конференции

10 декабря 2012 г.

Пленарное заседание

Вассоевич А. Л. Идеиное наследие Бисмарка и Столыпина для современной России; *Хереш Э.* Россия и Германия: от противостояния к партнерству; *Хофмайстер Х.* Несёт ли государство ответственность за кризис локальных культур?; *Редлих А.* Истории и традиции медиации в Германии и опыт медиации на постсоветском пространстве.

Секционные заседания

Первая секция

Германия и Россия – исторические условия формирования современных форм взаимодействия в глобальном мире

Подсекция 1

Экономика, общество, политика

Старостин Д.Н. Меровинги и Европа; *Горностаев С. А.* Немецкий Орден на переломе: Генрих фон Плауэн; *Прокопьев А.Ю.* Конфессионализация и сословное общество: Германия в раннее новое время; *фон Беттихер М.* Начало горной индустрии на Урале и участие в нем горных специалистов из Германии: использование технологии из Гарца; *Клоновский М.* Ганноверский посол Фридрих Христиан Вебер в Российской Империи в 1714-1719 гг.; *Возгрин В. Е.* Немцы в Крыму в XVIII-XX вв.; *Костюк М. П.* Особенности немецкой колонизации на Волыни (XIX – начало XX вв.); *Шилов С.П.* Обсуждение идеи германо-русского союза в военно-морских кругах Кайзеровского рейха в начале XX века; *Синегубов С. Н.* Внешне-политический аспект принятия германской флотской новеллы 1912 г.

Подсекция 2

Наука, культура, образование

Бережная Н. А. Образование в Германии на стыке средних веков и Нового времени; *Лурье З. А.* Конфессия и гуманизм в первой половине XVI в.; *Копанева Н. П.* Даниил Готлиб Мессершмидт (1685-1735): судьба учёного; *Копанев Н.А.* Немецкие издатели и Россия в первой половине XVIII в.; *Титмайер Э.* Этнографические заметки Вильгельма Кизеветтера XIX в. и их научное значение; *Касаткина А. К.* Альберт Грубауэр и его этнографические коллекции в МАЭ РАН; *Ли В.* «Земли Вашего величества связывают Россию и Китай»: Роль Лейбница в геополитике и науке России; *фон Беттихер М.* Лейбниц и Петр Великий; *Беглен М.* Презентация проекта Петр Великий и Лейбниц; *Штутц А.* Процесс модернизации русско-немецких отношений и Петр Великий. Петр Великий и Лейбниц. История в лицах; *Хартанович М. Ф.* Немецкие ученые и Императорская Академия наук второй четверти XIX в.; *Шрадер Т. А.* Немецкие врачебные общества в Санкт-Петербурге (XIXв.); *Березницкий С.В.* Исследование Фридриха Дербека в России в конце XIX – первой четверти XX вв.

Вторая секция

Кризис локальных культур и философский поиск идентичности

Уффельман Д. Региональный идентичности и киберглобализация; *Лайхтман А.* Идентификация жертвы и память культуры в Западной Германии; *Головин Н.* Два типа динамики поколений в России и в Германии; *Карчевская Х.* Русско-еврейские родители-эмигранты об успехах двойной интеграции их детей в Германии; *Панченко Д.* Идентичность раннегреческих поэтов, философов и учёных: местная, племенная или национальная?; *Пфау О.* Идентичность и перспектива, реальность и представление – культура как ориентир в поиске стабильности во время перемен; *Муравьёв А. И. Г.* Фихте о понятии нации и проблеме национального самоопределения народа; *Ханрайх Г.* К ответу на вопрос: имеет ли современный индивиду культурные обязательства?; *Жеребин А.* Проблема зарубежной русской германистики: инокультурализм как преодоление кризиса

Третья секция

Многосторонняя интеркультуральная медиация

Осутин С. В. Многосторонние конфликты в бизнесе и возможности их урегулирования с помощью медиации; *Аллахвердова О. В.* Сравнительный анализ медиации в России и Германии; *Гришина Н. В.* Курт Левин. Работа с конфликтами: теория и практика; *Гуриева С. Д.* Особенности межкультурной медиации; *Лепехин Н. Н.* Психологические аспекты разрешения конфликтов; *Маничев С. А.* Гамбургская школа психологии коммуникации и применение ее подходов к разрешению конфликтов; *Осутин С. В.* Многосторонние конфликты в бизнесе и возможности их урегулирования с помощью медиации.

11 декабря

Секционные заседания

Первая секция

Россия и Германия в XX в.

Люкс Л. Против Сталина и Гитлера. Европейский кризис 1930-х гг. в зеркале русской эмигрантской газеты «Новый град»; *Васара В.-Т.* Развитие советско-германских отношений в 1920-1930-е гг. в представлении финских правых; *Барышников В. Н.* Германия и советско-финляндская война 1939-1940 гг.; *Пленков О. Ю.* Что осталось от Гитлера? Третий рейх в современном политическом сознании в Германии и России; *Приймак*

В. Общение между семьями как форма интернациональной интеракции (Из опыта русско-немецких отношений 1995—2012 гг.); *Келер А.* Семья, школа и образование в Германии в эпоху глобализации; *Том Ю. В.* Проблемы преподавания отечественной истории в СПбГУ в начале XXI в.; *Лебедева Т. Н.* Эволюция социально-рыночной модели Германии и истоки современных проблем народного хозяйства ФРГ; *Терюков А. И.* Германские «трофейные» коллекции в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН; *Худякова Е.* Немецкий костюм в русле общеевропейской тенденции первой трети XX-го века: факторы демократизации.

Вторая секция

Кризис локальных культур и философский поиск идентичности

Марков Б. Философско-культурные предпосылки диалога России и Европы; *Нейгебауер Г.* Бюрократия и локальные культуры. Замечания к их взаимоотношению вслед за Максом Вебером; *Паткуль А.* Идея позитивной философии Шеллинга в современном контексте; *Шахнович М. М.* Религиозное измерение межкультурного образования и поиск идентичности; *Глимпель К.* Установка на примирение. Чему Европа может научиться у Гегеля?; *Артамошкина Л.* Ницшеанец как биографический тип (к проблеме идентификации в культуре); *Левандовская Е.* «Культура» и «нация» в подвижных играх понятий; *Белоус О.Ю.* К вопросу о философии мышления в Третьем тысячелетии.

Третья секция

Многосторонняя интеркультуральная медиация

Морозов А. В. Ролевые игры в подготовке медиаторов; *Пилецкая Т. В.* Возможности медиации при задолженности по кредитам и обязательствам; *Меренков А. В.* Медиация в страховом бизнесе: пути и перспективы; *Иванова Е.Н.* Модерация как основной инструмент многосторонней медиации.

Четвертая секция

Основные тенденции, особенности и проблемы развития российско-германских отношений в конце XX-XX I вв. и перспективы будущего

Асадов Б. Р. Влияние гуманитарного фактора на развитие российско-германских отношений в сфере международного молодежного сотрудни-

чества; *Власов Н. А.* Российско-германские отношения в контексте политики безопасности ФРГ в начале XXI века; *Портнягина М.Д.* Проблема вывода советских войск из Балтийских государств в германо-российских отношениях; *Метелкин Е.Н.* Роль общественной организации «Гамбургский клуб» в становлении и развитии народной дипломатии середины 1980–нач. XXI века; *Румянцев А. Н.* Роль немецких культурных неправительственных организаций (Гете, Конрада Аденауэра) в современных российско-германских отношениях; *Василик В. В.* Православная церковь в Германии (кон. XX – нач XXI вв.); *Сергунин А.В.* Мерзебургский процесс: проблемы и перспективы; *Минеева С.И., Голодnev И.* Без вины виноваты; *Ширин С.С.* Всемирная паутина как среда и средство достижения целей внешней культурной политики России и Германии; *Трещенков Е. Ю.* Россия в немецкоязычном информационном поле: особенности восприятия; *Воскобойников В. М.* Взаимопроникновение культур. Книги немецких и русских писателей в детском чтении России и Германии XIX–XXI вв. (От Гауфа, братьев Гримм и Пушкина до Джеймса Крюса, Юрия Коваля, Лукьяненко и Глуховского).

Пленарное заседание

Вебер Д. И. Остезейское дворянство накануне Ливонской войны; *Кротов П. А.* Немецкие генералы в армии Петра Великого; *Фокин В. И.* Немецкий вклад в европейскую идентичность; *Микиртумов И. Б.* Обретение рациональности в идентификации человечества; *Карпенко А. Д.* Гамбургская модель многосторонней медиации и возможности ее применения в России.

ВСТРЕЧА С ЭКС-ПРЕЗИДЕНТОМ ФРАНЦИИ ВАЛЕРИ ЖИСКАР Д'ЭСТЕНОМ

27 декабря 2012 г. к середине дня студенты и преподаватели разных факультетов СПбГУ, и в первую очередь Исторического, собрались в Парадном зале Высшей школы менеджмента. В зале царило не свойственное чопорным управленцам оживление, которое объяснялось очень просто. Валери Жискара д'Эстен, президент Пятой республики с 1974 г. по 1981 гг., преемник Шарля Де Голля и Жоржа Помпиду, любезно откликнулся на приглашение кафедры истории Нового и новейшего времени и должен был с минуту на минуту войти в зал, чтобы адресовать «послание молодому поколению России». Имя В. Жискара д'Эстена знакомо современной молодежи в основном по документальным хроникам и страницам учебников. Хотя для тех, кто следит за политическими событиями, его имя на слуху и поныне вследствие большой активности бывшего президента в руководящих структурах Европейского Союза. Студенты были преисполнены осознания важности и неординарности предстоявшего события, впрочем, как и преподаватели, многие из которых принялись припоминать эпизоды из прошлого, так или иначе ассоциировавшиеся с именем высокопоставленного гостя.

Вспоминали его знаменитую фразу, сказанную в телевизионном интервью с Франсуа Миттераном, перед вторым туром выборов 1974 г.: «У вас нет монополии на сердца, г-н Миттеран!». Хлесткая, как пощечина, фраза эта подразумевала, что социалист Миттеран, с его обширной культурой гуманитария, хотя и выигрывал в народных симпатиях перед суховатым технократом, выпускником Политехнической школы, которым предстал в общественном мнении Жискара д'Эстен, все же должен был с ним считаться. Выдвиженец независимых республиканцев как в воду глядел, ибо победил своего соперника, хотя и с небольшим отрывом,

набрав 50,8% голосов избирателей против 49,2 % за Ф. Миттерана. Вспомнили, что 48-летний В. Жискара д'Эстен стал одним из самых молодых президентов Франции после Луи-Наполеона Бонапарта и Казимира Перье, избранных на этот пост соответственно в 1848 и в 1894 гг., что при нем были проведены реформы модернизации в социальной сфере. Преобразования касались не столько экономических аспектов жизни общества, сколько поведенческих: право голоса в 18 лет, узаконенные аборт, развод по взаимному согласию. Тем не менее, В. Жискара д'Эстен достаточно быстро потерял былую популярность, отчасти из-за экономического кризиса, инфляции и проблем безработицы, отчасти из-за избранного им стиля руководства, слишком аристократического, по мнению многих, не разделявших пристрастия президента к охоте. Даже в СССР, несмотря на «железный занавес», знали и обсуждали на все лады, что Валери Жискара д'Эстен – потомок Людовика XV, у которого, как известно, не было недостатка в бастардах. Стало очевидным, что за аристократическим стилем нового главы государства скрывается много консерватизма. Разоблачения сатирического журнала «Canard enchaîné» вызвали шквал обвинений против президента в принятии бриллиантов от Бокассы, диктатора Центральной Африки, в гостях у которого В. Жискара д'Эстен неоднократно бывал с официальными визитами и куда ездил охотиться на слонов. Разразился скандал, который окончательно уронил президента в глазах общественного мнения. К тому же обострились разногласия внутри правого большинства. Жак Ширак, исполнявший обязанности премьер-министра, недовольный модернистской политикой Жискара и его авторитаризмом, неожиданно подал в 1976 г. в отставку, основал и возглавил голлистскую партию Объединение в поддержку республики (RPR), ставшую в оппозицию к правительству. В ответ В. Жискара д'Эстен основал в 1978 г. центристский Союз за французскую демократию (UDF), однако голосов его сторонников оказалось недостаточно, чтобы одержать победу во втором туре президентских выборов 1981 г. против давнего его соперника социалиста Ф. Миттерана.

Сложив полномочия президента, В. Жискара д'Эстен не побоялся начать все заново. Депутат департамента Пуи-де-Дом в 1984 г., председатель Регионального совета Оверни в 1986 г., он возглавил в 1988 г. Союз за французскую демократию (UDF) и сумел сохранить доверенные ему мандаты и на последующих перевыборах. С 2004 г., оставив большинство из занимаемых им прежде постов, он принял активное участие в работе Конституционного совета. Убежденный европеец, депутат Европарла-

мента, он и там проявил свою деятельную натуру, хотя успех не всегда сопутствовал его начинаниям. Так, разработанный под его руководством текст Европейской конституции не получил одобрения французов и голландцев на референдумах 2005 г. и был заменен Лиссабонским договором. В. Жискар д'Эстен любит литературу, и сам испытывает тягу к сочинительству. Он – автор ряда произведений, написанных в самых разных жанрах от политического очерка до романа, что способствовало его избранию в 2003 г. во Французскую академию в кресло Леопольда Седар Сенгора № 16. Некоторые из его книг вышли в русском переводе: воспоминания «Власть и жизнь» (Le Pouvoir et la Vie. En 3 tomes. Т. 1. Paris, 1988. Т. 2. Paris, 1991. Т. 3. Paris, 2007), эссе «Французы: Размышления о судьбе народа» (Les Français, réflexions sur le destin d'un peuple. Paris, 2000), роман «Принцесса и президент» (La Princesse et le Président. Paris, 2009). Исторический же роман В. Жискара д'Эстена «Победа Великой армии» (La Victoire de la Grande Armée. Paris, 2010), посвященный событиям Русского похода Наполеона, способствовал превращению экс-президента в «собрата по цеху» историкам, пришедшим на встречу с ним. И хотя история не знает сослагательного наклонения, именно изрядная доля вымысла, содержащаяся в романе, и неправдоподобность развязки стали причиной его успеха во Франции. Едва вступив в Москву, Наполеон Жискар д'Эстена приказывает Великой армии оставить объятую пламенем столицу, вынуждает М. И. Кутузова на наступление, и, разбив, как и рассчитывал, русскую армию, отрекается от трона в пользу приемного сына Евгения де Богарне. Столько рассудительности во властелине Европы трудно себе и представить! Демонстрируя интерес экс-президента к России, роман является ко всему прочему очевидным доказательством незаживающей раны, нанесенной французскому патриотизму катастрофой Великой армии. В. Жискар д'Эстен, которому довелось в 1975 г. отдать дань памяти соотечественникам, polegшим на Бородинском поле, представлял Францию на грандиозной реконструкции битвы в честь 200-летнего ее юбилея в 2012 г.

Вот, в целом, какие мысли и ассоциации, связанные с именем бывшего президента, могли возникнуть у пришедших на встречу с ним. Оставив президентский пост более 30-ти лет назад¹, В. Жискар д'Эстен и по сей день сохранил авторитет и значение в политической жизни Франции и Евросоюза, являясь примером политического долголетия. Некогда самый молодой президент Пятой республики, ныне, когда ему за 80, он обрел статус республиканского мудреца, оракула, к которому обращают-

ся всякий раз, когда мир или демократия сталкиваются с проблемами. В. Жискара д'Эстен, VGE, как называют его французы, всегда хотел жить в ногу со временем, он и поныне пристально следит за изменениями, происходящими в мире, предаётся размышлениям о европейской цивилизации, экономическом кризисе, глобализации. Неудивительно, что встреча с таким человеком вызвала энтузиазм и молодежи, и преподавателей, и журналистов, которых также собралось немало в зале.

Появление экс-президента, столь же элегантного и легко узнаваемого, как на фотографиях, было встречено звонкими аплодисментами. Перед слушателями предстала «живая история», по меткому выражению канд. ист. наук, председателя Общероссийского военно-исторического движения, доцента кафедры истории Нового и новейшего времени О. В. Соколова, который взял на себя обеспечение последовательного перевода. В. Жискара д'Эстен начал с небольшой речи, после чего ответил на вопросы студентов. Оказалось, что он приехал в Санкт-Петербург с семьёй просто для того, чтобы отдохнуть и набраться новых впечатлений. Период между Рождеством и 1 января – каникулярное время во Франции, а «Санкт-Петербург это дивный город, который нужно видеть зимой, в сезон, раскрывающий самую суть Северной Европы». Отметим, что в январе 2013 г., давая интервью для французской газеты *La Croix*, В. Жискара д'Эстен вспомнил об этом своем путешествии в Санкт-Петербург, отметив, в частности, что во время посещения Эрмитажа его внимание привлекла к себе картина Эдгара Дега «Площадь Согласия». Картина эта, на которой изображен виконт Лепик, друг художника, вместе с дочерьми пересекающим площадь Согласия в Париже, считалась длительное время утерянной пока после развала Советского Союза ее не обнаружили в запасниках Эрмитажа, в которых она оказалась в качестве трофея Второй мировой войны². Но вернемся собственно к тому, что было сказано В. Жискара д'Эстеном на встрече с молодым поколением России.

Бывший президент вспомнил первым делом о своих встречах с руководителями СССР и Российской Федерации. Оказалось, что впервые он приехал в Москву в качестве министра финансов генерала Де Голля (он занимал этот пост с 1962 по 1966 гг.) для налаживания торгового обмена с СССР. Министр экономики и финансов Жоржа Помпиду (1969–1974), он вновь побывал в Советском Союзе, торговля с которым, хотя и развивалась, но незначительно. Наиболее яркие воспоминания остались у Жискара д'Эстена от встреч с Л. И. Брежневым. Хотя и достаточно редкие, раз в год или в два года, взаимные визиты французского президен-

та и Генерального секретаря ЦК КПСС были окрашены эмоциями. Свои отношения с Брежневым В. Жискард д'Эстен охарактеризовал как «очень простые и доверительные». «И это несмотря на то, что Советский Союз и Франция принадлежали к двум враждебным военным лагерям с риском взаимного уничтожения». Как известно, большая история складывается из множества малых. И экс-президент поведал о том, как, прилетев в аэропорт Шереметьево в апреле 1979 г. и сойдя с трапа самолета, к своему удивлению, обнаружил Л. И. Брежнева перед группой людей, размахивавших флажками. В то время на Запад просачивалось много слухов о плохом самочувствии Генерального секретаря. Заметив недоумение гостя, Брежнев объяснил, что приехал, несмотря на запрет врача: «Я не хотел, чтобы мое отсутствие было неправильно истолковано. Вы – друг». По пути в Кремль он делился с президентом Франции своими недугами, что, по мнению последнего, было величайшим доказательством доверия, ибо, проговорись он журналистам, все газеты мира в одночасье смаковали бы информацию. В мае 1980 г. во время Варшавской встречи, после ввода советских войск в Афганистан, ему, казалось, удалось урезонить советского руководителя. «Я сказал ему: “Будьте осторожны! Вы хотите, чтобы о Вас говорили как о поборнике мира, но если Вы продолжите боевые действия, повсюду о Вас будут говорить как о поборнике войны”». В конечном счете, несмотря на несговорчивость министра иностранных дел А. А. Громыко, Брежнев дал понять *en tête à tête*, что попробует найти политическое решение афганской проблеме: «Я знаю, что ввод войск в Афганистан – это ошибка и постараюсь положить этому конец». Как известно, советские войска были выведены из Афганистана лишь в 1988–1989 гг. «Политические и военные обстоятельства не позволили ему выполнить свое обещание», – сказал, будто в его оправдание, В. Жискард д'Эстен. Отметим от себя, что в опубликованных им воспоминаниях в подробностях изложены впечатления, вынесенные им из встреч с Л. И. Брежневым, как и политическая подоплека переговоров³.

Прочитав обращенную к нему фразу Б. Н. Ельцина «Я хочу, чтобы Россия вступила в Европейский Союз, но не знаю, как это сделать. Дайте совет», экс-президент перешел к рассуждениям о перспективах развития отношений России и Евросоюза. Выразив уверенность, что экономическое развитие России продолжится, он подчеркнул важность для любой страны ее отношений с соседями: «Через 20–30 лет, кто будет соседями России? Я думаю, что мир не будет глобализован, потому что невозможно управлять 8 миллиардами людей. Достаточно посмотреть

на огромное количество противоречий, конфликтов, гражданских войн в мире. Так что Россия не исчезнет в глобализации. Она сохранит свою идентичность. Мне кажется, что главным партнером России будет объединенная Европа. Однако есть одна проблема, которая представляется мне непреодолимой: Россия не сможет вступить в Европейский Союз». В продолжение этой мысли В. Жискара д'Эстен подверг критике знаменитое выражение Ш. Де Голля о Европе от Атлантики до Урала. Действительно, невозможно и представить, чтобы Россия разрезала себя пополам, отделение европейской ее части от сибирского пространства представляется абсурдным. А протяженную сибирскую границу нельзя воспринимать так же, как границы небольших европейских государств.

Что же касается Европы, которая в настоящее время представляет собой конфедерацию государств, то В. Жискара д'Эстен поделился с аудиторией надеждой на то, что через 20 лет она обретет федеративное устройство с единым правительством, наподобие немецких земель или американских штатов, что позволит ей стать могущественной политической и экономической силой. «И это будет не та Европа, которая сейчас есть, не Европа 27 стран, эта совершенно неуправляемая сила, в которой много центробежных тенденций. Та часть Европы, которая может организоваться в единое целое, это, конечно, зона евро, поэтому возможно будет рассматривать интеграцию, скажем, 15 европейских стран. А это означает 300–320 миллионов жителей, пространство столь же населенное, как Соединенные Штаты, с торговым оборотом большим, чем у США, и с ВВП сравнимым с китайским». Кроме общего пространства, у такой объединенной политической структуры будет единая экономическая политика, бюджет, законы и налоговая система. И хотя на первый взгляд мечта В. Жискара д'Эстена кажется мало осуществимой, подкупает его убежденность, что Европа на правильном пути и многое уже достигнуто (общая монета, единые правила экспорта и т.д.). «Европа – континент и Россия – континент, – сказал в завершение своего выступления В. Жискара д'Эстен, – и они созданы для взаимодействия и партнерства».

Последовавшие вопросы касались главным образом затронутых в выступлении политических проблем, но были и другие, более личного характера. Некоторые из вопросов можно охарактеризовать как каверзные. Так, один из слушателей поднял тему Европейского оборонительного сообщества, проект которого, как известно, не выдержал испытания французским референдумом 1954 г. И до сих пор участники Евросоюза, члены НАТО, не имеют единой системы обороны, существуют лишь

соглашения между отдельными странами. «К тому же, – подчеркнул экс-президент, – Великобритания, без участия которой немыслимо создание единой системы обороны, явно нацелена на отделение от Европы». Каверзным можно назвать и вопрос о том, почему французы отвергли Европейскую конституцию на референдуме 2005 г. Свой ответ экс-президент начал с неожиданного утверждения: «Они не отвергли Европейскую конституцию». Довольный созданной сенсацией, он продолжил: «Правительство предложило конституцию, когда 64% французов по опросам общественного мнения одобряли ее текст. Но правительство было очень непопулярно, и, когда на референдуме большинство сказала “нет”, сумело представить дело так, будто это “нет” относилось не к нему, а к конституции». В. Жискара д’Эстен затронул тем самым дискуссионную тему об уместности референдумов. Опыт показывает, что когда вопрос стоит ребром “да” или “нет”, то в случае недовольства правительством граждане, не слишком интересуясь поднятыми темами, голосуют против разочаровавших их политических деятелей. “Нет” на референдуме 2005 г. относилось к правительству Ж.-П. Раффарена, которое после провала проекта Европейской конституции вынуждено было уйти в отставку.

Вопрос о визах, а именно о возможной их отмене в будущем или облегчении визового режима Евросоюза в отношении России, стал уже настолько традиционным, что невозможно представить себе разговор с европейским политиком без того, чтобы он не был задан. Не стала исключением и нынешняя встреча. Объявив себя сторонником либерализации визового режима в отношении России, В. Жискара д’Эстен отметил, что Европа должна все же контролировать миграционные потоки, которые, впрочем, всегда существовали. Франция приняла на своей территории большое количество иммигрантов из Италии, а после Второй мировой войны – из Испании, Португалии, стран Магриба, и проблемы, порождаемые миграцией, особенно нелегальной, известны французским политикам не понаслышке. «Сегодня риск миграции из неблагоприятных в экономическом отношении стран в благополучные так же велик, как и ранее, – отметил В. Жискара д’Эстен. – Перед европейскими политиками стоит, поэтому, трудная задача достичь некоего баланса, который был нарушен и который будет сложно восстановить». Отвечая на вопрос о том, какие сферы сотрудничества между Россией и Евросоюзом возможны, кроме политической, экс-президент упомянул энергетику и культуру. «Россия, обладающая обширным энергетическим комплексом, и Евросоюз, способный поставлять высокие технологии, прекрасно дополняют друг друга».

Вопросы личного характера, обращенные к экс-президенту, имели отношение к накопленному им богатому политическому опыту. Разумеется, молодые люди нуждаются во вдохновляющих их на свершения примерах, и В. Жискара д'Эстен мог бы служить образцом для многих. Отвечая на вопрос о том, как он избрал центристское течение в политической жизни Франции и как ему удалось сохранить ему верность, он сказал, что «всегда не доверял крайностям». Опыт участия в боях в 1944–1945 гг. убедил его в предпочтительности поиска конструктивных решений проблем. Техническое образование, которым экс-президент немало гордится, способствовало воспитанию в нем последовательности и ясности мышления. «Кроме того, мне выпал шанс, – продолжил В. Жискара д'Эстен, – работать с великим человеком. Это генерал Де Голль. Он был чрезвычайно прозорлив, смотрел далеко вперед и не придавал значения сиюминутным передрягам. Он задавался большой стратегической целью и направлял все силы на ее достижение. Будучи сильной личностью, он отстаивал свой выбор, но это не значит искать постоянно стычки, столкновения. И я считаю, что понятие прогресса в обществе только выигрывает от подобного образа действий». Между тем, по мнению В. Жискара д'Эстена, современные политики – не те, что были 30–40 лет назад. Главное отличие состоит в том, что в их распоряжении имеется Интернет, обеспечивающий их непрерывным потоком информации и позволяющий реагировать быстро, но скорее эмоционально, чем рационально. В целом в словах В. Жискара д'Эстена сквозило разочарование сегодняшним состоянием демократии из-за преобладания индивидуалистических стремлений и отсутствия коллективной мотивации.

Последний вопрос касался преград, стоящих на пути вступления Турции в Евросоюз. Как известно, В. Жискара д'Эстен – противник этого проекта. Еще раньше в ходе своего выступления, рассуждая о будущем отношений России и Евросоюза, он отметил следующее: «Мне кажется, что Европейский Союз не должен присоединять к себе государства, вступлением которых Россия может быть недовольна. И я считаю, что Союз не может включать в себя ни Украину, ни Турцию, потому что это нанесло бы ущерб интересам России. В таком случае у России были бы основания полагать, что она нечто стороннее и против нее предпринимаются объединенные действия». В дополнение к вышесказанному В. Жискара д'Эстен прибег к географическим аргументам, которые, естественно, не исчерпывают проблему. Заявив, что «Турция сама перенесла свою столицу из Стамбула в Анкару в начале XX в.» и, утверждая тем самым

что Турция – страна азиатская, экс-президент явно отдал предпочтение условности, каковой может считаться воображаемая граница по Босфору между Европой и Азией. Хотелось возразить: «А как же, г-н президент, знаменитые греки Античности, математик Фалес, историк Геродот, поэт Гомер, которые жили на побережье Малой Азии? При том огромном значении, которое они имели для европейской культуры, нельзя назвать их азиатами! Так наверное не столько географический фактор, сколько нравы и обычаи турок, во многом сформированные мусульманской религией, вкупе с их многочисленностью, могут стать препятствием вхождению Турции в Евросоюз». Однако ни для возражений, ни для вопросов времени не оставалось.

Встреча с В. Жискаром д'Эстеном длилась более часа. У преисполненных энтузиазмом слушателей тем не менее осталось много не заданных вопросов, в частности, на тему войны 1812 г. в его историческом романе. А так хотелось спросить, был ли Наполеон для экс-президента образцом государственного деятеля и вдохновлялся ли он своей «дуэлью» с Миттераном при работе над образами императора французов и его соперника Александра I. И хотя можно по-разному относиться к прогнозам экс-президента и не верить в будущее Евросоюза, как оно ему рисуется, нет сомнения, что В. Жискара д'Эстен в полной мере оправдал в глазах студентов и преподавателей свою репутацию оракула Республики.

¹В. Жискара д'Эстен побил «рекорд» Эмиля Лубе по самому долгому пребыванию в статусе экс-президента.

²См.: La Croix. Samedi 26, dimanche 27 janvier 2013. P. 6–8.

³Giscard d'Estaing V. Le Pouvoir et la Vie. T. 1: La Rencontre. Paris, 1988. P. 52–56; T. 2: L'Affrontement. Paris, 1991. P. 403–435.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

22 декабря 2012 г. исполнилось 65 лет профессору кафедры истории Нового и новейшего времени Анатолию Васильевичу Смолину. Не так давно, меньше двух лет назад, Анатолий Васильевич пришел на нашу кафедру в качестве доцента. Постепенно знакомясь с ним, мы узнавали в нем умного, деликатного, тонкого, интеллигентного человека, достойного глубокого уважения и почитания.

Постепенно познакомились мы и с некоторыми страницами его биографии. Мы узнали, что каждому периоду своей жизни он отдал определенную дань, но все они были так или иначе связаны с исторической наукой: даже электромонтером он работал в Государственном музее Великой Октябрьской социалистической революции, одновременно участь на вечернем отделении Исторического факультета Ленинградского государственного университета. Его учеба была прервана призывом в Советскую армию, где он в звании лейтенанта командовал артиллерийским взводом, что требовало не только глубокого знания точных наук, но и педагогического дарования – ведь ему было доверено воспитание молодых солдат! Впрочем, годы военной службы никак не сказались на его страстном увлечении Историей, и после выхода в запас он стал аспирантом Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР. Здесь он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную одному из тяжелых периодов в истории его родного города – обороне Петрограда в 1919 году.

А затем он на многие годы посвятил себя благородному труду преподавателя, вначале став доцентом кафедры истории СССР Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Здесь по достоинству оценили не только его исследовательские качества, но и блестящее владение

английским языком – и ему была предоставлена редкая по тем временам возможность полгода стажироваться в лучшем университете Калифорнии – Стэнфордском. Вернувшись из США, он с новой энергией принялся за подготовку докторской диссертации, которую успешно защитил в 1996 году. Еще через два года он получил достойную его должность, став профессором кафедры русской истории Российского государственного университета им. А. И. Герцена, а в 2009 г. – профессором кафедры гуманитарных и социальных наук Санкт-Петербургской академии экономики и управления. Этот период его жизни отмечен появлением в научной печати ряда великолепных работ, принадлежащих его талантливому перу. Тематика их разнообразна: от истории интервенции войск Антанты в 1917–1920 гг. до трагедии Белого движения, от первых шагов адмирала А. В. Колчака в большой политике до дипломатической деятельности В. А. Маклакова – но все эти исследования, так или иначе, связаны с историей Петрограда и, шире, всего Северо-Запада нашей Родины.

Ему стали подвластны самые разнообразные жанры исторических исследований – историография, источниковедение, анализ причин и особенностей широких народных движений в России и Финляндии, публикации официальных документов и частной переписки, дневников и мемуаров.

Закономерным стало его возвращение в Петербургский (некогда Ленинградский) государственный университет: интерес нового поколения студентов к непростой истории России первой четверти XX века теперь мог быть реализован полностью! И он, обладая редким даром живой, искрометно остроумной манеры излагать материал своих лекций, умеет этот интерес подогреть и развить!

Мы искренне полюбили Анатолия Васильевича и испытываем чувство глубокого уважения к нему как к своему коллеге, ученому, педагогу, деликатному, чуткому человеку, обладающему тонким чувством юмора.

Поздравляем Анатолия Васильевича со столь знаменательным юбилеем, желаем ему здоровья, счастья, бодрости, жизненных сил, исполнения желаний, успехов и благополучия. Мы ждем от него новых научных трудов! Пусть его перо будет легким, мысль светлой, а издатели – благосклонны!

Коллектив кафедры истории Нового и новейшего времени

* * *

19 февраля 2013 года исполнилось 75 лет кандидату исторических наук, доценту кафедры истории Нового и новейшего времени Нине Петровне Евдокимовой.

Вся жизнь и деятельность Нины Петровны Евдокимовой неразрывно связана с нашим университетом. Выпускница исторического факультета, она является опытным педагогом, квалифицированным научным работником, хранителем традиций кафедры истории Нового и новейшего времени. Нина Петровна Евдокимова является продолжателем научной деятельности своего научного руководителя, профессора Кирилла Борисовича Виноградова. Долгое время на общественных началах она также являлась заместителем декана исторического факультета по аспирантуре и многие аспиранты, которые сейчас уже стали видными учеными, ее знают не только как профессионала высокого уровня, но и как очень отзывчивого и доброго человека.

Ученики Нины Петровны Евдокимовой трудятся сегодня на благо исторической науки не только в России, но и в других странах. Стал признанным ученым, автором нескольких монографий ее аспирант из Италии Марко Клементи, в свое время успешно защитивший диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в СПбГУ. Ныне он преподает в одном из итальянских университетов и поддерживает творческие связи со своим научным руководителем и кафедрой истории Нового и новейшего времени. Другой аспирант Нины Петровны Евдокимовой, выпускник и до недавнего времени преподаватель кафедры, Андрей Владимирович Бодров, не только успешно завершил обучение в аспирантуре, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, но и стал автором серьезной монографии, изданной в 2011 г. Очередной аспирант Нины Петровны Евдокимовой – О. В. Анисимов с успехом защитил кандидатскую диссертацию в 2011 г.

Область научных интересов Нины Петровны Евдокимовой – история международных отношений последней трети XIX – первой трети XX в. Долгие годы она также изучает историю Третьей республики во Франции. Ей принадлежат более 30 крупных, серьезных научных работ, многие из которых были опубликованы в ведущих научных журналах страны. Нина Петровна Евдокимова также подготовила и издала две фундаментальные монографии «Между Востоком и Западом: Проблема

сепаратного мира и манёвры дипломатии австро-германского блока в 1914 – 1917 гг.» и «Раймон Пуанкаре – президент Франции» (в соавторстве).

Нина Петровна Евдокимова с успехом читает на историческом, философском факультетах лекционные и специальные курсы по истории Нового и новейшего времени, истории международных отношений, истории Италии и Германии. Также она ведет практические занятия, преддипломный семинар, руководит написанием курсовых и дипломных работ, подготовкой аспирантов. Ее отличает новаторский подход к делу. За десять лет ею было издано пять учебно-методических работ.

По инициативе Нины Петровны Евдокимовой кафедрой истории Нового и новейшего времени был подготовлен и проведен ряд крупных международных конференций. В 2011 г. при непосредственном участии Нины Петровны состоялась организованная совместно с философским факультетом масштабная конференция «Италия объединенная. Сто пятьдесят лет опыта», в которой приняли участие и ученики Нины Петровны итальянец М. Клементи и бывший сотрудник кафедры А. В. Бодров. Другая конференция «Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время», собравшая более 70 известных ученых, занимающихся историей стран Запада, которая была посвящена создателям Ленинградской - Петербургской школы историков, также была проведена в 2011 г. Многие из участвовавших в этой конференции, ставших теперь признанными учеными-исследователями, являлись выпускниками кафедры истории Нового и новейшего времени.

Много сил и времени Нина Петровна Евдокимова отдает работе на кафедре, ее студентам и аспирантам. Опыт, доброжелательность, требовательность, душевная щедрость, отзывчивость, способность сопереживать отличают Нину Петровну Евдокимову. Она пользуется заслуженным авторитетом и любовью среди студенческой молодежи и преподавателей исторического факультета.

Поздравляем Нину Петровну с прекрасным юбилеем и искренне желаем ей доброго здоровья, огромного счастья, дальнейших научных успехов! Пусть только радость и удовлетворение приносит ей наш такой важный, нелегкий, но интересный преподавательский труд!

Коллектив кафедры истории Нового и новейшего времени

**МАТЕРИАЛЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В
«ТРУДАХ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО И
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ»
№ 6-10 (2011-2013 ГГ.)**

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- Барышников В. Н.* К вопросу о ксенофобии: была ли советско-финляндская война 1939-1940 гг. «войной Эрко»? № 7
- Бодров А. В.* Политика Бисмарка в отношении Франции в первой половине 1870-х гг. в зеркале журнала «Preußische Jahrbücher» № 6
- Борисенко В. Н., Сидоренко Л. В.* Роль фактора завоевания в оценке Славной революции 1688–1689 гг. № 10
- Бугашев С. И.* Британский суфражизм в XIX – начале XX века . . . № 8
- Бугашев С. И.* Рейды британского флота на французское побережье в период Семилетней войны (1756 – 1763 гг.) № 9
- Вассович А. Л.* Нацистская русофобия перед судом истории (К 65-летию завершения Нюрнбергского процесса) № 7
- Возгрин В. Е.* Крымские татары в Отечественной войне 1812 г. № 10
- Гончарова Т. Н.* Наполеон, Жозефина, Жермена и другие. Какая роль для женщины сразу после Французской революции? . № 6
- Евдокимова Н. П.* В поисках истины: был ли Аристид Бриан ренегатом социалистического движения? № 7
- Катцова М. А.* К проблеме истоков северного регионализма: феномен «практического скандинавизма» в последней трети XIX – первой половине XX в. /часть I/ № 6
- Катцова М. А.* К проблеме истоков северного регионализма: феномен «практического скандинавизма» в последней трети XIX – первой половине XX в. /часть II/ № 7

<i>Кипнис Б. Г.</i> Место пьемонтского вопроса в русско-французских отношениях в конце XVIII - начале XIX веков	№ 9
<i>Кононов В. А.</i> Внешняя политика Сербии в системе международных отношений Запада на современном этапе	№ 6
<i>Массов А. Я.</i> Эволюция отношения белых жителей Австралии к России и русским (вторая половина XIX - начало XX вв.)	№ 8
<i>Петрова А. А., Ткачева М. С.</i> Крымская война во внешней политике Испании	№ 9
<i>Плат Т.</i> Рига 1812 г. – события и последствия: пожар в московском предместье Риги	№ 10
<i>Пристуна Н. Н.</i> К вопросу о подходах Э. Бенеша и чехословацких национальных социалистов к выселению немцев из Чехословакии (1938–1945 гг.)	№ 8
<i>Сидоренко Л. В.</i> Апартеид как специфическая форма колониализма	№ 9
<i>Сидоренко Л. В.</i> Проблема политического положения протестантских религиозных меньшинств в Великобритании XVIII в.	№ 6
<i>Сидоренко Л. В.</i> Религиозные аспекты Славной революции в Англии	№ 8
<i>Смолин А. В.</i> Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг.	№ 9
<i>Соколов О. В.</i> Политические и военные планы Наполеона накануне войны 1812 г.	№ 9
<i>Фокин В. И.</i> Уроки Нюрнбергского трибунала и преодоление национализма и ксенофобии в современной России	№ 7
<i>Чихорацки П., Домбровски Д.</i> События 1938–1939 гг. в Подкарпатской Руси и последняя польская попытка осуществления идеи «Междуморье»	№ 10

II. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

<i>Анисимов О. В.</i> Религиозный спор о Святой земле в середине XIX в.: в поисках компромисса	№ 8
<i>Васара В.-Т.</i> Была ли угроза крайне правого переворота в Финляндии настоящей в 1927 г.?	№ 8

<i>Гончарова Т. Н.</i> Русские события парижской зимы 2012–2013 гг.: сотрудничество России и Франции в сферах культуры, науки и образования	№ 10
<i>Грудаков Ф.</i> К вопросу об антисемитизме в Польше в межвоенный период (1918–1939 гг.)	№ 7
<i>Дубинина В. Н.</i> Убийство президента П. Думера русским эмигрантом: версии мотивов преступления	№ 6
<i>Дубинко-Гуца Е. О.</i> Исторические предпосылки шлезвиг-голштинского конфликта и его влияние на формирование внешней политики Дании	№ 7
<i>Еремина Н. В.</i> Культурно-историческое наследие как фактор роста этнорегионального движения в Великобритании	№ 8
<i>Клименко О. О.</i> Влияние доктрины Трумэна и плана Маршалла на изменение политики США в Китае в 1947–начале 1948 г.	№ 10
<i>Мандела П.</i> Польско-чехословацкие отношения в 1918–1939 гг.	№ 6
<i>Пархоменко И. С.</i> Бытовые условия жизни немецкого населения на территории Калининградской области в первые послевоенные годы	№ 6
<i>Пленков О. Ю.</i> Французская кампания Вермахта и ее стратегические последствия	№ 10
<i>Портнягин Д. И.</i> Лейбористская партия Великобритании и проблемы африканского национализма (1945–1951 гг.)	№ 8
<i>Сидоренко Л. В.</i> Лорд Бьют и политическая элита Великобритании в 1760-х гг.	№ 7
<i>Талья А. Ю., Ушаков В. А.</i> Российский дипломат Павел Свиньин и его описание американской республики в начале XIX века	№ 9
<i>Туманова К. А.</i> Проблема интеграции мусульманских общин в Германии на современном этапе	№ 7
<i>Чарахчян В. К.</i> Шведский «третий путь». Осознанная последовательность или естественное развитие?	№ 9
<i>Чудина Т. И.</i> Англо-ирландские отношения в 1775–1801 гг.: взгляд со стороны англичан	№ 9
<i>Шкваров А. Г.</i> Части Финляндского корпуса и финские национальные войска в 1812 году	№ 10
<i>Яковлева М. Г.</i> Положение гугенотов и границы религиозной терпимости во Франции в 1661–1683 гг.	№ 7

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

- Барышников В. Н.* Игорь Павлович Шаскольский - создатель ленинградской школы историков-скандинавистов № 9
- Барышников В. Н.* Историческое значение документального фильма автора-режиссера Ю. Райзмана «К вопросу о перемирии с Финляндией» (1944 г.) № 10
- Вишнев М. Р.* Национальная идея и география в Германии: Ф. Науманн и К. Хаусхофер № 8
- Гончарова Т. Н.* Прозорливый националист: журналист и историк Жак Бэнвилль № 7
- Крейцберг К. А.* «Новый национализм» Юнгера как часть немецкой «консервативной революции» № 8
- Мильчарек М.* Битва за Силезию в мемуарах маршала Конева . . . № 6
- Петрова А. А.* «Национальная проблема» в Испании: история и современность (историографический аспект) № 7
- Стецкевич М. С.* Антикатолицизм и британское национальное самосознание: проблемы историографии № 7
- Шершинева С. В.* Роман Дж. Ф. Купера «Шпион, или повесть о нейтральной территории» как первый американский исторический роман № 10
- Януш Я. Б.* Великая перечеканка 1696-1698 гг. Взгляд из нумизматики № 8

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

- Кареев Н. И.* Личное начало и роковые силы в истории № 6
- Записки генерала В. И. Левенштерна (фрагменты). Подготовка текста, вступительная статья и комментарии О. В. Соколова № 10
- Русские в Финляндии в 1918-1919 гг. Часть 1 (Рапорт лейтенанта Дихта морскому аташе в Швеции В. А. Сташевскому). Подготовка текста, вступительная статья и комментарии А. В. Смолина № 6
- Русские в Финляндии 1918-1919 гг. Часть 2: Трагедия русских в Финляндии. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии А. В. Смолина № 7

Русские в Финляндии 1918-1919 гг. Часть 3. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии А. В. Смолина	№ 9
Советские дипломатические и разведывательные документы о скрытом финско-германском военном сотрудничестве в 1940 г. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. Н. Барышникова	№ 8
Финское командование глазами советской разведки. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии П. В. Петрова	№ 7

V. РЕЦЕНЗИИ

<i>Васара В.-Т.</i> Взгляд на многогранную историю финского правого радикализма 1920-х – первой половины 1940-х годов. Рецензия на книгу: AKS:n tie. Akateeminen Karjala-Seura isanmaan ja heimoaاتteen asialla. Toimittanut Mikko Uola. Minerva Kustannus Oy; Akateemisen Karjala-Seuran Perinneyhdistys ry. Helsinki, 2011. – 416 с.	№ 8
<i>Вассоевич А. Л.</i> Рецензия на книгу: Верт А. Пять дней в блокадном Ленинграде. Впечатления о городе и его жителях английского журналиста и писателя. СПб., 2011. – 224 с.	№ 8
<i>Гончарова Т. Н.</i> «Россия против Наполеона» или «Битва за Европу»: взгляд английского историка с российскими корнями. Рецензия на книгу: Dominic Lieven. La Russie contre Napoleon. La bataille pour l'Europe (1807–1814). Paris: Syrtex, 2012. – 615 p.	№ 9
<i>Искюль С. Н.</i> Рецензия на книгу: Damamme J.-C. Les Aigles en hiver. Russie 1812. Paris: Plon, 2009. – 818 p.	№ 8
<i>Кротов П. А.</i> Рецензия на книгу: Шкваров А. Г. Казачество эпохи Петра Великого. Конец «вольностям» казачьим. СПб.: Алетейя, 2012. – XVI, 416 с.	№ 10
<i>Славинский Н. Р.</i> Рецензия на книгу: П. А. Кротов. Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине. СПб., 2009. - 416 с.	№ 6
<i>Смолин А. В.</i> Рецензия на книгу: В. К. Шацило. Последняя война царской России. М., 2010. – 352 с.	№ 7

- Уренцев Н. И.* Новые документы о прибалтийских отношениях 1920–1930-х годов. Рецензия на книгу: Baltijos valstybių vienybės ir praktika 1918-1940 metais / dokumentų rinkinys / Lietuvos istorijos institutas, Vilniaus universitetas; parengė Z. Butkus. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – 898 p. № 8
- Фокин В. И.* Книга об исторической памяти в контексте современного гражданского долга. Рецензия на книгу: Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб.: РХГА, 2012. – 200 с., 16 с илл. № 9
- Щеголев С. И.* Рецензия на антологию: Наполеон Бонапарт: Pro et Contra. Личность и деяния Бонапарта в оценках российских исследователей / Сост., вступит. статья, комментарии О. В. Соколова. СПб.: РХГА, 2012. – 1038 с. (Серия «Русский Путь») № 10

VI. ХРОНИКА

- Гончарова Т. Н.* Русская тема в Париже, Компьени и Мальмезоне . № 8
- Гончарова Т. Н.* Встреча с экс-президентом Франции Валери Жискар д’Эстеном № 10
- Рийес Х. К.* Независимость Венесуэлы и кризис испанского монархического порядка. выступление профессора Х. К. Рийеса перед студентами кафедры (5 октября 2010 г.) № 6
- Шершинева С. В.* Профессор Станислав Михайлович Стецкевич . . № 6
- Яковлева М. Г., Бодров А. В.* О деятельности СНО «Новист» в 2010/11 учебном году № 6
- Яковлева М. Г.* О деятельности СНО «Новист» за 2011/12 учебный год № 9
- Защита диссертаций: Попов И. Д. № 6
- Защита диссертаций: Анисимов О. В. № 6
- Защита диссертаций: Чжань Яньнань № 8
- Конференции, проведенные кафедрой истории Нового и новейшего времени (октябрь 2010 г. – март 2011 г.) № 6
- Конференции, проведенные кафедрой истории Нового и новейшего времени (апрель – сентябрь 2011 г.) № 7

Наши юбиляры (В. А. Ушаков, А. А. Петрова, С. В. Шершнева) . .	№ 9
Наши юбиляры (А. В. Смолин, Н. П. Евдокимова)	№ 10
Памяти Бориса Павловича Заостровцева (06.04.1953–06.08.2011) . .	№ 7

РЕФЕРАТЫ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

УДК 94(420).06

Борисенко В. Н., Сидоренко Л. В. **Роль фактора завоевания в оценке Славной революции 1688–1689 гг.** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 14–24.

В статье рассматриваются события Славной революции 1688–1689 гг. в Англии в контексте концепции объяснения произошедшей смены власти как акта завоевания Вильгельмом Оранским. Авторы статьи анализируют роль и деятельность голландского статхаудера по вмешательству в английские дела, реакцию на это современников, последствия этого шага для прочности нового революционного режима. Основным выводом статьи выступает тезис о том, что хотя технически смена власти в Англии в 1688 г. произошла благодаря действиям, попадающим под определение завоевания, по историческим и конституционным последствиям невозможно признать Славную революцию итогом лишь насильственных действий иностранного правителя, так как английское общество допускало возможность признать вооружённое вторжение иностранца при условии выполнения им базовых политических и конституционных требований, что было исполнено Вильгельмом Оранским и позволило ему стать в общественной мифологии освободителем нации, а не её поработителем.

Ключевые слова: Славная революция, Англия, Вильгельм Оранский, завоевание, политика.

УДК 94(47).072.5

Возгрин В. Е. **Крымские татары в Отечественной войне 1812 г.** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 25–34.

В статье рассматривается история крымскотатарских кавалерийских частей от их создания в 1780-е гг. до участия в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии. Особенное внимание уделяется героизму крымских конников при чрезвычайных обстоятельствах наполеоновского нашествия. Подвиги, совершенные крымцами на бла-

го Отечества, не были учтены, однако, российским правительством при принятии решения об их депортации в ходе Крымской войны и в последовавшие годы.

Ключевые слова: крымские татары, крымскотатарские кавалерийские полки, Отечественная война 1812 г., Крымская война, депортация.

УДК 94(47).072.5

Плат Т. **Рига 1812 – События и последствия: Пожар в московском предместье Риги** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 35–43.

Статья посвящена Риге как второразрядному театру военных действий в кампании Наполеона 1812 г. против Российской империи. Подчеркивается стратегическая важность города как значимого порта на Балтийском море. Отмечается, что кульминацией боев вблизи Риги стал пожар ее предместий, ставший поворотным пунктом в развитии архитектурной истории города. Автора интересует пробуждающийся национализм как результат 1812 г., в этом контексте он выявляет присущие Риге особенности, прежде всего, в историографическом плане.

Ключевые слова: Рига, Российская империя, Отечественная война 1812 г., И. М. Эссен, пожар рижских предместий, национализм.

УДК 94(438).081

Чихорацки П., Домбровски Д. **События 1938–1939 гг. в Подкарпатской Руси и последняя попытка осуществления идеи «Междуморья»** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 44–58.

В статье рассматривается политика Польши и Венгрии в отношении Подкарпатской Руси, включенной в 1919 г. в состав Чехословакии. Усилия польской дипломатии, направленные на то, чтобы Подкарпатская Русь стала частью Венгрии, имели в виду осуществление идеи «Междуморья», блока государств между Балтийским, Черным и Адриатическим морями. Однако аннексия Закарпатья Венгрией в 1939 г. не только не означала гарантию Польши от угрозы со стороны Берлина, но и ослабила ее оборонные возможности в юго-восточном направлении, вследствие сотрудничества венгерских властей с III Рейхом. Концепция «Междуморья», активным пропагандистом которой был Юзеф Бек, потерпела фиаско.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, Чехословакия, Венгрия, польская дипломатия, концепция «Междуморья», Ю. Бек.

УДК 94(47).072.5

Шкваров А. Г. **Части Финляндского корпуса и финские национальные войска в 1812 г.** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 59–65.

В статье рассмотрены вопросы формирования полков Финляндского корпуса русской армии в период между окончанием последней войны со Швецией и началом войны 1812 г. Одновременно представлен обзор истории возникновения первых национальных финских подразделений.

Ключевые слова: Финляндский корпус, русская армия, война 1812 г., финские национальные войска.

УДК 94(48).083

Пленков О. Ю. **Французская кампания Вермахта и ее стратегические последствия** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 66–71.

В статье анализируются причины успеха военной операции Вермахта во Франции в мае 1940 г. Автор отстаивает точку зрения, что блицкриг на территории северной Франции не был запланирован заранее. Молниеносная победа была достигнута вследствие инициативности Гудериана, совершившего танковый прорыв вкуче с просчетами и моральным поражением французов. В результате идея «серповидного разреза» Манштейна оказалась осуществленной. Блицкриг, не удавшийся на западном фронте в 1914 г., получился в 1940 г., внушив Гитлеру надежды на быструю победу против СССР.

Ключевые слова: Французская кампания, Вторая мировая война, блицкриг, Гитлер, Манштейн, Гудериан.

УДК 94(73).091.8

Клименко О. О. **Влияние доктрины Трумэна и плана Маршалла на изменение политики США в Китае в 1947 – начале 1948 г.** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 72–77.

Статья посвящена изменениям, которые произошли в политике США по отношению к Китаю в 1947 – начале 1948 г. в связи с принятием док-

трины Трумэна и плана Маршалла, и реакции на эти изменения в Конгрессе США. Особое внимание автор уделила влиянию «китайского блока» в Конгрессе, который выступал за продолжение оказания помощи правительству Чан Кайши.

Ключевые слова: США, Китай, внешняя политика США, американо-китайские отношения, Конгресс США, «китайский блок».

УДК 94(44).086

Гончарова Т. Н. **Русские события парижской зимы 2012–2013 гг.: сотрудничество России и Франции в сферах культуры, науки и образования** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 78–95.

Зимой 2012–2013 гг. во французской столице прошли значительные мероприятия, имевшие непосредственное отношение к нашей стране, к тому же ряд новых публикаций приковал внимание французской публики к русским сюжетам. Появилось еще несколько изданий, трактующих о Русской кампании Наполеона 1812 г., в особенности материалы международной конференции, организованной прошлой весной Фондом Наполеон в конференц-зале министерства иностранных дел, «1812, Русская кампания» (Perrin, 2012), и специальный выпуск «Carnet de la Sabretache» (№ 194). Другие сюжеты также широко обсуждались в течение прошлой зимы. Начнем с памятной выставки, темой которой была «Интеллигенция между Францией и Россией, неизданные архивы XX века» (Beaux-arts de Paris, 2012). 400-летний юбилей Дома Романовых также не был обделен вниманием в связи с выходом дискуссионной книги известного историка Марка Ферро «Правда о трагедии Романовых» (Tallandier, 2012) и специального выпуска «Le Figaro Histoire» (№ 6) о представителях этой династии на российском престоле. Не менее важный сюжет это заседания XVII сессии Большой франко-российской комиссии в Национальном собрании, на которых широкое освещение получили вопросы экономического и научного сотрудничества России и Франции. С материалами заседаний можно ознакомиться на интернет-сайте Национального собрания Франции.

Ключевые слова: Париж, франко-российское сотрудничество, франко-российские интеллектуальные связи, 200-летний юбилей войны 1812 г., 400-летие Дома Романовых, Большая франко-российская комиссия.

УДК 929.659+94(73)''1775/1789''

Шершнева С. В. **Роман Дж. Ф. Купера «Шпион, или повесть о нейтральной территории» как первый американский исторический роман** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 96–107.

В статье рассматривается роман Дж. Ф. Купера «Шпион, или повесть о нейтральной территории» как первый, собственно, американский исторический роман, посвященный событиям Войны за независимость и написанный с патриотических позиций.

Ключевые слова: Дж. Ф. Купер, Литература США, Война за независимость, Отцы-основатели, Дж. Вашингтон, патриоты, лоялисты.

УДК 929.659+94(48).083

Барышников В. Н. **Историческое значение документального фильма писателя-режиссера Ю. Райзмана «К вопросу о перемирии с Финляндией» (1944 г.)** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 108–120.

Статья посвящена историческому анализу документального фильма режиссера Ю. Райзмана «К вопросу о перемирии с Финляндией», созданного в 1944 г. и раскрывающего события, связанные с наступлением советских войск в июне 1944 г. на Карельском перешейке.

Ключевые слова: история советско-финляндских отношений, история Второй мировой войны, военная история, документальное кино, исторический источник.

Щеголев С. И. **Рецензия на антологию: Наполеон Бонапарт: Pro et Contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей / Сост., вступ. статья, коммент. О. В. Соколова. СПб.: РХГА, 2012. – 1038 с. (Серия «Русский Путь»)** // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 156–162.

Антология «Наполеон: Pro et Contra» посвящена истории развития взглядов русской и советской общественности на личность самого Наполеона, его деяния в качестве полководца и государственного деятеля за прошедшие два века. Тщательно подобранные материалы, включающие воспоминания современников событий начала XIX в., переписку государственных деятелей России, труды учёных, произведения писателей и

даже поэтов успешно развенчивают многие исторические мифы и фальсификации.

Ключевые слова: Наполеон, антология, воспоминания, переписка, наполеонистика, исторические мифы, фальсификация.

ABSTRACTS OF SCIENTIFIC PAPERS

Borisenko V. N., Sidorenko L. V. Role of the Factor of Conquest in Estimation of the Glorious Revolution of 1688–1689.

This article deals with the events of the Glorious Revolution of 1688–1689 in a context of the conception, which explains the change of power in England as the conquest by William of Orange. The authors of the article analyze the role and activity of Dutch stadtholder in his intervention in England, reaction of contemporaries and consequences of this on the stability of new revolutionary regime. The main conclusion of the article is the thesis that though technically the change of power in England in 1688 was the result of the conquest, according to historical and constitutional consequences it is impossible to accept the Glorious Revolution only as the invasion of foreign prince, because English society was ready to accept foreigner with armed forces if the basic political and constitutional principles will be approved and preserved by him. This was done by William of Orange and because of that he became in public mythology the liberator, but not the conqueror.

Keywords: Glorious Revolution, England, William of Orange, conquest, policy.

Vozgrin V. E. The Crimean Tatars in the Patriotic war of 1812.

The article examines the history of the Crimean Tatar cavalry units from their creation in the 1780s to their participation in the Patriotic war of 1812 and in the Foreign campaigns of the Russian army. Particular attention is paid to the heroism of the Crimean cavalry under extraordinary circumstances of the

Napoleonic invasion. The deeds performed by the Crimeans for the benefit of the Fatherland were not taken into account when the Russian government has decided to deport them during the Crimean war and in the subsequent years.

Keywords: Crimean Tatars, Crimean Tatar cavalry, Patriotic war of 1812, Crimean war, deportation.

Plat T. Riga 1812 – Incident and significance: The Fire of Moscow suburb.

The paper is devoted to Riga as a secondary theater of war during Napoleon's campaign of 1812 against the Russian Empire. It focuses first on the strategic importance of the city within this campaign. In this context special attention is paid to the relevance of Riga as a major port of the Baltic Sea. Secondly the culmination of the warfare near Riga was the fire of the suburbs, which as a result meant a remarkable turning point for the development of architectural history in Riga. And thirdly beside the historical event itself it is noteworthy to scrutinize the context of awakening nationalism as a remarkable result of 1812 and the specific features of the city of Riga within this context, all the more with regard to the historiographical dimension.

Keywords: Riga, Russian Empire, Napoleon's campaign of 1812, I. M. Essen, fire of Riga's suburbs, nationalism.

Chihoratski P., Dombrowski D. The events from 1938 to 1939 in Carpathian Ruthenia and the last attempt to implement the idea of «Intermarum».

The article considers the policy of Poland and Hungary in respect of Carpathian Ruthenia incorporated in 1919 in Czechoslovakia. Polish diplomacy efforts were directed to include Carpathian Ruthenia to Hungary and thus to realize the idea of «Intermarum», a block of countries between the Baltic, Black and Adriatic Seas. However, the Hungarian annexation of Transcarpathia in 1939 not only did not mean a guarantee of Poland against threats from Berlin, but also weakened its defense capabilities as a result of cooperation between the Hungarian authorities and the Third Reich. The concept of «Intermarum», which was actively promoted by Josef Beck, was a fiasco.

Keywords: Carpathian Ruthenia, Czechoslovakia, Hungary, polish diplomacy, concept of «Intermarum», J. Beck.

Shkvarov A. G. The units of the Finland corps of the Russian Army and the Finnish national troops in 1812.

The article is devoted to the formation of the Finland corps regiments of the Russian army on the territory of Grand Duchy of Finland in the period between the Russian-Swedish war (1808–1809) and the War with Napoleon in 1812. The paper also presents the formation of the first national Finnish units.

Keywords: Finland corps, Russian Army, national Finnish units, War of 1812.

Plenkov O. Y. The French campaign of Wehrmacht and its strategic consequences.

The article analyzes the reasons for the success of the military operation of Wehrmacht in France in May 1940. The author defends the point of view that the Blitzkrieg in northern France was not planned in advance. The lightning victory has been achieved as a result of Guderian's Panzer breakthrough coupled with some miscalculations and moral defeatism of the French army. As a result, Manstein's idea of an «incision in the form of a sickle» was carried out. The Blitzkrieg was implemented in 1940 and it has inspired to Hitler a hope for a quick victory against the Soviet Union.

Keywords: French campaign, World War II, Blitzkrieg, Hitler, Manstein, Guderian.

Klimenko O. O. The influence of the Truman Doctrine and the Marshall Plan for U. S. policy change in China in 1947 – early 1948.

This article deals with the changes in the U.S. policy towards China in 1947 – early 1948 seeing the adoption of the Truman Doctrine and Marshall Plan, and the reaction to these changes in the U.S. Congress. The author paid special attention to the influence of “China bloc” in the Congress, who advocated for continuation of assistance to the Chiang Kaishek's government.

Keywords: the United States, China, U.S. foreign policy, U.S.-China relations, U.S. Congress, “China bloc”.

Goncharova T. N. Latest news from Paris: French-Russian Cooperation in the fields of culture, science and education.

Various significant events concerning our country have taken place this winter in the French capital city, and several new publications have drawn the attention of the French public towards Russian subjects. The Napoleonic war of 1812 brought about a few books more, especially the proceedings of the large conference organized last Spring by the Foundation Napoléon in the rooms of the Ministry of Foreign Affairs «1812, la campagne de Russie» (Perrin, 2012) and a special issue of «Carnets de la Sabretache» (№ 194). But various other subjects were widely discussed too in the course of last Winter. To start with a memorable exhibition dealt with «The intelligentsia between France and Russia. Unpublished archives of the 20th century» (Catalogue, Beaux-arts de Paris, 2012). The 400th birthday of the Romanov dynasty was not left unnoticed either, with a controversial book of the well-known popular historian Marc Ferro «The truth about the tragedy of the Romanov» (Tallandier, 2012) and a special edition of «Le Figaro Histoire» (№ 6) about the Romanov dynasty. Last but not least, the Great French-Russian Commission held its latest session in the National Assembly, allowing a wide scope of discussions on economic and scientific questions. The proceedings are to be consulted easily on the Internet site of the National Assembly.

Keywords: Paris, French-Russian Cooperation, French-Russian intellectual links, 200-year anniversary of the War of 1812, 400th birthday of the Romanov dynasty, Great French-Russian Commission.

Shershneva S. V. A Novel of J. F. Cooper «The Spy: A Tale of the Neutral Ground» as the First American Historical Novel.

This article analyzes a novel of J. F. Cooper «The Spy: A Tale of the Neutral Ground» as the first actually American historical novel, dedicated to the events of the War of Independence and written with patriotic positions.

Keywords: J. F. Cooper, Literature of the USA, War of Independence, Founding Fathers, J. Washington, Patriots, Loyalists.

Baryshnikov V. N. **The historical significance of the documentary film of the writer and stage-director Y. Raizman «On the question of the Armistice with Finland» (1944).**

This paper gives a historical analysis of the documentary film by writer and stage-director Y. Raizman «On the question of the Armistice with Finland», created in 1944, which deals with events related to the Soviet offensive in the Karelian Isthmus in June 1944.

Keywords: history of Soviet-Finnish relations, history of the World War II, military history, documentary, historical source.

Schegolev S. I. **Review on the anthology: Napoleon Bonaparte: Pro et Contra. The personality and deeds of Bonaparte in estimates of Russian researchers / author and compiler O. V. Sokolov. Saint-Petersburg, 2012. – 1038 p.**

The anthology “Napoleon: Pro et Contra” is devoted to the history of development of the views of Russian and Soviet public on Napoleon’s personality, his deeds as a military leader and statesman during the past two centuries. Carefully selected materials, including memoirs of the contemporaries of the events of the beginning of 19th century, correspondence of public figures of Russia, works of scientists, writers and even poets successfully debunk many of the historical myths and falsifications.

Keywords: Napoleon, anthology, memoirs, correspondence, historical works on Napoleon, historical myths, falsification.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышников Владимир Николаевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ

Борисенко Виктор Николаевич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ

Возгрин Валерий Евгеньевич, д-р ист. наук, проф. кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ

Гончарова Татьяна Николаевна, канд. ист. наук, ст. преп. кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ

Домбровски Дарюш, канд. ист. наук, Вроцлавский университет

Клименко Ольга Олеговна, аспирантка кафедры истории Нового и новейшего времени, научный руководитель канд. ист. наук, доцент С. В. Шершнева

Кротов Павел Александрович, д-р ист. наук, проф. кафедры истории России до XX века, Исторический ф-т СПбГУ

Плат Тильман, д-р наук, университет Грайфсвальда

Пленков Олег Юрьевич, д-р ист. наук, проф. кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ

Сидоренко Леонид Владимирович, канд. ист. наук, кафедра истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ

Соколов Олег Валерьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ

Цихорацки Пётр, д-р ист. наук, Вроцлавский университет

Шершнева Светлана Владимировна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Исторический ф-т СПбГУ

Шкаров Алексей Геннадьевич, канд. ист. наук, доктор наук (PhD), исследователь, университет Хельсинки (Финляндия)

Щеголев Сергей Игоревич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ, Исторический ф-т СПбГУ

Научное издание

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

№ 10

Печатается без издательского редактирования

Оригинал-макет: *Т. Н. Гончарова*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 15.05.13.

Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Заказ 30-05/13. Усл. печ. л. 13.

Тираж 300 экз.

Отпечатано на базе копировально-множительного участка

Исторического факультета СПбГУ

199034 Санкт-Петербург

Менделеевская линия, д. 5